

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В КОНТЕКСТЕ

879399

ВОРОНЕЖ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1978

В сборнике исследуется функционирование в контексте отдельных слов, фразеологизмов, словосочетаний, а также синтаксических конструкций, раскрывается связь между функционированием слова в контексте и его семантической структурой, контекстуальная экспрессивность слов в художественном контексте; на примере микродиалога анализируется структура контекста в целом.

Сборник подготовлен сотрудниками факультета романо-германской филологии ВГУ и учеными других вузов. Рассчитан на преподавателей иностранных языков, аспирантов и студентов.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Воронежского университета

Редакционная коллегия:

доц. И. В. Крымова (науч. ред.),
доц. М. Ф. Дашкова (зам. науч. ред.),
канд. филол. наук Л. В. Брыкова, доц. Р. Л. Ляндю,
проф. В. С. Сорбалэ, проф. Е. О. Шендельс

0-7-1-4

78—1978

© Издательство Воронежского университета, 1978

ИБ № 301

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В КОНТЕКСТЕ

Редактор М. Ф. Васильева
Технический редактор О. В. Нагаева
Корректор Т. Н. Карabut

ЛЕ 00113. Сдано в набор 22. XI 1977 г. Подп. в печ. 17. II 1978 г.
Форм. бум. 60×84/16. Бумага № 3. Усл. п. л. 7,9. Уч.-изд. л. 8,0.
Тираж 1000. Заказ 23. Цена 90 коп.

Издательство Воронежского университета
Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8
Типография издательства ВГУ
Воронеж, ул. Пушкинская, 3

ВАРИАНТНОСТЬ СЛОВА В ПЛАНЕ ВЫРАЖЕНИЯ И КОНТЕКСТ

Следуя указанию Ф. де Соссюра о том, что остов соотношений должен быть главным предметом языкознания [1, с. 104], мы намерены рассмотреть такой вид отношений, как субституция — «взаимное отношение вариантов в плане выражения; отношение между двумя элементами обозначающего (выражения), состоящее в том, что замена одного из них другим не вызывает соответствующего изменения в обозначаемых ими элементах содержания» [2] (разрядка наша.— Г. М.). Субституцию целесообразно изучать в сопоставлении с коммутацией, определяемой как «взаимное отношение инвариантов в плане выражения; отношение между двумя элементами обозначающего (обозначаемого), или выражение, состоящее в том, что замена одного из них другим вызывает соответствующее изменение в обозначаемых ими элементах содержания» [3] (разрядка наша.— Г. М.), т. е. отношение элементов плана выражения реализуется в этих двух видах, отличающихся противоположностью результатов.

Разноязычные примеры таблицы призваны показать, что субституция и коммутация свойственны разным языкам, т. е. носят общеязыковой характер.

Контекст — речевое окружение слова — актуализирует одно из свойственных слову значений. Например: Мы приобрели полированный стол производства ГДР. В этом санатории диетический стол.

**Соотношение субституции и коммутации в русском
и английском языках**

Язык	Субституция (варианты слова)	Коммутация (отдельные слова)
Русский	беспрóсыпу/беспрóсыпу обусловливать/обуславливать бóреста/берёста ананасный/ананасовый	мукá — му́ка мат — мот небо — нёбо классный — классо́вый
Английский	Dowgate/daugit, —geit/ escalade (s. v.) /eskəleɪd, ' — — — / [4]	conglomerate (s. adj.) /kəŋgl ɔmərit/ conglomerate (v.) /k əŋgl ɔm=reɪt/ overland (adv.) /ouv əlʌnd/ overland (adj.) /ouv əlʌnd/

Контекст также выбирает для употребления один из вариантов плана выражения. Стилистически нейтральный контекст — только один вариант, т. е. то, что минимально необходимо для коммуникации, причем выбор варианта зависит от языковых привычек человека. Так, из существующей вариантной пары *твóрог* — *творóг* [4] некто предпочитает *твóрог*, а его собеседник — *творóг*. Обычное употребление одного из вариантов не означает полного отказа от другого, так как в языковом сознании человека могут существовать все имеющиеся у данного слова варианты, а потому и первый может употребить *творóг*. Следует сказать, что прежде всего в сознании всплывает самый распространенный вариант. По расположению в словарной статье это, как правило, первый член вариантного ряда.

При употреблении обоих вариантов создается э́мфаза, подчеркивающая полноту выражаемого понятия. Варианты содействуют устранению тавтологии и используются в этих целях преимущественно в поэтической речи, например в «Песне молодых солдат» (сл. Я. Шведова) [5]:

Хорошо
Нам, бойцам,
Стране родной служить,
С боевой славой,
Славою дружить.

Славой и славою представляют собою фонематические варианты творительного падежа единственного числа существительного женского рода.

Акцентуационные варианты можно иллюстрировать на неопубликованном тексте песни «Выборгская сторона» (сл. Ю. Братова):

Ведь я живу на Выборгской,
Делю с ней радость порывну.
Поверь, родная сторона,
Ты у меня одна
На все четыре стороны,
На все четыре стороны.

Такое же явление можно наблюдать и в украинской песне «Два кольори» (сл. Д. Павличка):

Два **к**ольори мої, два кольорі,
Оба на полотні, в душі моїй оба [6, с. 6].

Отношения между элементами одного плана (а варианты являются такими элементами плана выражения) характеризуются противопоставленностью, о которой Ф. де Соссюр писал: «... каждый элемент имеет свою ценность (значимость) по противопоставлению со всеми прочими элементами» [7, с. 45]. Вариант не выступает как абсолютный имманентный феномен в конечной инстанции, сам в себе не содержит вариантных качеств, а приобретает вариантную ценность лишь при соотнесении его с другими вариантами. «В самом деле, для того, чтобы возможно было говорить о ценности, необходимо: 1) Наличие какой-либо непохожей вещи, которую можно обменивать на то, ценность чего подлежит определению. 2) Наличие каких-либо схожих вещей, которые можно сравнивать с тем, о ценности чего идет речь» [1, с. 94].

Опираясь на высказывание Ф. де Соссюра, следует сказать, что в понятии «вариант» существует идея «схожих вещей», которая создается равнозначностью, т. е. полным единством в плане содержания, и наличием общего корня (пусть и допускающего замены отдельных фонем как в «обуславливать/обуславливать» и другие примеры в нашей таблице), т. е. преимущественным единством в плане выражения.

Корневая морфема является основным носителем значения среди других материальных слагаемых слова, а именно отдельных фонем, ударения, аффиксов и др. Замена этих слагаемых одно другим или нулем может создавать рас-

смаатриваемые нами варианты, материальные разновидности слова, в то время как замена корневой морфемы создает отдельные слова [1, с. 114].

Положение о семантико-стилистической равнозначности в определении субституции выражено в терминах отношений, а именно: «...замена одного из них другим (элементом выражения.— Г. М.) не вызывает соответствующего изменения в обозначаемых ими элементах содержания» [8, с. 25].

Вариантообразующие замены обычно происходят в одном и том же месте слова, откуда следует, что вариантообразующие элементы должны быть совместимы в данной позиции. Действительно, если представить себе такое положение, что согласно фонетическим нормам *ё* не употребляется после *р*, то вариантный ряд «береста/берёста» не мог бы осуществиться. И наоборот, такой ряд смог образоваться потому, что указанного не существует.

К любому слову без вариантности равно как и к любому существующему вариантному ряду можно примыслить еще какие-нибудь варианты. Например, ряд «твóрог/творóг» мог бы иметь также и варианты «творох», «тволох», которые основываются на варьирующих фонемах. Это свидетельствует о том, что в данном употреблении, предписанном традициями языкового коллектива, произнесение слова отрегулировано, ввиду чего допустимы хотя и разнообразные, но относительно малые колебания, представленные в виде вариантов.

Материальное оформление понятия в языке должно обеспечивать взаимопонимание общающихся людей, исключить двусмысленность и недоразумения. Для этого необходима и достаточна одна материальная форма для данного комплекса значений, элементов плана содержания. Однако язык допускает существование разнозначности или, если рассматривать ее по-другому, параллельности материальных средств, которые явно излишни, но излишни лишь с точки зрения непосредственно рассматриваемого акта коммуникации. Разнозначные формы оправданы, если рассматривать их в рамках движения и развития языка в перспективном плане. Язык поступается наличием вариантности в синхронии во имя целесообразности развития. Являясь этапом становления одной из материальных форм, такая параллельность в конечном счете служит более четкому отбору языковых средств, хотя временно в период своего существования противоречит ему. Вариантный ряд — это полигон, на котором язык отбирает необходимые ему формы.

Существование вариантного ряда в данном слове преходящее, так как тенденция к утверждению себя как единственного представителя данного значения (что необходимо и достаточно для акта коммуникации), приводит к конкурентной борьбе между вариантами. Несмотря на мнение многих лингвистов, в частности Ч. Ф. Хоккета [9, с. 439], считающих, что мы можем видеть только результат развития и внешне проявляются лишь следствия, а не истинные причины тех или иных изменений, все же укажем, что частичная вариантность, т. е. наличие варианта у одного из значений или у какого-либо стилистического оттенка, дает нам возможность видеть некоторые этапы процесса этого отбора. Иллюстративный материал дает «Everyman's English Pronouncing Dictionary» by D. Jones. Словарная статья *guillotine* (s. v.) (git ti : n, gil t). Note.— Some people use — — — for the noun and — — — for the verb. свидетельствует о том, что существует тенденция к разрушению отношений по конверсии между исходным и производным словами через акцентуационные различия. В словарной статье *absolutely* (bs lu:tli). Note.— Some people use the form — — — — meaning «completely», and — — — — meaning «certainly» просматривается стремление каждого из значений *completely* и *certainly* приобрести свою собственную материальную форму.

Частичные варианты дают достаточно обоснованный повод к прогнозированию их будущего, чего нельзя сказать о полных свободных вариантах, примеры которых приведены в таблице. Выбор одного из вариантов при оставлении прочих членов вариантного ряда в прошлом, скажем, в ранне-новоанглийском периоде, или придание одному из вариантов стилистической или семантической дифференцированности равновероятен. Лишь языковая практика показывает, варьирует ли данное слово. Вне языковой практики судить об этом нельзя. Так, слово *undisguised* (— — — —, — — — —) варьирует, а аналогичное *unmeasured* не имеет вариантного ряда.

Вариантность существует в синхронии, так как члены вариантного ряда равноценны и в отношении нахождения в одном периоде развития языка. Однако изучение ее только с позиций синхронии является условным и неполным, так как в языке временные аспекты явлений сосуществуют. Вариантность представляется с точки зрения: а) панхронии — как постоянно существующее явление, так как вариантность существует в любом срезе языка; б) синхронии — как избы-

точность материальных средств; в) диахронии — как подготовка будущих фактов языка в данный период.

Роль естественно протекающей замены вариантообразующих единиц оказывается разной для синхронии и диахронии, что можно заключить из следующего высказывания Ф. де Соссюра: «Синхроническая лингвистика займется логическими и психологическими отношениями, связывающими элементы... изучая их так, как они воспринимаются одним и тем же коллективным сознанием». «Диахроническая лингвистика будет изучать отношения, связывающие элементы в порядке последовательности, не воспринимаемой одним и тем же коллективным сознанием, элементы, заменяющиеся одними другими...» [1, с. 103].

По поводу синхронии Ф. де Соссюр говорит об отношениях, не уточняя их, что можно понимать весьма широко, так как отношения могут быть многообразны и включать, в частности, равнозначную замену. Касаясь диахронии, он специально указывает на замену. Отсюда следует, что замена характерна для диахронии, главенствует в ней, а в синхронии замена выполняет лишь некоторые из многих функций, например функцию продолжения языка. Члены вариантного ряда совмещают в себе моменты синхронии и диахронии, так как воспринимаются одним и тем же коллективным сознанием носителей языка, но заменяются один другим. Между движением синхронии, т. е. неустойчивостью в данную эпоху, и движением диахронии, т. е. проявляющимися во временной последовательности, но формально сходными ввиду равнозначности материальными видоизменениями, существует непосредственная связь, выражающаяся в том, что колебания в синхроническом канале подготавливают замену по диахроническому каналу.

Различия, которые обнаруживаются при сопоставлении разновременных состояний языка, представляют собою результат последовательного накопления мелких изменений и модификаций в синхронии, что можно видеть из следующего примера: *psalm, salm; psalm(s :m)* (Modern English) [10].

Вариант — промежуточная форма между современной и будущей или современной и прошлой. Она является связывающим звеном между синхронией и диахронией. Производность вариантности от непрерывного процесса развития делает ее пребывание в языке постоянным, вследствие чего язык характеризуется не только значительной константно-

стью, но и набором вариантов, о чем свидетельствуют словари.

Слово является объектом действия двух противоположенных тенденций — к изменению и к сохранению существующих форм. Полное изменение форм привело бы к совершенному обновлению плоскости выражения всех слов, что нецелесообразно, так как это стоило бы языковому коллективу больших творческих усилий. Фактическое отсутствие новых морфем является проявлением тенденции к сохранению существующих форм.

Вариантность является результирующей этих двух противоположенных тенденций и выражается в том, что язык развивается путем видоизменения существующих форм. Вариант несет с собою частичное материальное обновление, которое в начале осмысливается как новый род старого вида.

Известно, что новые морфемы практически чрезвычайно редки, а потому существует лишь один путь к языковому оформлению постоянно растущего количества новых понятий — комбинирование уже существующих элементов, причем одна и та же комбинация одних и тех же элементов может иметь различное семантическое наполнение, создающее отдельные слова или варианты. Так, суффикс *-н-* и противопоставленный ему суффикс *-ов-* в вариантном ряду «ананасный/ананасовый» создают варианты, а в «классный/классовый» — отдельные слова (см. и другие примеры таблицы).

Вариант слова образуется по продуктивным моделям с комбинаторным использованием существующего языкового материала. Действительно, суффиксы *-н-* и *-ов-* широко используются и во вновь образованных словах.

План выражения полностью лежит в области языка. Это подчеркивается в том смысле, что план содержания лежит как в сфере языка, так и вне ее хотя бы уже потому, что понятийная сфера экстралингвистична. Человеческое мышление может раскрыть свое содержание только в языковой форме, на чем и основано марксистское положение о том, что язык является материальной оболочкой мысли. Язык сам является формой, с другой стороны, он содержит форму. Во втором интересующем нас случае форма создает внешнее различие между знаками. Вариантность — явление формы, откуда следует, что вариантность носит внутриязыковой характер.

Как следует из определения субституции, осуществление замены в плане выражения, не вызывающей изменений в пла-

не содержания, или невозможность ее осуществления является естественно протекающей операцией в структуре языка. Ю. Д. Апресян пишет, что одним из основных экспериментальных приемов, используемых в современной структурной лингвистике, является «субституция (замена) элемента другим элементом» [11, с. 151]. Если замена настолько показательна, что служит методом исследования, то наблюдения за естественно протекающей заменой дают основание полагать, что ее изучение представляет несомненный интерес. Вместе с тем нельзя не отметить, что восприятие вариантов как курьеза, непонимание их функции в языке очень распространено. Оно встречается даже у такого серьезного исследователя, как Н. С. Трубецкой: «Стилистически несущественные факультативные варианты вообще не несут никакой функции, они замещают друг друга совершенно произвольно, не изменяя при этом экспрессивной или аппелятивной функции речи» [12, с. 54].

Мы надеемся своей работой развеять это заблуждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Ст. «Субституция», 2.
3. Там же, «Коммутация», 2.
4. Jones D. Everyman's English Pronouncing Dictionary. М., 1964.
5. Ахманова О. С. Указ. соч., ст. «Вариант», фонетические варианты слова.
6. Сборник строевых песен. Под ред. В. П. Бухарова. М., 1955.
7. Бялаш А. Песни. М., 1971.
8. Смирницкий А. И. К вопросу о слове.— «Труды института языкознания», 1954, т. IV.
9. Hockett Ch. F. A course in modern linguistics. New York, 1958.
10. An Etymological Dictionary of the English Language. By the Rev.; Walter W. Skeat, of the Clarendon Press Impression, 1956.
11. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
12. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.

Ю. А. РЫЛОВ

ЧАСТИЦЫ И КОНТЕКСТ

По статистическим подсчетам, частицы относятся к наиболее употребительным словам русского языка [1]. Тем не

менее частицам почти не уделяется внимания в практике преподавания русского языка как иностранного. Не исследованы также эквиваленты русских частиц в иностранных языках. Причины этого следующие. Во-первых, частицы как самостоятельная часть речи были выделены сравнительно недавно. Традиция изучения русских частиц восходит к А. А. Добиашу [2]. Что касается романского языкознания, в частности испанского и французского, то здесь частицы не изучались. Обычно частицы относят либо к так называемым «неизменяемым словам» (*mots invariables*), куда входят наречия, предлоги, союзы и частицы, либо просто к наречиям*. Между тем в указанных языках имеются значительные ряды слов, которые было бы целесообразно рассматривать как частицы. Таковы *voici, voilà, si, aussi* и др. во французском языке, *pues, siquiera, solamente, sí* и др. — в испанском.

Кроме того, не определен инвентарь частиц и принципы отграничения их от других частей речи. Выявление инвентаря частиц связано с большими трудностями, так как частицы часто омонимичны другим частям речи: глаголам (русск. *было, бывало*), наречиям (русск. *просто*, исп. *precisamente*, фр. *précisément*), местоимениям (фр. *même*), союзам (русск. *и*, исп. *si*), предлогам (исп. *hasta*). Частицы могут иметь также форму словосочетания (русск. *по крайней мере*, исп. *he aquí*).

Наконец, изучение частиц осложняется крайней разнообразностью их значений. При этом в ряде случаев сами значения частиц дефинировать весьма трудно.

Прояснению значений частиц может способствовать, на наш взгляд, «реконструкция» ситуаций на базе высказывания, в котором употреблена та или иная частица. В самом деле, «каждая ситуация обычно требует, и в известном смысле автоматически, определенное и единственное высказывание» [3, с. 176], следовательно, тому или иному высказыванию должна соответствовать вполне определенная ситуация, т. е. по высказыванию можно определить ситуацию и контекст. Например, высказывание «Он еще на гитаре играет» с частицей *еще* предполагает следующую ситуацию: адресат

* А. В. Исаченко замечает по этому поводу, что традиционная грамматика «рассматривает категорию наречия как овальное место, на которое обрасываются все грамматически «беспризорные» слова, не нашедшие себе места в других частях речи» (Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. I. Братислава, 1965, с. 271).

речи не может вспомнить какого-то человека, и данное высказывание содержит дополнительные сведения о нем примерно в таком контексте: Вы помните N? Такой высокий, он еще на гитаре играл.

В данной статье делается попытка определить некоторые значения так называемых усилительных частиц *то, же, и, даже*, пользуясь указанной выше методикой, и установить их возможные эквиваленты во французском и испанском языках. Рассмотрим примеры: 1. Дом-то стоит. 2. Дом↑же|стоит↓. 3. Даже дом стоит. 4. И↓ дом стоит. (Стоит и дом.)

Первое высказывание могло появиться в следующей ситуации: говорящий комментирует сделанное кем-то в прошлом утверждение или предположение (не всегда эксплицитное) о том, что с домом что-то произойдет. Контекст примерно может быть таким: Дом-то стоит, а все говорили, что он некрепок, разрушится*. Таким образом, частица *то* присоединяется к тому компоненту высказывания, который обозначает нечто известное, из чего исходит говорящий, т. е. к тематичному компоненту. При этом обеспечивается контрастное выделение нового утверждения (дом не разрушен, а стоит), т. е. ремы. Следует отметить разговорный характер полученного контекста, а также то, что предложение без частицы «Дом стоит», произнесенное с дополнительным ударением на глаголе, может заменить высказывание «Дом-то стоит» в полученном нами контексте, хотя взятое изолированно первое высказывание не предполагает именно описанную выше ситуацию. Итак, частица *то*, присоединяясь к какому-либо компоненту высказывания, обеспечивает его тематичность и контрастность нового утверждения об этом компоненте.

В романских языках не имеется специального средства передачи рассмотренного значения частицы *то*. Тематичность компонента, сопровождаемого частицей *то* в русском предложении, обычно обеспечивается при переводе порядком слов, как в следующих испанских примерах: Ведь лошади-то не мои, и нас уже четыре человека (Ф.) ... Como los caballos no son míos, y vamos ya cuatro... Но враг-то не знал об этом! (П.) ¡Pero el enemigo no lo sabía! Аналогично во французском языке: В глубине-то души не верится, что страдаешь (Д.) ... Au fond de soi-même, on ne croit pas qu'on souffre... Иногда контрастность ремы подчеркивается введением в перевод со-

* Все приводимые в статье контексты получены в результате психолингвистического эксперимента с участием студентов-филологов.

юза qui: Наши-то в степу ночуют (Tch. A.) ... Et nos hommes qui dorment dans la steppe...

Обратимся к высказыванию «Дом↑же|стоит↓». Оно отличается от предыдущего не только стилистически, но и предполагает несколько иную ситуацию. Во-первых, мыслится наличие другого субъекта, во-вторых, действие, которое происходит с «домом», противопоставляется действию, происходящему с другим субъектом, как в контексте: Пристройки сгорели, дом же стоит. Частица *же* в данном случае, присоединяясь к слову, обеспечивает его связь с предыдущим контекстом и напоминает союз, но, в отличие от него, оформляет сопровождаемое слово в тему высказывания и имеет при этом значение, близкое к значению тематического оборота «что касается». Именно так трактуется *же* в переводах на французский язык. Ср.: Кузьмичев же не казался довольным. (Tch. A.). Quant à Kouzmitchov, il n'avait pas l'air content. Иногда значение этой частицы передается при помощи другого средства — сегментации: Отец же Христофор не переставал удивленно глядеть на мир Божий и улыбаться. (Tch. A.). Le père Christophe, lui, ne cessait de contempler le monde avec émerveillement et de sourire.

Указанные средства четко обеспечивают тематичность существительного. Показательно, что рассмотренное выше высказывание «Дом↑же|стоит↓» в полученном контексте может быть заменено высказыванием «Дом стоит», произнесенным с паузой между составляющими его компонентами, но, взятое изолированно, последнее высказывание не предполагает полученного контекста. Следует попутно отметить, что высказывание «Дом же стоит» нужно отличать от высказывания «Дом↓ же стоит↓» (с понижением тона на обоих компонентах, особенно на глагольном). Такое высказывание предполагает следующую ситуацию: идет разговор о том, что дом следует отремонтировать, кто-то возражает: Дом же стоит, зачем его ремонтировать? В данном случае частица *же* относится не к какому-либо слову в предложении, а ко всему предложению и не может без изменения смысла высказывания следовать за глаголом (Дом стоит же). Частица *же* в таком употреблении близка к частице *ведь* и придает всему высказыванию смысл возражения.

Рассмотрим высказывание «Даже дом стоит». Оно предполагает следующую ситуацию: все постройки (или часть) считались разрушенными, в первую очередь дом, но оказалось, что все постройки сохранились, даже дом стоит. Суб-

стантивный компонент, сопровождаемый частицей *даже*, обозначает предмет, выполняющий наряду с другими предметами известное действие. Это действие представляет собой исходный пункт высказывания, тему; субстантивный компонент — рему, отношение предмета к этому действию, ранее не предполагавшемуся. Частице *даже* в переводах на испанский язык соответствует чаще всего частица *incluso*; на французский — *même*: Даже палки... плохо помогали (П.). *Incluso los palos ...ayudaban poco*. Я даже опыты делал (Д.). *Je faisais même des expériences*.

Испанские и французские частицы обеспечивают в переводах рематичность соответствующих компонентов. Здесь же следует выделить следующее: в полученном нами контексте высказывание «Даже дом стоит» нельзя заменить высказыванием «Дом стоит» (в том числе с интонационно подчеркнутым существительным).

Высказывание «И дом стоит» (Стоит и дом) может быть произнесено примерно в такой ситуации: речь идет о том, что все постройки сохранились, включая и дом: Сохранились все постройки; стоит и дом. Как видно из полученного контекста, действие, выполняемое всеми предметами, осуществляется также предметом, обозначенным субстантивным компонентом с частицей. Исходный пункт высказывания (тема) представлен компонентом, обозначающим действие; рема представлена субстантивным компонентом и указывает на отношение к этому действию одного из предметов данного ряда. Высказывание «Стоит и дом» (И дом стоит) не может быть заменено высказыванием без частицы, без изменения смысла. В переводах на испанский язык частице *и* чаще всего соответствует частица *también*, на французский — *aussi*. Ср: Вот и лежал бы тут! (П.). ¡*También yo podía yacer aquí!* Скоро показался и хутор Болтвы (Tch. A.). ... *Bientôt, on vit aussi la ferme*. Иногда частица *aussi* сочетается с сегментацией: Томился и Егорушка (Tch. A.). *Iégorouchka, lui aussi, se sentait accablé*.

Нами рассмотрены лишь некоторые из возможных значений частиц *то, же, даже, и*, но тем не менее можно подвести некоторые итоги.

При определении значений частиц важно учитывать их контекстуальные возможности, которые, как видно из изложенного материала, могут быть выявлены при помощи психолингвистического эксперимента, заключающегося в реконструкции контекста на базе высказывания, содержащего час-

тицу. Высказывания, различающиеся частицами, соотносятся соответственно с различными ситуациями и входят в различные контексты. В известных случаях различным значениям одной и той же частицы соответствуют разные интонационные модели: Дом↑же|стоит↓ — Дом ↓же стоит↓. Будучи связанными с интонационной структурой предложения, частицы являются одним из средств его актуального членения. Этот факт следует учитывать как при определении значений частиц, так и при классификации их. Как уже отмечалось, частицы *то*, *же*, *даже*, и обычно объединяют в одну группу усилительных частиц [4, с. 334]. Между тем частицы *то* и *же* не выполняют в полученных контекстах эмфатической, усилительной функции, а, напротив, сопровождают компоненты, которые выступают в качестве исходного пункта высказывания и не могут нести дополнительного эмфатического ударения (см. первый и второй контексты). Другое дело, что использование частиц как специального средства оформления темы обеспечивает контрастность ремы. Частицы *то* и *же* (в высказывании «Дом↑же|стоит↓»), таким образом, нельзя признать усилительными частицами. По всей видимости, их можно выделить в особую группу тематичных частиц. Что касается частиц *даже* и *и*, то их следует признать эмфатическими частицами и рассматривать в одном ряду с другими частицами, обеспечивающими тематичность сопровождаемых компонентов. Таковы *только*, *лишь*, *именно*, *как раз* и др. Эти частицы «притягивают» логическое ударение: Только он пришел. Именно он пришел. Лишь он пришел.

Высказывания с тематичными частицами в полученных выше контекстах можно заменить высказываниями без частиц, хотя высказывания без частицы имплицитно не подразумевают полученных контекстов. Высказывания с рематичными частицами заменить высказываниями без частиц, не искажая контекста, нельзя. Вообще высказывания с частицами более референтны, более соотносимы с ситуацией и контекстом, чем соответствующие высказывания без частиц. Предложения с частицами контекстуально зависимы, именно поэтому на основе такого предложения можно восстановить контекст. (Имеются, правда, частицы, указывающие на независимость высказывания от предыдущего контекста, на начало нового отрезка повествования, например частица *вот*. Ср.: Вот бежит дворовый мальчик...).

Средства передачи значений русских частиц в испанском и французском языках разнообразны. Нами были рассмотре-

ны лишь случаи, когда в переводах правильно передается коммуникативная нагрузка компонентов, сопровождаемых в русском тексте частицами. Но часто можно встретить переводы, где из-за неправильной трактовки частицы искажается контекст. Например, в предложении «Вскоре и он явился» (Р.) эмфатически выделяется местоимение, в переводе же ударную позицию занимает наречие (*Il parut bientôt*). Более адекватным был бы такой вариант: *Il parut bientôt, lui aussi*.

Вопрос о передаче значений русских частиц в других языках, как видим, представляет значительный интерес в практическом плане и требует наряду с другими поставленными в данной статье вопросами дальнейшей разработки и уточнений.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Ф.—Фадеев А. Молодая гвардия. М., 1973 (*Fadéiev A. La jeune garde. Moscou*).
П.—Полевой Б. Повесть о настоящем человеке. М., 1965 (*Polevói B. Un homme de verdad. Moscou*).
D.—Dostoïevski F. Notes d'un souterrain. Collection bilingue. Paris.
Tch. A.—Tchékhov A. La steppe. Collection bilingue. Paris.
P.—Pouchkine A. La fille du capitain. Collection bilingue. Paris.

ЛИТЕРАТУРА

1. Штейнфельдт Э. А. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963.
2. Добнаш А. А. Семасиология частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага, 1897.
3. Vinay J. P., Darbelnet J. Stylistique comparée du Français et du l'Anglais. Didier, 1972.
4. Современный русский язык. Под ред. Д. Э. Розенталя. Ч. I. М., 1976.

И. А. СТЕРНИН

СИСТЕМНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАК ОБОБЩЕНИЕ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА

Значение слова связано с контекстом трояким образом. Во-первых, системное значение формируется на основе совокупности однородных контекстуальных реализаций слова, т. е. представляет собой известное обобщение употребления слова

в сходных контекстах. Во-вторых, контекст обуславливает реализацию системного значения слова, выступая в качестве условия актуализации одного из нескольких значений многозначного слова. И, в-третьих, контекст может служить тем фактором, который вызывает изменение значения слова и в конечном итоге приводит к семантическому развитию слова — к изменению структуры отдельного значения и появлению новых значений.

Таким образом, контекст является основой формирования, реализации и развития системного значения слова. Системные значения слова в своих истоках и функционировании являются контекстуально обусловленными.

Как отдельные конкретные значения слова являются обобщением его контекстуальных употреблений, так и абстрактные семы классов слов являются результатом обобщения уже общественно обобщенных отдельных значений слов. К таким семам относятся, в первую очередь, категориальные семы частей речи. Как показывает многовековой опыт изучения частей речи (он насчитывает уже 2000 лет), исследователь не может обойти стороной семантическую основу части речи, не может обойтись без таких категорий, как признак, действие, предмет, признак признака и др. Эти категории на всем протяжении развития языкознания неоднократно подвергались критике, но неизменно ее выдерживали. Указанные категории являются отражением в языке реальных свойств окружающей действительности [1, с. 56; 2, с. 41; 3, с. 36], а следовательно, и категориями семантическими. Категории признака, предмета, действия или процесса, признака действия или состояния, количества и др. входят в значения определенных групп слов в качестве их категориальных сем и обуславливают принадлежность слова к тому или иному классу. Эти семы отличаются от других сем в составе значения слова только более высокой степенью абстракции, что свидетельствует об отсутствии резкой границы между «лексическими» и «грамматическими» семами. Объединение слов в части речи происходит в языке объективно, на основе общих сем в составе значений больших групп слов, и принципиально однородно объединению слов в лексико-семантические группы, синонимические и тематические ряды. Объективность существования частей речи как семантических группировок подтверждается многочисленными ассоциативными экспериментами, показывающими, что в подавляющем боль-

шинстве случаев испытуемые реагируют на стимул словом той же части речи.

На проблему формирования сем частей речи существуют разные точки зрения. Ряд ученых отрицает обобщающий лексический характер категориальных сем частей речи, полагая, что семантика части речи вторична по отношению к морфологическим показателям слова. С. Е. Яхонтов считает, что значения типа *предметность, качество, действие*, не могут быть основанием «для классификации лексического состава языка, так как они не могут быть обнаружены в слове непосредственно, сами по себе, минуя формальные признаки слова» [4, с. 71]. По Яхонтову, *знать, лежать, болеть* — действия, так как эти глаголы спрягаются. Остроумную критику подобного формалистического подхода дал еще академик Л. В. Щерба: «Впрочем, едва ли мы потому считаем стол, медведь за существительные, что они склоняются; скорее мы потому их склоняем, что они существительные» [5, с. 64 — прим.]. Способ обнаружения категории не имеет значения для определения сущности категории; и непонятно, откуда мы можем узнать, что «лежать» обозначает действие, если знаем лишь то, что слово спрягается. Формальные признаки части речи сопутствуют категориальной семе, но не определяют ее. Основа части речи — семантическая, а морфологические и синтаксические признаки в значительной степени производны от семантики [3, с. 33]. Чисто формальный подход к частям речи искажает реальные языковые факты, реальную группировку слов в языке.

В целом никак нельзя признать, что формальные морфологические категории играют ведущую роль в определении принадлежности слова к той или иной части речи. Нет никакой необходимой связи, например, между значением предметности и категориями рода, числа и падежа. В том или ином языке может реально существовать та или иная часть речи, выделяемая на семантической основе, но не обладающая (или обладающая не всеми) морфологическими категориями, обычно приписываемыми данной части речи. К примеру, артикль и прилагательное в английском языке не изменяются, а в большинстве других индоевропейских языков они изменяемы. У существительного в английском языке отсутствует род. В тюркских языках неизменяемость отличает прилагательные от омонимичных существительных. В армянском, азербайджанском, грузинском языках нет категории рода, а слова со значением предметности существуют. В аб-

хазском языке также выделяются предметные слова, однако при этом нет категории падежа: имена имеют здесь категории грамматического класса, рода и числа. Категория лица отсутствует у глагола в ряде дагестанских и нахских языков. Глагол одного из дагестанских языков, лезгинского, не изменяется ни по грамматическим классам, ни по лицам, ни по числам, и тем не менее воспринимается как обладающий значением действия примерно так же, как и абхазский глагол, обладающий категориями лица, числа и грамматического класса [6, с. 10; 7, с. 59]. Морфологически выраженные категории могут, таким образом, сопровождать сему части речи, но не являться по отношению к ней обязательной.

Итак, части речи — это лексико-семантические классы слов, возникшие в результате обобщения лексических значений отдельных слов и обладающие (факультативно) формальными морфологическими показателями категориальной семы. Категориальный признак части речи однороден с другими семами в структуре значения слова, но является по отношению к ним более обобщенным отражением действительности. Части речи как лексико-семантическая группировка образуют определенный уровень в лексико-семантической системе языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова Э. В. Слово как элемент грамматических и лексико-грамматических классов. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1974.
2. Васильев А. К. Природа общих (категориальных) частей речи. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970.
3. Савченко А. Н. Части речи и категории мышления. Ростов н/Д., 1959.
4. Яхонтов С. Е. Понятие частей речи в общем и китайском языкознании. — В кн.: Вопросы теории частей речи. Л., 1968.
5. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. — В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
6. Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации. — В кн.: Вопросы теории частей речи. Л., 1968.
7. Чикобава А. С. Части речи как понятие филологической грамматики и как понятие описательного научного анализа. — Там же.

К ВОПРОСУ О КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ ЭКСПРЕССИВНОСТИ УЗУАЛЬНО НЕЙТРАЛЬНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Полнота восприятия художественного произведения, тонкое понимание подтекста зависят не только от достоинств самого художественного произведения, но и от культуры чтения, которую можно и нужно воспитывать. Филологам, будущим преподавателям иностранного языка культура чтения особенно необходима, так как, по справедливому замечанию М. П. Брандес, оригинальный художественный текст, являясь основным источником и материалом изучения иностранного языка в вузах, «в определенной степени реконструирует языковую среду» [1, с. 5].

Существенным компонентом культуры чтения представляется навык восприятия выразительности узуально нейтральных лексических единиц в контексте. Современная филология резко осуждает сведение художественной формы литературного произведения к набору стилистических приемов, как это делает А. И. Ефимов [2]. Такое понимание художественной формы огрубляет и обедняет восприятие художественного произведения.

В современных филологических работах, рассматривающих принципы анализа художественной речи, подчеркивается потенциальная возможность выразительности любой языковой единицы в контексте художественной речи. Совершенно прав А. И. Ревякин, утверждая, что «... в подлинно поэтическом произведении нет слов художественно нейтральных, не служащих лепке образа, не подчиненных художественному заданию органически не связанных с другими, независимых друг от друга» [3, с. 159].

Необходимо, следовательно, различать такие понятия, как стилистическая окраска и стилистическая функция слова. И. В. Арнольд [4] подчеркивает узуальную природу стилистической окраски и контекстуальную природу стилистической функции.

При проведении занятий по анализу художественного иноязычного текста необходимо научить студентов различать эти явления и сформировать у них навык чуткого восприятия контекстуального смысла лексических единиц, так как в соз-

дании подтекста немаловажную роль подчас играют узуально нейтральные лексические единицы.

Мы рассмотрим лишь те случаи, когда узуально нейтральные лексические единицы участвуют в создании иронического подтекста, правильное восприятие которого особенно важно при чтении английской литературы, так как ирония* традиционно занимает в ней видное место.

Так, при анализе рассказа К. Мэнсфильд «The Lady's Maid» студенты подводятся к пониманию контекстуального смысла прилагательного *pretty* в самом его начале, где верная служанка с умилением описывает, как выглядела ее госпожа, когда она ее укладывала в постель. У простодушной служанки вид госпожи вызывает ассоциацию с телом матери ее хозяйки на смертном одре: «When I tucked her up just now and seen—saw her lying back, her hands outside and her head on the pillow — so pretty — I couldn't help thinking «Now you look just like your dear mother when I laid her out!» [5, с. 249].

Иронический эффект слова *pretty* основан в данном случае на сближении взаимоисключающих явлений. Иронический подтекст вышеприведенного отрывка является сигналом того, что читатель не должен доверяться и последующим словам служанки о благородстве и доброте ее госпожи. Восприняв иронический подтекст, студенты приходят к пониманию сложной смысловой структуры рассказа, где за внешним слоем повествования с точки зрения служанки скрывается глубокий, имплицитно выраженный слой, раскрывающий точку зрения автора. Причем эти две точки зрения противоположны.

Очень выразительно в этом рассказе и другое прилагательное — *funny*, которым служанка обозначает один из печальных эпизодов своей беспросветной жизни. Сходную функцию в создании иронического подтекста играет повторяющаяся фраза «People must have laughed when they saw me».

С одной стороны, являясь частью речевой характеристики героини рассказа, слова *funny*, *laughed* способствуют раскрытию незлобивости, самоуничтожения служанки, с другой стороны, они являются средством выражения авторской

* «В своем начальном этимологическом смысле слово «ирония» (преч. *eironeia* — притворство) это нарочитое словесное восхваление того, что, по существу, заслуживает порицания; это вид иносказательных слов, основанный на смысловом контрасте» (Поспелов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. М., 1972, с. 134).

иронии по отношению к лицемерной госпоже и теплого сочувствия по отношению к служанке. Иронический эффект основан здесь на противоречии между словарными значениями рассматриваемых слов и смыслом контекста, в котором они употреблены.

Аналогичным образом функционирует в контексте отрывка из романа С. Моэма «Cakes and Ale» прилагательное *modest*. Описывая одного из своих героев, начинающего писателя, автор несколько раз упоминает о его скромности. Однако внимательное прочтение текста убеждает, что контекстуальный смысл слова *modest* противоположен его значению. Мнимая похвала является здесь завуалированным порицанием. В первом абзаце отрывка значение слова *modest* не совсем увязывается с поведением героя, описываемого автором внешне беспристрастно: «Roy was very modest about his first novel. It was short, neatly written, and, as is everything he has produced since in perfect taste. He sent it with a pleasant letter to all the leading writers of the day, and in this he told each one how greatly he admired his works, how much he had learned from his study of them, and how ardently he aspired to follow, albeit at a humble distance, the trail his correspondent had blazed. He laid his book at the feet of a great artist as the tribute of a young man entering upon the profession of letters to one whom he would always look up to as his master» [5, с. 285].

Написав свой первый роман, герой посылает его вместе с сопроводительным письмом всем крупным писателям того времени. Содержание и стиль письма переданы автором с помощью несобственно-прямой речи. Письмо изобилует высокопарными штампами, разоблачающими стремление героя польстить маститым писателям.

Неопределенные местоимения *all* и *each one* также активно участвуют в создании иронического подтекста. Герой уверяет каждого из влиятельных и известных писателей, что тот является для него образцом и путеводной звездой.

В дальнейшем ирония слова *modestly* становится еще более очевидной: «Roy has never lost the modesty which in his youth was his most engaging trait». Этим замечанием автор предваряет монолог героя о своем творчестве: «I know I'm not a great novelist. When I compare myself with the giants I simply don't exist. I used to think that one day I should write a really great novel, but I've long ceased even to hope for that. All I want people to say is that I do my best.

I do work. I never let anything slip — shod get past me. I think I can tell a good story and I can create characters that ring true. And after all, the proof of the pudding is in the eating. «The Eye of the Needle» sold 35 thousand in England and 80 thousand in America, and for the serial rights of my next book I've got the biggest terms I've ever had yet» [5, с. 286].

Начав с притворно скромного высказывания о себе, герой вскоре переходит к самовосхвалению. В этом сравнительно коротком монологе 16 раз употреблено личное местоимение первого лица I и 4 раза производные от него *my, me, myself*.

Таким образом, противоречие и несоответствие между словарным значением слов *modest, modesty* и смыслом отрывка раскрывают ироническое отношение автора к своему лицемерному, готовому на все ради карьеры герою.

Очень внимательная работа с текстом необходима при изучении отрывков из романа О. Хаксли «Point Counter Point». Иронический подтекст прозы Хаксли зачастую настолько тонок и неуловим, что может легко остаться незамеченным. Интересно в этом отношении употребление слов *ruminatively* и *conversation* в отрывках из романа «Point Counter Point», приведенных в учебнике. «Three Centuries of English Prose» [5, с. 274—276].

В макроконтексте отрывка наречие *ruminatively* приобретает несколько смысловых оттенков и является полифункциональным. С его помощью автор точно и образно описывает манеру Бэрлапа изрекать банальность с умным и значительным видом. Хаксли высмеивает его притворство: Бэрлап только делает вид, что размышляет и подыскивает слова, на самом деле он цитирует свою собственную, уже написанную статью. Причиной образования иронических коннотаций у вышеупомянутого слова является одновременная реализация его значений. Глагол *ruminate*, от которого образовано рассматриваемое наречие, имеет два значения: «жевать жвачку» и «раздумывать, размышлять».

Существительное *conversation* становится ключевым словом другого отрывка из того же романа, благодаря приему одновременной актуализации его значений в контексте: 1. Разговор, беседа. 2. Любовная связь. Употребление этого существительного становится емкой характеристикой героини, разоблачая под маской «остроумной» и «интеллектуальной»

собеседницы обыкновенную кокетку, для которой псевдоинтеллектуальная беседа есть лишь форма флирта.

Рассмотренная выше скрытая форма иронии, создаваемая путем одновременной актуализации нескольких значений в контексте, является характерной чертой стиля О. Хаксли.

Итак, правильное восприятие выразительности узуально нейтральных лексических единиц необходимо для понимания как тона повествования, так и подтекста, включающего в себя имплицитно выраженное отношение автора к описываемым событиям и персонажам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брандес М. П. Стилистический анализ. М., 1971.
2. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М., 1957.
3. Ревякин А. И. Проблемы изучения и преподавания литературы. М., 1972.
4. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка Л., 1973.
5. Арнольд И. В., Дьяконова Н. Я. Аналитическое чтение. Л., 1967. («Three Centuries of English Prose».).

Р. Л. ЛЯНДО

ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ ФРАЗЕООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из путей образования фразеологических единиц является фразеологическая деривация, понимаемая как возникновение новых фразеологических единиц на базе уже существующих [1].

Задача данной статьи — показать синтаксические и семантические изменения, претерпеваемые глагольными фразеологическими единицами (в дальнейшем ГФЕ) французского языка при их превращении в именные. При этом изучению подлежат как ГФЕ, транспонированные в субстантивные на уровне речи, так и закрепившиеся в узусе корреляты глагольных и субстантивных ФЕ. Нам представляется вполне допустимым такой подход, поскольку процесс транспозиции имеет два этапа: употребление транспонированной ФЕ как факт речи и затем превращение ее в самостоятельную единицу [2, с. 27]. Оказационально транспонированные ФЕ можно

рассматривать как находящиеся в стадии потенциальной фразеологичности [3, с. 9].

Дериваты ГФЕ претерпевают некоторые модификации формы. Наиболее простым и наиболее распространенным изменением этого рода является отсечение глагольного компонента при сохранении именной части ФЕ: *briser le pot au lait* → *un pot au lait*.

В некоторых случаях отсечение глагольного компонента осложняется сжатием именной части ФЕ: *prendre des vessies pour des lanternes* → *des vessies et des lanternes*.

Глагольный компонент заменяется именем существительным, образованным от основы этого глагола: *retourner au bercail* → *le retour au bercail*. В последнем случае чаще всего используются имена существительные со значением *nomina agentis*, построенные по модели «глагольная основа + *eur*». Реже представлены имена существительные со значением опредмеченного действия, имеющие в основе модели «глагольная основа + *age*», «глагольная основа + *ment*» и др. Как видно из приведенных примеров, здесь используются только отглагольные существительные, зафиксированные нормой. Мы не встретили ни одного новообразования.

В соответствии с законами синтаксиса современного французского языка замена глагола его дериватом — именем существительным сопровождается некоторыми модификациями конструкции:

répondre en Normand → *une réponse normande*,

hausser les épaules → *un haussement d'épaules*.

ГФЕ может выступать в качестве именной в тех случаях, когда глагол принимает форму причастия прошедшего времени, которое адъективируется: *déblayer un terrain* → *un terrain déblayé*. Изменения формы ГФЕ при их транспонировании не моделируются*.

Встречаются трехчленные ряды коррелятов. Например, *découvrir le pot aux roses* преобразуется как в именную ФЕ первого типа — *le pot aux roses*, так и во ФЕ третьего типа — *la découverte du pot aux roses*.

Образование субстантивных фразеологизмов из серийных ГФЕ с компонентом-глаголом широкого значения, как правило, осуществляется по первому типу. Так, ФЕ с глаголами *faire* и *donner*, содержащие в своем составе существи-

* В отличие от моделирующих преобразований глагольных аналитических единиц в именные. (См. Левит З. Н. К проблеме аналитического слова в современном французском языке. Минск, 1968, с. 239).

тельное *coup*, при нарушении обязательной сочетаемости с указанными глаголами дают целый ряд одноструктурных именных ФЕ: *donner un coup de main* → *un coup de main*, *faire un coup d'éponge* → *un coup d'éponge* и т. д.

Что же касается синтаксических особенностей, то следует отметить, что при нарушении соотнесенности со строго определенной частью речи (в интересующем нас случае — с глаголом) ФЕ выступает прежде всего в несобственной функции как транспонированная единица. Как показывает исследованный материал, функционирование транспонированной ФЕ не зависит от типа формальных преобразований. Во всех случаях устранение глагольного компонента — показателя вербальности выдвигает на место грамматически ведущего члена имя существительное. Отсюда новые синтаксические позиции, свойственные именам существительным [4, с. 27].

Подтверждением возникновения новых синтаксических позиций является также возможность употребления интересующих нас ФЕ в качестве однородных членов предложения параллельно с именами существительными: *...riches de nouveautés et de charrue avant les boeufs du premier amour* (Fallet) — (от ГФЕ *mettre la charrue avant les boeufs*).

В связи с новой синтаксической позицией изменяется дистрибуция ФЕ: в ее окружении появляется имя прилагательное, характеризующее транспонированную ФЕ в целом: *...une exquise école buissonnière* (F. Sagan).

Транспонированные ФЕ приобретают свойства именных фразеологизмов и в парадигматическом плане, поскольку у них оказывается оформленной категория определенности-неопределенности, что выражается в различных формах артикля: *Que de châteaux en Espagne* sur cette parole de la marquise! (Gaboriau); ... *pour aller courir l'aventure, la faim, les moulins à vent, les châteaux en Espagne, la mort peut-être* (Fallet).

ФЕ в функции именных присуща и категории числа, которая находит свое выражение в морфологическом маркировании грамматически ведущего компонента. *Cent mille pendaisons de crémaillère* (Humanité). *Combien de tours en votre sac!* (R. Rolland).

Итак, отмеченные выше изменения затрагивают форму ГФЕ, сочетаемость фразеологизма со словами в предложении, его синтаксическую позицию и, следовательно, лексико-грамматическую принадлежность к разряду фразеологизмов.

соотносимых с определенной частью речи. С другой стороны, совершенно неизбежным оказываются и семантические модификации, сопровождающие функциональную транспозицию.

Наиболее существенным и обязательным является изменение основного категориального значения. От обозначения действия либо состояния, присущего глагольным ФЕ, происходит переход к обобщенно-переносному предметному значению, что легко увидеть при сопоставлении глагольного и именного употребления ФЕ: *Bon! Je le recois comme un chien, quand il me découvre le pot aux roses!* (Zola). Il ... se dit que, ma foi, en cas de **découverte du pot aux roses**, ce serait la police de Paris qui serait chargée de l'affaire... (Fallet).

Изменение основного категориального значения сопровождается и другими семантическими процессами. При анализе лингвистического материала можно выделить несколько подгрупп транспонированных ФЕ с точки зрения семантических модификаций, которые они претерпевают.

1. Отметим, прежде всего, самую многочисленную группу ФЕ, которые при отпадении глагола утрачивают сему «действие» вместе с дифференциальными семами глагола. В этих ФЕ именной компонент, превращаясь в самостоятельную ФЕ, сохраняет «тип переосмысления исходного фразеологизма» [3], коррелирует с ним в отношении идиоматичности, образности, устойчивости и прочих характеристик класса ФЕ, но приобретает как бы значение «перевода» именного компонента. Например, ГФЕ *savoir tous les tenants et aboutissants* — «знать всю подноготную» в следующем употреблении означает «подробности, вся подноготная»: *Labiche, ... venait chaque jour me rendre compte des événements, dans le cadre du groupe et aussi de ses tenants et aboutissants* (Vercors). В субстантивных ФЕ этой группы могут проявляться и потенциальные семы. Например, сема качества в следующем употреблении: *A cet instant, le monsieur au bras long sort de son portefeuille une carte...* (Daninos).

Одна и та же ФЕ может приобретать в зависимости от контекста сему характеристики либо наслаивающуюся на нее сему антропоморфичности. ГФЕ *chercher un mouton à cinq pattes* означает «искать невозможное». Субстантивная форма *un mouton à cinq pattes* может иметь значение «дикуинка»: *Vous allez voir ce que vous allez voir: la lune dans un seau d'eau, des moutons à six pattes, rien que de l'interdit, du*

mirobolant, du sensationnel... (Freville), либо «оригинальная личность»: — Tu l'as tout de même trouvé, hein? ton merle blanc, **ton mouton à cinq pattes**, ton phénomène! (Colmont). В нашем материале эта семантическая подгруппа представлена только ФЕ, утратившими глагольный компонент.

2. В следующую подгруппу можно объединить ФЕ, в которых сема «действия» сохраняется. Именная часть как бы принимает на себя семантическую нагрузку всей глагольной ФЕ. Происходит семантическое сжатие: *faire danser l'anse du panier* — обшчитывать хозяев, прикарманить хозяйские деньги; *l'anse du panier* — прикармливание хозяйских денег. Исходными ГФЕ для этой подгруппы являются фразеологизмы с равно разлитой значимостью компонентов. Именная часть, начиная свое самостоятельное существование, по образному выражению Д. Н. Шмелева «отсвечивает отраженным значением целого». Так, ФЕ *casser le nez à coups d'encensoir* — грубо лстыть — дает субстантивный коррелят *un coup d'encensoir* — грубая лесть: *Autrefois pourtant, au temps de ses triomphes, les coups d'encensoir* avaient été si nombreux, qu'ils lui faisaient oublier les coups d'épingle (Maupassant).

Для этой подгруппы нам не удалось отметить наличие дифференциальных сем. С точки зрения формальных модификаций в этой подгруппе отмечены ФЕ с выпадением глагола и с суффиксальным образованием отглагольных существительных, в том числе и от устойчивых сравнений: (*l'écriture d'un chat ou écrire comme un chat*).

Интересно отметить субстантивные ФЕ, принадлежащие одновременно двум описанным подгруппам. Эти именные ФЕ выступают как полисемичные, включая в свою семантическую структуру значения действия и результата действия. Например, *un coup de main* сохраняет значение «помощь» и «оказание помощи». ГФЕ *couper les cheveux en quatre* дает именные формы *coupage (découpage) de cheveu en quatre* со значением «мудрствование» (действие): **Ce découpage de cheveu en quatre** m'assomme, je préfère un roman policier (Belot) и со значением «изошрение» (результат действия): *Complications sentimentales, chichis, coupage de cheveux en quatre, soliloques psychologiques* (Colette).

3. В данную группу входят субстантивные единицы, характеризующие человека по действию или качеству. В этой категории ФЕ появляются семы предметности, счисляемости, одушевленности, антропоморфичности и деятеля либо качества деятеля. Рассмотрим некоторые примеры. ГФЕ *essuyer les*

plâtres — поселиться в только что отстроенном доме — и образованная от нее путем замены глагольного компонента отглагольным именем существительным именная *un essuyeur de plâtres* — тот, кто поселился в только что отстроенном новом доме — различны по семантике. Именная включает семы числяемости, одушевленности, антропоморфичности и деятеля, которого она характеризует. Например: *Un loyer d'essuyeurs de plâtres, car ils habitent le cinquième d'une maison, toute neuve...* (Daudet).

Те же изменения отмечаются и в коррелятах *tondre sur un oeuf* — быть скупым, экономить на всем и *tondeur d'oeufs* — скряга, скупердяй. Подтверждением появления указанных выше сем может служить прием трансформации, поскольку подстановка существительного *gens* к ГФЕ дает семантику именной ФЕ: *les gens qui tondent sur un oeuf* → → *les tondeurs d'oeufs*, *les gens qui cassent les assiettes* → → *les casseurs d'assiettes*, *les gens qui essuient les plâtres* → → *les essuyeurs de plâtres* и т. п.

К этой же подгруппе следует отнести ФЕ, характеризующие человека по признаку. Они не имеют в своем составе *nomina agentis*, но приобретают семы предметности, одушевленности, антропоморфизма и признака. Таковы *avoir le coeur sur la main* — быть великодушным — и *le coeur sur la main* — великодушный человек: *Les «coeurs sur la main» n'ont pas d'histoire* (Mauriac), *jouer la mouche du coche* — преувеличивать свои заслуги — и *la mouche du coche* — человек, преувеличивающий свое значение: *Il était utile à sa manière. Comme la mouche du coche* (Vaillant).

Наличие семы качества, признака способствует частому адъективному употреблению ФЕ этой группы [4].

4. Данная группа значительно отличается от предыдущих. В ней объединяются субстантивные ФЕ, семантика которых значительно отличается от глагольного коррелята, хотя и сохраняет еще некоторую общность благодаря единой этимологии. В этой группе наблюдаются различные семантические изменения. Рассмотрим несколько примеров.

Connaître le tour du bâton — быть хитрым и ловким, *le tour du bâton* — взятка, незаконный доход. Именная ФЕ приобрела, кроме семы предметности, дополнительно семы «незаконность», «доход», «тайна», сохранив семы «хитрость» и «ловкость» [5, с. 38].

В значение именной ФЕ включены некоторые уточняющие семы, что позволяет говорить о сужении значения [6,

с. 84]. Специализацией, сужением можно объяснить и соотношение значений ГФЕ *tirer les armes* — заниматься фехтованием — и именной *le tireur d'armes* — учитель фехтования — (включение уточняющей семы «обучать»).

Расхождение значения ГФЕ *faire tache d'huile* — распространяться, быстро и незаметно расти — и именной *la tache d'huile* — пятно на репутации (... *la tache d'huile* *reparaissait quand même chez ce sacré Provençal* (Zola), очевидно, следует объяснить вторичной метафоризацией, поскольку, кроме значения, отмеченного словарями, мы нашли и употребление этой ФЕ со значением, свойственным второй группе, т. е. быстрое распространение, увеличение: *Même la tache d'huile du malentendu avec Paul Groult... m'a pour un instant paru moins menaçante* (Hérial).

Во фразеологических коррелятах *le bras séculier* — светская власть и *livrer au bras séculier* — отдать ненужное исходным является субстантивный фразеологизм. От него идет метафорическое осмысление — отдать светским властям то, что не нужно.

С течением времени семантические связи между коррелятами могут стираться. Семантическое отдаление наблюдается, например, в ФЕ *il avalerait une charrette ferrée* — он может съесть и вола (обладать большим аппетитом) — и *avaleur de charrettes ferrées* — хвастун, фанфарон, хотя здесь еще легко угадываются этимологические связи данных ФЕ.

В некоторых ФЕ, имеющих сходную форму, в настоящее время трудно уловить семантическую и этимологическую общность. Такие ФЕ, по нашему мнению, перестают быть коррелятами: *brûler la cervelle* — всадить пулю в лоб; *un cerveau brûlé* — сумасброд, сорвиголова; *monter un coup* — сделать дельце и *un coup monté* — трюк, инсценировка и др.

Нам представляется возможным сделать вывод о том, что глагольные и именные корреляты представляют собой различные ФЕ, поскольку в плане выражения именные корреляты приобретают новые функции и иную дистрибуцию, а в плане содержания, сохраняя в большинстве случаев общий тип переосмысления и другие чисто фразеологические характеристики, именные ФЕ приобретают семантическую специфику. Следовательно, транспозиция ГФЕ в именные является одним из способов фразеобразования во французском языке.

1. Денисенко С. И. К проблеме фразеологической деривации (на материале немецкого языка).— «Сборник научных трудов МГПИИЯ», 1972, вып. 65.
2. Соколова Г. Г. Транспозиция прилагательных и существительных. М., 1973.
3. Кунин А. В. Пути образования фразеологических единиц (на материале английского языка).— ИЯШ, 1971, № 1.
4. Ляндю Р. Л., Малкина Н. М. О возможностях транспозиции некоторых типов фразеологических единиц в современном французском языке.— В кн.: Лексико-грамматические связи в структуре языка. Воронеж, 1976.
5. Назарян А. Г. Почему так говорят по-французски. М., 1968.
6. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания.— В кн.: Семантическая структура слова. М., 1971.

В. К. КАШКИНА

О СООТНОШЕНИИ СУПРАСЕГМЕНТНОГО И СЕГМЕНТНОГО УРОВНЕЙ СВЕРХФРАЗОВЫХ ЕДИНСТВ МИКРОДИАЛОГА

В настоящее время еще очень мало исследований диалогической речи, в которых ставились и решались бы вопросы не только структурного синтаксиса на сегментном уровне, но и вопросы семантико-коммуникативного плана, тесно связанного с просодией и интонацией на супraseгментном уровне.

Исследования речевой интонации и просодии на уровне фраз и тем более на уровне сверхфразовых единств (СЕ) диалогической речи сложны своей полиинформативностью и избыточностью лингвистических и экстралингвистических факторов [1, с. 7]. В поисках лингвистически значимых единиц речи необходимо вычленение экстралингвистических элементов полиморфной информации в речевой деятельности. «Гумбольдт впервые разгадал сущность речевой деятельности как взаимообусловленной корреляции двух дополняющих друг друга процессов, из которых один распадается на фазы формирования речи-мысли и ее звуковой зашифровки, а другой, противоположный по своей направленности процесс состоит из дешифровки и последующего воссоздания мысли в опоре на знание языка и свой личный опыт» [2, с. 107—108].

В области интересующей нас диалогической речи установлено, что взаимосвязь реплик диалога не ограничивается

«преемством тональностей». Она выражается во взаимозависимости коммуникативных функций, реализуемых на уровне интонационных и синтактико-семантических характеристик различных типов диалогов и их видов. Так, например, четкое разграничение наблюдается в группе бытовых диалогов, различных по своей ситуативности: официально-бытового, нейтрально-бытового, непринужденно-бытового [3, с. 20—38]. Разграничение между официально-бытовым и непринужденно-бытовым диалогами подтверждается просодическими характеристиками при сопоставлении их релевантных признаков в корреляциях: по временному коэффициенту физических пауз; по количеству воспринимаемых пауз, реализуемых изменением длительности; по количеству синтагм, выделяемых изменением частоты основного тона и длительности, интенсивности и длительности; по количеству односложных и двухсложных ритмических тактов [4, с. 18—32].

Таким образом, правомерно предполагать, что на супraseгментном уровне СЕ диалогической речи бытового типа представлены просодическими и интонационными структурами, имеющими дискретный характер коммутаций на определенных участках речевой цепи, вне которых они лишены лингвистической значимости [5, с. 347—348].

Если на уровне фразы считается спорным вопрос о том, что является «ведущим» при ее устной реализации: интонация или синтаксическая структура, то на уровне спонтанной диалогической речи ведущей является интонационная структура, в которой коммуникативное содержание выражается просодией фразы: ее функциональным актуализатором [6, с. 243]. Вычлняя лингвистически значимые явления диалогических СЕ, мы подчиняем речевую деятельность системе языка. «В текущем многообразии конкретных речевых актов (высказываний) оказывается возможным выявить то постоянное, что относится к языку. Язык укладывается в пределах двух семиотических аспектов — семантики и синтактики, и поэтому может быть определен как логическая формальная система с ее интерпретацией, а речь есть носитель прагматической функции, которая стремится вывести язык из строгих семиотических знаковых систем» [7, с. 105].

Несовпадение интонационного и синтаксического членения было проверено в эксперименте членения смысловых образцов речи на материале монологических реплик и подтвердило, что в большинстве случаев (80%) [8, с. 156] смысловое деление высказывания не совпадает с делением на

предложения, отмеченным точками на письме. Это подтверждает положение Ж. Марузо о том, что никакая фраза в нормальном сообщении не может считаться автономной, являясь в какой-то мере функцией предшествующей, последующей или более удаленной фразой или общего качества сообщения [9, с. 27]. Таким образом, в области исследования СЕ и диалогов правомерно говорить не о синтаксическом уровне, а об уровне супрасинтаксиса [10, с. 38—39], где структура высказывания соотносится с ситуацией, семантикой и интонацией, выражающей систематизированное отношение говорящего к высказываемому [11, с. 15].

Слово в диалогическом единстве является единицей речи и языка, определяемой не только узколингвистическими реализациями, но и теорией субъекта (*théorie du sujet*) и теорией ситуации (*théorie de la situation*) [11, с. 66—68]. Это значит, что значение слова происходит одновременно из семантики морфемы, ее характеристики лексической матрицей, а также ситуацией и говорящим. Слово получает свой вес через толщу опыта говорящего, совокупности контекстов, отношений между говорящим и слушающим, и в свою очередь управляет семантической организацией СЕ посредством опорных слов и опорных реплик.

Нам представляется интересным найти подход к наиболее приемлемому способу членения текста диалогической речи на блоки сверхфразовых единств, а затем, оперируя их единицами, описать типы речемыслительных сверхфразовых единиц и их структуру с наибольшей степенью приближения теоретической модели речемыслительного типа к ее реальному объекту. В качестве иллюстрации подобного членения микродиалога в коммуникативном плане на супрасегментном и сегментном уровне рассмотрим непринужденно-бытовой диалог: *Sans nouvelles* (Без новостей) [12, с. 53].

	1. Pas de nouvelles... depuis huit jours qu'il est parti.
(Нет вестей... с тех пор, как он уехал неделю тому назад).
ICE	2. C'est terriblement inquiétant.
(Это меня ужасно беспокоит).
	3. Pas le moindre signe de vie.
(Ни малейшего признака жизни).
IICE	4. Sa mère est dévorée d'inquiétude.
(Его мать не находит себе места от волнения).
	5. Il y a de quoi.
(Есть от чего).

- IHCE { 6. **Je l'entendais pleurer à l'instant.**
 (Я слышал, как она плакала только что).
 7. Elle pleure toutes les larmes de son corps.
 (Она плачет навзрыд).
- IVCE { 8. **Que dit son frère?**
 (Что говорит его брат?).
 9. Il est aux cent coups.
 (Он сильно встревожен).
- VCE { 10. **Vous n'êtes pas tranquille, vous non plus?**
 (Вы тоже беспокойны?).
 11. Enfin, rien ne l'empêchait de téléphoner.
 (В конце концов ничего не мешало ему позвонить).
 12. Je vous dis que c'est à en perdre la tête.
 (Я вам говорю, что есть от чего потерять голову).

В плане речевой деятельности диалог строится на пяти коммуникативных СЕ «цепным» (термин И. Я. Чернухиной) [13, с. 14] видом связи, где каждая последующая единица обусловлена и прогнозирована предыдущей в семантическом поле, выражающем беспокойство.

Однако связь этих единств можно рассматривать и как параллельную, где опорой и направляющей служит первая фраза первого СЕ, а следующие четыре единства, являясь притяженными ситуативно, объединены обсуждением реакции матери (ICE+II и IIICE), затем реакции брата (ICE+IVCE) и реакции ведущего беседу (ICE+IIICE+VCE).

На супraseгментном уровне воспринимаемые качества интонации позволяют соотнести их с системой интонации, предложенной П. Делатром [14, с. 1—14].

- ICE { 1. *Интонация завершения+скобы в заявлении.*
 2. *Интонация незавершенности+завершения в притяженной реплике.*
 3. *Интонация завершения уточняющего заявления.*
- IIICE { 4. *Интонация незавершенности+завершения в заявлении.*
 5. *Интонация импликации.*

- III CE { 6. *Интонация завершения+скобы сообщения.*
- 7. *Интонация незавершенности+завершения в поясняющей притяженной реплике.*
- IV CE { 8. *Частновопросительная интонация.*
- 9. *Интонация завершенности ответной реплики.*
- V CE { 10. *Общевопросительная интонация.*
- 11. *Интонация импликации.*
- 12. *Интонация незавершенности+завершения подтверждающей реплики.*

Этот предварительный анализ эмоционально окрашенной диалогической письменной речи требует достаточного количества дикторских реализаций устной речи в студийных условиях и их идентификации достаточным количеством аудиаторов, так как в I CE возможна интонационная транспозиция видов повествования в восклицание. В других CE также возможны аналогичные транспозиции интонации. При этом композиция сверхфразовых единств говорит о том, что вовсе не обязательно они должны состоять из вопроса и ответной повествовательной реплики [15, с. 7—13]. Об этом свидетельствуют первые три CE анализируемого диалога, где собеседники обмениваются повествовательными репликами, вернее, их видами.

На сегментном уровне тагменный анализ по цепочкам [16, с. 65—76] позволяет нам выделить составляющие и их структурно-функциональную природу. Анализ по цепочкам составляющих помогает расчленять единства на элементарные предложения и их адъюнкты посредством последовательных операций отсечения [17]. Трансформационный анализ дает возможность сформулировать отношения конструкций по структурной соотнесенности ядерных — центральных и периферийных предложений (план языка) или фраз (план речи) [18].

Так, на сегментном уровне I CE членится на следующую цепочку: первое предложение (фраза) — ядерное, а второе и третье — его адъюнкты или периферийные предложения. Четвертое и пятое II CE также являются периферийными предложениями. Но в последовательной цепочке конструкций четвертое предложение будет ядерным по отношению к пятому, шестому и седьмому периферийным предложениям. Восьмое предложение, являясь периферийным по отношению к первому, следует рассматривать как ядерное по отношению к де-

вятому предложению. Десятое предложение, периферийное по отношению ко всем предыдущим, является ядерным к одиннадцатому и двенадцатому предложениям. Можно предположить, что основным условием выделения ядерных предложений диалогических СЕ является семантическая самостоятельность их просодических, коммуникативных типов речевых поступков, их синтаксических и лексических характеристик.

Ядерные предложения рассматриваются как законченные, но открытые структуры, т. е. такие структуры, которые способны передавать грамматическое содержание вне контекста, независимо от него.

С точки зрения поверхностного синтаксиса, его формы [19, с. 25—34] сверхфразовые единства описываются в терминах форм цепочек предложений, членов предложений и опорных компонентов. На уровне глубинного синтаксиса (с точки зрения семантики) они определяются по содержанию опорных компонентов [10, с. 52], связывающих единства и указывающих на: характер сцепления вне ядра (следование, напоминание, связь, завершение) [20, с. 85—95]; содержание стержневого элемента внутри ядерных предложений (чаще всего это глагол-сказуемое); синтаксические процессы, связанные с построением предложений (расширение, усложнение, совмещение, развертывание, перестановка, присоединение, включение, замещение, опущение).

Так, например, на уровне поверхностного синтаксиса в первом сверхфразовом единстве первая фраза является расчлененной эллиптической конструкцией от развернутого предложения: *Il n'a pas donné de nouvelles, depuis huit jours qu'il est parti. Pas de nouvelles* — разновидность односоставного предложения общеотрицательного, где отрицательная частица взяла на себя функции выражения предикативности [21, с. 51]. Такое же построение и в третьей фразе: *Pas le moindre signe de vie*.

ICE	{	1 предложение: сказуемое+обстоятельство времени
		2 предложение: подлежащее+сказуемое+обстоятельство образа действия
		3 предложение: сказуемое.

На уровне глубинного синтаксиса в этом же сверхфразовом единстве опорный компонент *pas de nouvelles* первой фразы соотносится с опорным компонентом *inquiétant* второй фразы, указывающим на следствие, и с повторным опорным

отрицательным компонентом рас третьей фразы, указывающим на подтверждение при характере сцепления, выражающем напоминание.

Вопрос о сверхфразовых единствах микродиалога является актуальным как в теоретическом, так и в практическом плане [22, 23] изучения диалогической речи и требует дальнейшего всестороннего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемов В. А. Единство анализа и синтеза при структурно-функциональном изучении речевой интонации.— В кн.: Всесоюзная научная конференция «Анализ и синтез как взаимообусловленные методы экспериментально-фонетических исследований речи». Минск, 1973.
2. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
3. Бычик Н. Л. О ситуативной обусловленности фонетических характеристик некоторых видов диалога (на материале немецкого языка).— В кн.: Экспериментальная фонетика. Минск, 1971.
4. Бычик Н. Л. Ситуативная обусловленность просодических характеристик речевых высказываний.— Там же, 1972.
5. Faure G. La description phonologique des systèmes prosodiques.— «Zeitschrift für phonetik sprachwissenschaft und kommunikationsforschung», 1971, Bd. 24, N. 5.
6. Барышникова К. К. О фоностилистическом аспекте устных высказываний.— Учен. зап. МПИ ИЯ. Исследования языка и речи, 1971, т. 60.
7. Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.
8. Рудзит Г. А. К вопросу о сверхфразовом единстве в речи.— В кн.: Экспериментальная фонетика. Минск, 1972.
9. Marouzeau J. Notre langue. Paris, 1955.
10. Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.
11. Dubois J. Grammaire structurale du français. Langue et Langage. Paris, 1969.
12. Théron M. Du tac... au tac. Paris, 1955.
13. Чернухина И. Я. Синтаксические единства в современном русском языке. Автореф. канд. дис. Воронеж, 1967.
14. Delattre P. Les dix intonations de base du français.— «The French Review», 1966, vol. XL, № 1.
15. Frei H. Réponse partielle et réponse totale.— In.: Catier F. de Saussure. Genève, 1968, N 24.
16. Longacre R. F. Some fundamental Insights of Tagmemics.— «Langage», 1965, vol. 41, N 1.
17. Harris Z. S. Strung Analysis of Sentence Structure.— «Papers on Formal Linguistics», 1962, N 1.
18. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, 1965.
19. Бархударов Л. С. О поверхностном и глубинном синтаксисе.— ИЯШ, 1974, № 1.
20. Corbeil J. C. Les structures syntaxiques du français moderne; Les éléments fonctionnels de la phrase. Paris, 1971.

21. Шигаревская Н. А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. Л., 1970.

22. Кучерова Л. М. Некоторые вопросы обучения диалогической речи на страницах зарубежных журналов.— ИЯШ, 1974, № 2.

23. Faure G., Cristo A. di et Durand P. La phonétique corrective dans l'enseignement du français langue étrangère.— «Le français dans le monde», 1976, № 122, 124.

М. А. СТЕРНИНА

ЭПИДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА

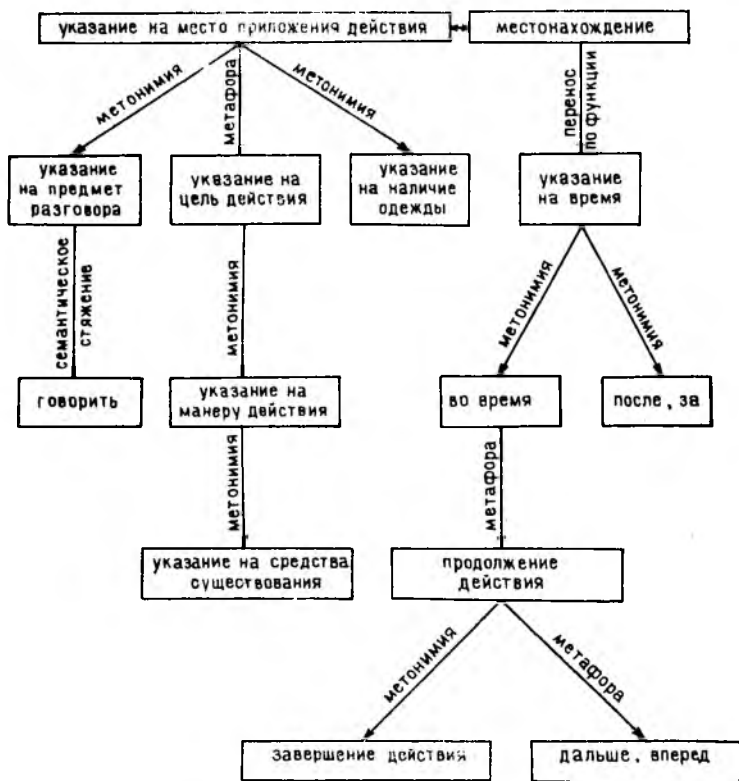
Функционирование слова в контексте раскрывает его семантическую структуру. Каждое отдельное значение слова требует фиксированных контекстуальных условий своей реализации. Первым этапом изучения семантической структуры слова является поэтому контекстуальный анализ употребления слова, приводящий к выделению отдельных значений. Второй этап — определение семантических отношений между значениями, выделенными указанным образом; эти отношения называются эпидигматическими [1, с. 191].

Контекстуальное выделение значений относится к более или менее разработанным разделам лексикологии; эпидигматика же слова изучена гораздо слабее.

Традиционно эпидигматические отношения сводятся к метафоре, метонимии и переносу по функции. Исследование семантических структур английских предложных наречий *up*, *down*, *in*, *on*, *out* показало, что все эти три типа эпидигматических отношений наблюдаются у указанных единиц. Кроме них, однако, представляется возможным выделить дополнительно тип эпидигматических отношений, основанный на так называемом семантическом стяжении [1, с. 180—181]. Сущность семантического стяжения заключается в том, что один из членов словосочетания приобретает значение всего словосочетания. Например: He **downed** the glass in one swallow (D. Storey). (Ср.: He drank **down** the glass.). Предложное наречие *down*, приобретая лексическое значение соответствующего словосочетания, получает в данном случае и категориальное значение процессуальности, присущее ядру данного словосочетания. Ср. также: I heard cook **on** about it (C. Cookson). I heard cook speaking **on** it.

Как и в приведенном выше примере с предложным наречием *down*, предложное наречие *on* приобретает значение всего словосочетания и категориальную сему процессуальности, свойственную ядру словосочетания. Собственное значение *on* здесь настолько ослаблено, что предложное наречие выступает в сочетании с предлогом *about*.

Еще одним типом эпидигматических отношений в семантической структуре предложных наречий является семантическое равноправие. На возможность подобных отношений

Условные обозначения:

- — лексико-семантический вариант
- — семантическая производность
- ↔ — семантическое равноправие

указывал М. В. Никитин, называвший данное явление интер-
депенденцией [2, с. 50].

Под семантическим равноправием понимается такой тип эпидигматических отношений, когда при явной семантической общности ни одно из сравниваемых значений слова не выступает в качестве производного. Отношения семантического равноправия наблюдаются в семантической структуре всех рассмотренных единиц. Так, в отношениях семантического равноправия находятся значения «вниз» и «внизу» предложного наречия *down*: *Holly put down the spoon* (J. Galsworthy). *He dressed for dinner early and was first down* (J. Galsworthy).

Семантическое равноправие наблюдается между значениями «из дома» и «вне дома» предложного наречия *out*: *I wish I could go out shopping* (C. Cookson). *I am afraid he is out* (C. Cookson).

Отношения семантического равноправия существуют и между значениями «внутри» и «внутрь» предложного наречия *in*: *He was sleeping in the little room* (C. Cookson). *He didn't dare come in* (A. Christie).

В качестве примера эпидигматического анализа приведем семантическую структуру наречия *on* (см. схему на с. 39).

Возможно, семантическое равноправие — лишь временное семантическое равновесие, которое с развитием языка в конце концов приведет к четкому выделению основного и производного значений.

Таким образом, анализ семантической структуры многозначных наречий в английском языке позволяет выделить пять типов эпидигматических отношений: 1) метафорические; 2) метонимические; 3) перенос по функции; 4) семантическое стяжение; 5) семантическое равноправие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелев Д. И. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

2. Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974.

СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ МЕТАФОРЫ

Начиная с античности и до настоящего времени метафора считается риторическим орнаментом, стилистическим средством, поэтому она изучалась и изучается в исследованиях по поэтике, риторике, стилистике. В определениях метафоры назывались признаки: «перенос с...на...»; «необычное использование»; «несобственная речь»; «замена»; «сходство»; «скрытое сравнение». В первых античных классификациях «речевых фигур» метафора определялась как средство, усиливающее экспрессивно-эмоциональное воздействие речи. Позже переход речевых фигур в язык не изменил к ним отношения со стороны лингвистов. Древние считали слово именем предмета, его этикеткой, которую можно было снять с одной вещи и перенести на другую. Отсюда и «перенос» — дословный перевод с греческого — *meta-phora*, с латинского — *translatio*. Хотя в этих терминах отражается динамика процесса метафоризации, объяснение остается статичным, что отражает взгляды древних: слово и предмет — величины постоянные.

Теперь во всех направлениях лингвистики слово не рассматривается как этикетка к предмету, однако термин «переносное значение» упорно сохраняется. Как видно, этот термин не отражает истинной сущности данного явления, чем, пожалуй, и можно объяснить его использование для наименования особых явлений в грамматике [1].

Термин «необычное использование» предполагает, что в каждом языке существует обычное, нормативное использование слов, известное каждому члену данной языковой общности. Следовательно, отклонение от нормы есть «необычное использование», в чем также нетрудно увидеть представление о слове как об имени предмета. Однако метафора понятна всем, так как она образуется и используется по законам языка, известным его носителям. А это свидетельствует о том, что метафоризация обычных слов и их использование есть также обычное действие.

В литературоведении метафору называют еще «несобственной речью», потому что ее смысл иной, чем значения слов, ее образующих.

Таким образом, получается, что слова с прямым значением называют предметы реального мира, а метафоры —

нереального. Но это, конечно, не так. Г. Вайнрих утверждает, что при помощи метафор можно выразить мысль также точно, как и другими словами. Метафора — это тоже собственная речь, и ее нельзя заменить другими словами. Она потому и возникает, что нет другого слова, которое могло бы выразить ее смысл [2, с. 44].

Со времен Аристотеля признаком метафоры считается «сходство» предметов. Известно, что в объективной действительности между предметами существуют различные связи и различные отношения. Человек, постигая и осваивая предметы, классифицирует, сопоставляет и противопоставляет их на основе их свойств и качеств и вносит, таким образом, свой порядок. Процесс постижения и освоения отражается и закрепляется в языке, т. е. в средствах языка, в том числе и в метафоре. Иначе говоря, указание на сходство между предметами — не есть преимущество метафоры.

Человек, постигая вещи, сравнивает их, обнаруживает между ними сходство и, чтобы закрепить свое знание, дает новому предмету имя ранее известного ему предмета. Но взгляд на сравнение как на основу метафоры или как на развернутую метафору (а на метафору как на «скрытое сравнение»), не меняет того факта, что метафора и сравнение абсолютно разные понятия. Сравнение не нарушает языкового порядка и утверждает то, что есть. Оно устанавливает зависимость между двумя словами при условии, что ни одно из них не изменяет своего значения. Метафора же возникает в речи (в контексте) как совершенно новое слово, выделяя в предмете какой-то аспект (качество, свойство, отношение), которого раньше не было (или оно не было замечено) и, следовательно, которому не было и имени.

Г. Гердер считал метафору общим и основным языковым явлением [3, с. 46]. Жан Поль, развивая эту мысль, указывал на то, что огромная часть слов обязана своим появлением метафоре. Он говорил, что каждый язык — это словарь стершихся метафор [4, с. 170].

Итак, что такое метафора? Вопрос направлен не на форму, а на особого вида содержание языкового знака, которое возникает в контексте. Контекст в широком смысле слова — это совокупность элементов речи и ситуации, в которой протекает речь. При изучении структуры языка метафоры ничем не выделяются, они не образуют особого морфологического класса. Так по каким же признакам метафора узнается в контексте? Г. Вайнрих, определяя метафору с точки зрения по-

лучателя речи, говорит, что метафора вызывает в сознании получателя речи легкое замешательство, потому что заключенные в ней представления несовместимы с известным из языкового опыта предметом [5, с. 152]. Замешательство быстро проходит, и все становится ясным и понятным, как при любом другом слове. Легкое замешательство объясняется следующим образом. В обычной речи с ее непрерывностью и линейностью появление каждого последующего слова подготовлено (или предсказано) предыдущими словами, и оно само также предсказывает последующие элементы речи. При такой связи переход от одного элемента речи к другому совершается беспрепятственно, наше сознание спокойно воспринимает заключенную в них информацию, т. е. в нашем сознании происходит предсказуемая, ожидаемая детерминация значений всех слов в речи.

В метафоре детерминация происходит иначе. Проследим это на примере: ... Als er (Schelling) noch jung war, da war er ein anderer. ... da brach alles Feuer der Jugend in Flammen der Begeisterung aus ihm... [6, с. 224]. При словах Feuer, Flamme мы, исходя из своего социального опыта, ожидаем их детерминацию такими словами, как пожарище, руины, пепел и т. д., т. е. мы ожидаем детерминацию на основе определенного комплекса ассоциаций. При метафорическом употреблении слова на фоне предсказуемых элементов появляются непредсказуемые и нарушают непрерывность, линейность речи. Неподготовленное и неожиданное оказывает сопротивление нашему восприятию и преодоление этого сопротивления требует усилий со стороны получателя речи. В основе приведенных словосочетаний лежат реальные отношения предметов и их признаков, которые отклоняются от нашего повседневного опыта и потому наше привычное представление оказывается сдвинутым, не сбывается ожидание привычного, создается эффект обманутого ожидания (getäuschte Erwartung) в результате функционального сдвига [7; 8], т. е. появляется новый смысл слова на основе несоответствия денотатов.

Стилистический эффект метафоры основывается на длительности детерминации смысла, так как здесь происходит не обычная детерминация, а контрдетерминация (основанная на контрасте) [8]. Исследователи давно заметили это явление. Так, Б. Христиансен писал: «Перемещающееся раздражение действует сильнее, чем протекающее равномерно, это всеобщий закон опыта» [9, с. 259]. После контрдетерминации (т. е. освобождения слова от его обычных признаков), проис-

шедшей вне нашего ожидания, все становится опять обычным, как и с простым словом. Смысл метафоры, как и всякого слова, становится благодаря контексту ограниченным, точным, индивидуальным и конкретным. Иначе она была бы непонятной, Метафора выражает мысль так же ясно и точно, как слова в их прямых значениях. Это позволяет считать ее самостоятельным языковым элементом, контекст которого указывает на то, что он в данном употреблении приобрел новое значение, т. е. появилось новое слово.

Что же способствует появлению метафоры? Метафора не входит в словарный состав языка, однако обогащает его. Это происходит благодаря тому, что семантические ряды (поля) открыты для новых пополнений и что слово относительно свободно в своей связи с предметами объективной действительности. Слова соотносятся с предметами, но не закреплены за ними прочно, и это позволяет им снова «открывать» и «постигать» вены.

Предпосылкой возникновения метафоры можно считать еще тот факт, что каждое слово в своем содержании объединяет многие компоненты или признаки. Их свободная комбинация способствует возникновению нового содержания, нового смысла. В процессе использования некоторые компоненты содержания слова, обычно второстепенные, редуцируются в контексте и из всех возможных значений слова в языке, в речи остается только одно, относящееся к данному коммуникативному акту. Широкое, неопределенное, социальное и абстрактное значение слова в языке, в контексте становится ограниченным, определенным, индивидуальным и конкретным. В метафоре также комбинируются содержательные компоненты, но иначе чем в других словах (см. выше). Метафора — есть результат комбинации гетерогенных компонентов содержания, возникших в контексте, поэтому Г. Вайрих называет ее «Stück Text» [8, с. 5].

По происхождению выделяются два типа метафоры: 1. Метафора, ближайший контекст которой не содержит иного названия предмета речи, кроме нее. Предмет же понимается имплицитно из контекста, который и проявляет в метафоре нужный (по замыслу отправителя речи) для данной ситуации смысл и обеспечивает правильное понимание. Обычно это одно слово. 2. Две или несколько лексических структур, объединяясь, создают новое метафорическое значение.

По структуре различают простые, сложные, развернутые метафоры, для понимания которых необходим большой кон-

текст, иногда целое произведение. Простая метафора — обычно одно слово, новый смысл которого возникает из отношений прямого значения слова к контексту. Например, слово *Gewitterwolke* в следующей цитате означает приезд в Берлин по приглашению прусского правительства Шеллинга — ярого, непримиримого противника Гегеля: *Seit einem Jahrzehnt hing an den Bergen Süddeutschlands eine Gewitterwolke, die sich immer dräuender und finstrier für die norddeutsche Philosophie zusammenzog* [6, с. 181]. Два слова, объединяясь, создают новое метафорическое значение: *Und als der philosophische Messias nun seinen hölzernen Thron im Auditorium Maximum restieg ...* [6, с. 182]. Шеллинг — философский спаситель: деревянный трон — кафедра. Или: *... und seine Zuhörer sind jetzt fähig, die Milch des Evangeliums in sich aufzunehmen* [6, с. 234]. Метафору «молоко евангелия» можно назвать смелой, так как здесь объединены слова из разных функциональных областей и их общий смысл связан с длительной детерминацией.

Метафоры в наших примерах, как правило, имеют развернутую, сложную структуру. Особенно часто встречается аллегория (иносказание) — выражение отвлеченных понятий или идей при помощи конкретных образов и фактов из повседневной жизни, военного дела, науки (химии), природы, искусства, религии. Вот несколько примеров.

Военное дело: *Ich könnte zwar gleich jetzt die Lücke in der obigen Schlachtordnung von Schlüssen aufzeigen, durch die der böse Feind der Abhängigkeit sich in die Reihe der freien Gedanken stahl ...* [6, с. 189].

Наука: *Die Karikierung der Hegelschen Dialektik tritt aufs deutlichste hervor. Die Potenz kann übergehen, kann dies aber auch unterlassen, wie es ihr gefällt. So scheiden sich aus der neutralen Potenz in der Retorte der Vernunft die beiden chemischen Bestandteile: Sein und Nichtsein* [6, с. 198].

Природа: *... und trotz aller Mühe, die hohe See der Möglichkeit zu halten, wären wir gleich an den verhassten Strand der Wirklichkeit geschleudert* [6, с. 195].

... *Die Verwirrung der Freiheit und Willkür steht in der schönsten Blüte* [6, с. 223].

Выбор тем и идей, вокруг которых автор накапливает образность, свидетельствует о его интересах и его эстетических ценностях.

В любом функциональном стиле индивидуальная метафора выполняет несколько функций: она служит коммуника-

тивным, эстетическим целям, иллюстрирует и убеждает, выражает авторское отношение к предмету мысли, глубже раскрывает содержание высказывания. Называя или оценивая предмет, лицо или явление, метафора выражает определенную мысль, содержит определенную информацию, которая рассчитана на эмоционально-чувственное восприятие, так как метафора — это всегда образ, являющийся средством изображения, живописания действительности с максимальной наглядностью. Степень наглядности и конкретности изображения зависит от специфики тех понятий, свойства которых сталкиваются в едином термине. В функцию метафоры входит также усиление выразительности, увеличение воздействующей силы высказывания.

Метафора — это художественный образ, задача которого не только передавать информацию, иллюстрировать повествование, усиливать языковую выразительность, но и вызывать в душе читателя определенные чувства, эмоциональный отклик на изображаемое.

Метафора является не только средством образного, художественного воспроизведения и отражения реально и объективно существующей действительности, но и свидетельством определенного авторского отношения и причастности к изображаемому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Oskar E. Zur Frage der grammatischen Metapher.— In: Festschrift für Hugo Möser. Düsseldorf, 1969.
2. Weinrich H. Linguistik der Lüge. Heidelberg, 1966.
3. Herder G. J. Abhandlungen über den Ursprung der Sprache. 1972.
4. Poul J. Vorstufe der Ästhetik. Deutsche Akademie der Wissenschaften. Weimar, 1927. Abt. I. Bd. 11.
5. Цит. по: Hugo M. Die Metapher. Winterthur, 1963.
6. Engels F. Anti-Schelling.— Marx — Engels. Gesamtausgabe, Abt. I. Bd. 2.
7. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. М., 1975.
8. Weinrich H. Semantik der kühnen Metapher.— «Folia Linguistica», 1967, N 1.
9. Христиансен Б. Философия искусства.— В кн.: Шиповник. СПб., 1911.

РОЛЬ КОНТЕКСТА ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ КОМПОНЕНТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ АНТОНИМОВ

В кругу вопросов фразеологии современного немецкого языка одним из интересных, но наименее разработанных является вопрос антонимических связей фразеологизмов как проявление системных связей во фразеологии в целом. Теоретическая разработка данного вопроса имеет, однако, большое практическое значение как для лексикографических работ в данной области, так и в практике преподавания иностранного языка.

Мы постараемся проследить и вскрыть определенные закономерности и связи в проявлении антонимических отношений в одной из групп глагольной фразеологии современного, немецкого языка, выявить возможности взаимозамены антонимичных фразеологизмов в контекстах с противоположным смыслом.

Под фразеологическими антонимами мы понимаем фразеологизмы с противоположными значениями, которые имеют общее и различное в их семантической структуре и могут полностью или частично заменить друг друга в контекстах с противоположным смыслом.

Релевантным признаком антонимичности признается, таким образом, взаимозаменяемость фразеологизмов в контекстах с противоположным смыслом. Этому требованию отвечают пары фразеологизмов, включающие в свой состав в одной и той же позиции противоположные по значению компоненты, знаменательные или служебные. Группу фразеологизмов, антонимические отношения в которых проявляются путем противопоставления отдельных компонентов в составе фразеологизмов, мы обозначаем как компонентные антонимы.

Вводя понятие компонентного антонима, мы пытаемся подчеркнуть, что понятие фразеологического антонима значительно шире, чем выдвинутое А. И. Молотковым [1, с. 18] положение о том, что фразеологическая антонимия возможна лишь там, где есть противопоставление лексических компонентов.

Прослеживая антонимические отношения в данной группе фразеологизмов, мы приходим к следующим выводам. Противопоставляться в составе компонентных фразеологических антонимов могут номинальные, вербальные, адвербиаль-

ные компоненты, являющиеся в свободном употреблении лексическими антонимами, словами, принадлежащими к одной тематической группе или не выявляющими данных отношений вообще: jemandem Freude bereiten — jemandem Kummer bereiten, ein Wort halten — ein Wort brechen, aufs falsche Pferd setzen — aufs richtige Pferd setzen, im günstigen Licht stehen — im schiefen Licht stehen.

Противопоставленные таким образом лексические компоненты ведут к образованию как полных, так и частичных компонентных фразеологических антонимов.

Под полными компонентными фразеологическими антонимами мы понимаем такие фразеологизмы, антонимичность которых проявляется противопоставлением компонентов их состава, не имеющих различий в семантических и стилистических оттенках их значений. Они взаимозаменяемы в контекстах с противоположным смыслом: jemandem Freude bereiten — jemandem Kummer bereiten; jemanden zum Reden bringen — jemanden zum Schweigen bringen.

Признаком полной взаимозаменяемости в контекстах с противоположным смыслом не обладают фразеологические компонентные антонимы, антонимичность которых проявляется противопоставлением компонентов их состава, имеющих разницу в оттенках их значений.

Эти семантические и стилистические оттенки значений противопоставляемых компонентов реализуются при противопоставлении антонимичной фразеологической пары и при взаимозамене этих фразеологизмов в контекстах с противоположным смыслом.

Среди видов различий в оттенках значений компонентных фразеологических антонимов можно выделить семантические различия:

— характеризующие действие с точки зрения его активности: im Joch sein — das Joch abschütteln.

Компонент sein обозначает состояние, компонент второй фразеологической единицы abschütteln обозначает действие. Антонимичные фразеологические единицы имеют ту же семантическую разницу значений, т. е. im Joch sein — обозначение состояния, das Joch abschütteln — обозначение действия;

— длительности протекания действия: die Fassung bewahren — aus der Fassung kommen.

Противопоставление вербальных компонентов bewahren и kommen в антонимичной фразеологической паре вскрыва-

ет семантическое различие, проявляемое в обозначении длительности состояния и законченности действия;

— направления действия: *einen Korb bekommen* — *jemanden einen Korb geben*.

Глаголом *bekommen* характеризуется действие, направленное на субъект, при глаголе *geben* действие исходит от субъекта. Данный вид различий сохранен в антонимичной фразеологической паре.

Стилистические различия в оттенках значений компонентов в составе фразеологизмов антонимической оппозиции ведут к образованию стилистических компонентных фразеологических антонимов. Эти различия проявляются прежде всего в противопоставлении разговорных вариантов их книжно-литературным, в соотношенности компонентов (и тем самым фразеологических антонимов) с различными стилями речи: *Gamaschen haben* — *Mut haben*.

Компонентные фразеологические антонимы, имеющие семантические или стилистические оттенки значений, мы определяем как неполные или частичные компонентные антонимы и наделяем их признаком частичной взаимозаменяемости в контекстах с противоположным смыслом. Исходя из распространенного в лингвистической литературе [2, 3, 4, 5] деления фразеологических антонимов на одно- и разноструктурные, компонентные фразеологические антонимы мы относим в основном к гомогенным образованиям.

Прослеженная выше взаимосвязь структуры фразеологических антонимов с их семантикой является основным признаком компонентной антонимии. Однако в связи с особым характером значения фразеологической единицы, представляющего не сумму, а специфический фразеологический синтез значений компонентов, антонимические противопоставления в сфере фразеологии строятся не так «прозрачно», как в лексике.

В структурном отношении антонимичность может быть выражена противопоставлением компонентов фразеологических единиц. Семантические и стилистические различия, характеризующие противопоставляемые компоненты, не являются, однако, выражением этих различий, характеризующих антонимичные фразеологизмы. Эти различия могут быть выявлены лишь путем сравнения значения противопоставляемых фразеологизмов, проверкой контекстов их употребления или не устанавливаются вообще.

Компонентные фразеологические антонимы — *mit ver-*

deckten Karten spielen — mit offenen Karten spielen — в структурном отношении — гомогенны и проявляют антонимичность противопоставлением компонентов: *verdeckt* — *offen*. Но мы не можем утверждать, что данные фразеологические антонимы в семантическом плане отличает то же, что и названные компоненты их состава.

Противопоставление семантически отличных друг от друга компонентов *verdeckt* — *offen* (по полноте качества) ведет, однако, к образованию полных фразеологических антонимов, взаимозаменяемых в контекстах с противоположным смыслом и не обнаруживающих семантических и стилистических различий их значений. Различие между данными фразеологическими антонимами состоит в образе, картине, лежащей в основе их фразеологических значений.

Фразеологические компонентные антонимы этого типа можно рассматривать как полные компонентные фразеологические антонимы с их «индивидуальным фразеологическим лицом» [6].

Выводы

1. При определении и классификации компонентных фразеологических антонимов релевантным признаком можно считать их полную или частичную взаимозаменяемость в контекстах с противоположным смыслом.

2. Компонентная антонимия во фразеологии немецкого языка является выражением влияния внутренней структуры фразеологизмов на характер их фразеологического значения. Антонимичность целого ряда фразеологизмов может быть признана, исходя из характера их структурной организации, уже на лексическом уровне.

3. Компонентная антонимия, однако, служит доказательством того, что понятие фразеологического антонима значительно шире понятия фразеологической антонимии лишь на лексическом уровне, так как уже среди компонентных антонимов можно выделить фразеологические пары, антонимичность которых устанавливается лишь на уровне сопоставления их фразеологических значений, проверкой контекстов их употребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молотков А. И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания. — Фразеологический словарь русского языка. М., 1966.

2. Алехина А. И. Фразеологическая антонимия в современном английском языке. Канд. дис. М., 1970.

3. Чернышева И. И. Фразеологическая система и ее семантические категории. — «Иностранные языки в школе», 1973, № 2.

4. Грязнова Л. А. Некоторые наблюдения над антонимией слов в фразеологических единицах. — В кн.: Вопросы романо-германского языкознания. Уфа, 1966.

5. Сидоренко М. И. О фразеологических антонимах русского языка. — РЯШ, 1969, № 3.

6. Хазанович А. П. Синонимия во фразеологии современного немецкого языка. Канд. дис. Л., 1958.

О. И. БЫКОВА

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ ИЗМЕНЕНИЙ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА

Функциональный подход к изучению всех аспектов языка и лексики в частности находит все большее применение в лингвистических исследованиях последних лет. Перед такой необходимостью ставит исследователей специфика языковых средств, которые в силу определенной системности в их структуре и возможности различного комбинирования выполняют свою основную, коммуникативную функцию. Коммуникативная целесообразность высказывания определяется контекстом употребления, который является для говорящих привычным, типичным, а иногда в зависимости от намерения говорящего — нетипичным и обнаруживает отклонения от обычной нормы употребления.

Предпосылкой реализации одного из значений многозначного слова в контексте служит признание комплексного характера лексического значения слова, представляющего собой не константную, а в определенных условиях допускающую вариантность величину, которая состоит из набора гетерогенных, денотативных и коннотативных компонентов (сем) [1, с. 81; 2, с. 24—29; 3, с. 247]. Коннотативные компоненты значения могут быть определены как периферийные, менее устойчивые значения слова по отношению к более устойчивым, образующим понятийное ядро, денотативным компонентам значения. Они опираются на постоянные ассоциации, вызываемые денотативными компонентами значения, сообщают дополнительную информацию об условиях и участ-

никах процесса общения и в зависимости от интенции говорящего могут подвергаться изменениям. И хотя в лингвистике вопрос о квалификации этих качественно различных и в зависимости от их роли в акте коммуникации функционально обусловленных конstituентов лексического значения до сих пор остается открытым, элиминация этих элементов при исследовании семантической структуры многозначного слова невозможна. На их релевантность для функционирования языка, речеобразования указывает в своей работе В. И. Голвердовский: «... значение слова в речи носит на себе отпечаток личности, ее собственных представлений, обусловленных объемом знаний, особенностями окружающей ее среды, эмоциональностью и т. д.» [4, с. 139].

Функциональная нагрузка коннотативных компонентов значения может чаще подвергаться изменениям, так как в их формировании активно участвует отправитель и получатель информации. Семантические характеристики этих компонентов лексического значения слова не выражены явно, их эксплицитное выражение может быть обнаружено в языковом контексте.

В данной статье мы проанализируем в минимальном отрезке речи, микроконтексте типа* «прилагательное+существительное», возможности реализации и модификации коннотативных компонентов значения многозначных существительных. Объектом наблюдений является лексическая группа корневых многозначных существительных немецкого языка, обозначающих одушевленные лица, семантическая структура которых более насыщена качественно различными коннотативными компонентами значения, несущими определенную функциональную нагрузку.

На ограниченность конструктивных возможностей полисемантических существительных при решении вопроса о снятии многозначности указывает Л. Н. Ярв [6, с. 103], утверждая, что только 30% многозначных существительных могут снять многозначность синтаксическим путем. Поэтому в условиях данного, наиболее типичного конструктивного контекста представляется необходимым исходить из анализа семантической релевантности одной из реализуемых семем (С) многозначной леммы существительного по отношению к определяющему ее прилагательному.

* В статье используются термины Н. Н. Амосовой: микроконтекст — контекстуальный минимум, состоящий из ядра (здесь реализуемого существительного) и индикатора для условий реализации (здесь прилагательного) [5].

При анализе мы будем исходить из теоретической посылки, что компоненты лексического значения контекстуального окружения функционально связаны с имплицитно выраженными компонентами исследуемых семем. Объективным критерием проверки на семантическую сочетаемость семем-ядер (существительных) с семемами-индикаторами (прилагательными) является диагностирующий минимум, а именно набор коннотативных сем, из которых состоят эти семемы. Согласно основному принципу семантической валентности [7, с. 85] сочетаемость семемы предопределена системными особенностями ее семантической структуры. Контекст в речи позволяет установить наличие приращений к значению слова. Это явление «гиперсемантизации» было впервые замечено У. Вайнрайхом [8, с. 89] и объяснено смещением переносных признаков («transfer feature») одной лексемы в набор имманентных признаков другой.

На уровне семантических компонентов это явление объясняется изменением в совокупности как денотативных, так и коннотативных сем семемы-ядра и семемы-индикатора и зависит от различной степени интенсивности семантического согласования. По мнению Э. Агриколы [9, с. 67], в зависимости от коммуникативной целесообразности можно выделить три возможности комбинаций семантических компонентов семем контекста по степени интенсивности их семантического согласования: 1) несогласованность, взаимоисключение; 2) необходимое согласование; 3) условное согласование. Коммуникативная результативность отношений третьего типа может выражаться: а) в релевантных изменениях внутри реализуемой семемы, появлением смысловых различительных признаков в пределах узуса, как сигнал реализации значения слова; б) приращением сопутствующих признаков, стимулирующих реализацию индивидуального, окказионального смысла лексических единиц, добавочных коннотаций.

В рамках данной статьи будут рассмотрены только случаи семантического согласования лексических единиц в пределах их узусального употребления, так как для исследования всех контекстуальных возможностей семантико-стилистической связи сочетаемости необходим анализ контекста с большей линейной протяженностью лексических единиц (макроконтекст).

Учитывая, что феномен «коннотация» имеет большую емкость и включает сопутствующие признаки, не входящие в семантическую структуру слова (волюнтативный компонент,

компонент культуры, мировоззрения и др.), нам представляется целесообразным ограничиться следующими четырьмя типами коннотативных компонентов значения: оценочным, эмоциональным, экспрессивным, функционально-стилистическим [10, с. 105—113].

Для экспликации этих компонентов значения были использованы маркировки в словарях [11], данные опроса информантов. Для оценочных сем: *meliorativ* — *pejorativ*; эмоциональных — *vertraulich*, *scherzhaft*, *spöttisch*; экспрессивных — *bildhaft*; функционально-стилистических — *normal-sprachlich*, *gehoben*, *umgangssprachlich*, *salopp* — *umgangssprachlich*, *vulgär*.

При анализе релевантных семем многозначных существительных на сочетаемость с определяющими семемами прилагательных наблюдались следующие возможности реализации коннотативных компонентов в их семантической структуре: 1) появление факультативных коннотативных сем при отсутствии коннотативной маркированности в наборе сем семем-ядер в сочетании с коннотативно маркированными семемами-индикаторами; 2) полная модификация коннотативной маркированности с разной функциональной нагрузкой семем-ядер и семем-индикаторов; 3) изменение качественных характеристик коннотативных сем с одинаковой функциональной нагрузкой семем-ядер и семем-индикаторов.

1. Перенос факультативных, виртуальных [12, с. 79] коннотативных сем семемы-индикатора на коннотативно немаркированную семему-ядро касается в большей степени оценочных и эмоциональных сем. Оценка, являясь ингерентным элементом прилагательного, присуща большинству прилагательных:

(*meliorativ*): *süß* + *Kind*C₁ «*Nachkomme*»

(*pejorativ*): *falsch* + *Weib*C₁ «*erwachsene Person weiblichen Geschlechts*»*.

Часто оценка может быть адгерентным компонентом семантической структуры многозначного прилагательного в случае, если актуализируется только одна семема прилагательного. Так, для обозначения человека, привлекающего чем-либо внимание окружающих, употребляется сочетание: *ein toller Mann*, *ein tolles Weib*, где семема-индикатор *toll*C₁

* Принятое нами обозначение C₁, C₂... и т. д. соответствует порядковому номеру значения слова, обозначенного в словаре Klappenbach R. и Steinitz W. *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin, 1970.

«vorzüglich» маркирована семей положительной оценки (meliorativ) и функционально-стилистической семей (salopp-umgangssprachlich).

Оценочные семьи семем-индикаторов могут быть перенесены на семему-ядро в комбинации с функционально-стилистическими. Контекстоограничительный аспект функционально-стилистических сем выражается в том, что данное сочетание ограничено определенной сферой употребления (salopp-umgangssprachlich).

В силу того, что между оценочными и эмоциональными компонентами существует причинная связь [13, с. 117—118; 14, с. 98; 15, с. 42], одновременно с оценочной часто актуализируется и коррелирующая с ней эмоциональная сема. В сочетании *alter Bursche* одновременно с оценкой (meliorativ) в семему-ядро переносится эмоциональная сема (vertraulich).

2. Под воздействием коннотативных сем семемы-индикатора, несущих функциональную нагрузку разной направленности по отношению к коннотативной маркированности семемы-ядра, происходит полная модификация коннотативных потенций семемы-ядра. Оценочная сема может изменять свою направленность на полярно противоположную. При этом изменение направленности оценки может осуществляться:

а) в пределах одной семемы-ядра, т. е. при сохранении значения существительного: *süß, hold+WeibC₁* «*erwachsene Person weiblichen Geschlechts*» (meliorativ, gehoben); *klatschsüchtig, zänkisch, keifend, derb+WeibC₁* (pejorativ, umgangssprachlich);

б) при актуализации новой семемы-ядра: *alt C₀* «*ironische Verstärkung*»+*WeibC₃* «*weicher, feiger Mensch*» (pejorativ, umgangssprachlich).

Перенос качественно различной оценочной и эмоциональной нагрузки на семему существительного нередко осуществляется многозначными прилагательными с «широкой семантикой»: *klein, alt, arm*, которые сами в различных семемах маркированы коннотативными семемами различной направленности.

В сочетаниях: *dumm, blöde, verdreht, versoffen+HuhnC₃* «*alberner, ulkiger Mensch*» реализуется оценочная сема (pejorativ) и эмоциональная (spöttisch). Но если отрицательная оценка семемы-индикатора слегка смягчена, в семему-ядре появляется виртуальная оценочная сема ($\pm$ pejora-

tiv) и эмоциональная (vertraulich, scherzhaft): kleines HuhnC₃; alter KauzC₂ «Sonderling».

В результате актуализируется широкая шкала субъективно-эмоционального отношения говорящего к определенному лицу от пренебрежения и преднамеренной иронии до ласкательного оттенка.

3. Одним из условий изменения качественных характеристик коннотативных сем семей-ядер, коннотативно маркированных в парадигматике, является сочетаемость с коннотативными семами с одинаковой функциональной нагрузкой семей-индикаторов. Последние играют роль интенсификаторов уже заданной коннотативной нагрузки семемы многозначного существительного.

Отрицательная оценка существительных BruderC₄ — «abwerterde Bezeichnung für einen Kerl» и BengelC₂ — «Rüpel, Frechdachs» усиливается оценочной семой отрицательной направленности в семемах прилагательных: windig, listig, locker, leichtsinnig + BruderC₄; faul, vorlaut, nichtsnutzig, frech, ungezogen + BengelC₂.

Синонимичные значения существительных KäferC₂, BieneC₂ — hübsches junges Mädchen, маркированные оценкой meliorativ, актуализируются в одинаковых сочетаниях с прилагательными той же оценочной направленности: hübsch, niedlich, keß, reizend, famose, flott + KäferC₂, BieneC₂.

Усиление экспрессивной маркированности семемы-ядра (bildhaft) — результат сочетания оценочных сем полярной направленности семемы-ядра и семемы-индикатора:

gelehrt (meliorativ) + EselC₂, HuhnC₃ «bornierter Mensch»
(pejorativ)

hübsch (meliorativ) + KrabbeC₃ «verkommene weibliche Person»
(pejorativ)

Экспрессивная сема является латентным, потенциальным признаком семемы-ядра, условием реализации которого служит лексическая транспозиция внутри категории «одушевленность» из субкатегории «животное» в субкатегорию «человек», и наоборот. Лексическая транспозиция возникает в результате нарушения валентностных связей, что создает интенсификацию коннотативной экспрессивности и изменение лексического значения: grob, schön, stark, prächtig, stämmig, wild + BurscheC₂ «kräftiges Tier».

Актуализация эмоциональной семы, коррелирующей с направленностью оценочной коннотации, может вызвать ос-

лабление оценки отрицательной направленности: kleinC₃ «im geringen Maße» + EselC₂, SchafC₂, HuhnC₃ «bornierter Mensch».

Результаты анализа позволяют сделать следующие выводы:

— релевантность семем в семантической структуре многозначного слова может быть обнаружена и на уровне качественно различных и коммуникативно обусловленных коннотативных компонентов значения;

— функциональная связь лексических единиц в отрезке высказывания находит свое языковое выражение во взаимодействии и взаимопроникновении коннотативных компонентов значения сочетающихся семантических структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова. Ташкент, 1973.
2. Bochmann K. Zum theoretischen Status und operativen Wert der Konnotation.—«Linguistische Arbeitsberichte». Leipzig, 1970, H. 10.
3. Wotjak G. Untersuchungen zur Struktur der Bedeutung. Berlin, 1971.
4. Говердовский В. И. Феномен коннотации на денотативном уровне.— В кн.: Языковая практика и теория языка. Вып. 1. М., 1974.
5. Амосова Н. Н. Английская контекстология. Л., 1968.
6. Ярв Л. Н. Проблема сочетаемости существительных с зависимыми словами в современном немецком языке. Канд. дис. Л., 1967.
7. Schippan Th. Einführung in die Semasiologie. Leipzig, 1972.
8. Weinreich U. Erkundungen zur Theorie der Semantik. Tübingen, 1970.
9. Agricola F. Semantische Relationen im Text und im System. Halle (Saale), 1972.
10. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973.
11. Klappenbach R. и Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1970; Agricola F. Wörter und Wendungen, Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Leipzig, 1970; Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Bd. I—V. Hamburg, 1963—1967; Stilwörterbuch. Leipzig, 1970.
12. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969 («мыслимый как элемент языковой системы, независимый от реализации, актуализации в речи»).
13. Шаховский В. И. Некоторые способы выражения эмотивно-субъективной оценки в сфере имен существительных английского языка. Канд. дис. М., 1969.
14. Павлова Н. М. Эмоциональные значения в лексикографическом отражении. Канд. дис. Ростов н/Д., 1971.
15. Ludwig K.—D. Das Verhältnis von Sprache und Wertung, dargestellt an einigen Adjektiven, die negative ästhetische und moralische Wertungen fixieren. Dissertation. Leipzig, 1973.

О ДЕТЕРМИНАЦИИ И ХАРАКТЕРИЗАЦИИ В ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Объектом исследования данной статьи является серия отношений, характеризующих функционирование элементов определительной конструкции в рамках более широких единиц, в частности предложений. Совокупность этих отношений передается в нашем материале рядом категорий, которые ввиду их широкого и абстрактного содержания могут быть названы, по нашему мнению, генерализованными. Речь идет о таких категориях, как актуализация, детерминация, характеристика. Некоторые из них оказываются связанными с более частными категориями (например, определенности, неопределенности).

Как утверждает Ш. Балли [1, с. 87], актуализация является основным, первостепенным механизмом мысли, служащим для перевода любого понятия, процесса и т. д. из языка в речь. Именно актуализация способна перевести «виртуальное» понятие, существующее в языке, в «актуальное», каким оно выявляется в речи. При переходе из языка в речь любое «виртуальное» понятие, «неопределенное по объему и определенное по содержанию», видоизменяет свои объем и содержание, становится актуальным при помощи «различных приемов, употребляемых для превращения языка в речь» [1, с. 93]. Поскольку в данной статье анализируются конструкции, основным элементом которых является имя, то речь будет идти в основном только об актуализации понятия имени (вещи). А поскольку речь идет о конструкциях определительных, включающих имя и его определители, нас интересует прежде всего не актуализация сама по себе (*actualisation sans qualificatif*), а актуализация квалификативная, т. е. актуализация в рамках исследуемых конструкций. С этой точки зрения из выделяемой Ш. Балли имплицитной, частично эксплицитной и эксплицитной актуализации нашим конструкциям более всего соответствует эксплицитная типа *le chien du jardinier*, а также частично эксплицитная типа *ce chien*.

Актуализаторы индивидуализируют понятие, т. е. одновременно локализируют его во времени, в «части действительного пространства» по отношению к говорящему субъекту, и,

с другой стороны, определяют количественно как измеримые или исчислимые. Иначе говоря, они меняют объем и содержание понятия. Каждый вид, обозначенный существительным, состоит из множества индивидов. Чтобы определить, о каких индивидах данного класса идет речь, отделяя их от других, нужно изменить объем понятия [2, с. 295] (*fleur, cette fleur, la fleur du voisin, la fleur que je vois*; понятие *fleur* ограничено в объеме посредством *cette, la, du voisin, que je vois*).

Чтобы обозначить все, что ограничивает объем понятий, внося о них разного рода сведения, ставя их в какое-то отношение к тому, что их окружает, некоторые французские лингвисты вместо термина «актуализация» (имеется в виду эксплицитная по терминологии Ш. Балли) предпочитают термин «детерминация» [3]. Нам этот термин также представляется более удобным (но далеко не идеальным) хотя бы потому, что с введением его мы можем избежать путаницы в связи с употреблением «актуализации» как общего механизма, касающегося всех понятий, процессов, качеств при переходе из языка в речь, с одной стороны, и как средства «кваликативной актуализации», касающейся только определительных конструкций. Детерминация в нашей работе понимается как актуализация в рамках исследуемых определительных конструкций.

Кроме того, каждый из индивидов, составляющих класс, может быть наделен качествами, которые его отличают от других индивидов того же класса (*fleur — une fleur rouge, une fleur rose*). Следовательно, имя существительное может сопровождаться словами, приписывающими одному или нескольким индивидам качество, которое их характеризует. В данном случае, когда меняется не объем понятия, а его содержание (содержание понятия *fleur* более ограничено, чем содержание *une fleur rouge*, включающее фактически качества, признаки *fleur + fleur rouge*), имеет место характеристика, которая включает все средства, позволяющие изменить содержание понятия имени [3]. Изменение содержания понятия происходит не так, как изменение его объема. «Виртуальное понятие характеризуется виртуальным (его характеризатором) и актуализируется актуальным (его актуализатором)» [1, с. 100]. Если в случае актуализации (детерминации, принятой нами) определяющее само обязательно должно быть определенным, чтобы служить целям детерминации, то в случае характеристики определяющее в силу своей неав-

тономности, несамостоятельности не может выступать детерминатором и образует с определяемым именем единый комплекс, который может детерминироваться только в своей совокупности (*maison blanche* — une *maison blanche* — la *maison blanche du père*).

Итак, все определительные конструкции современного французского языка по способу их определения делятся, в основном, на две группы в зависимости от того, выражается ли определяющим детерминация или характеристизация. При чем о детерминации можно говорить лишь в том случае, если определяющее определено само или контекстом, в противном случае (определяющее не определено) имеет место характеристизация.

Учитывая все вышесказанное, к первой группе можно отнести конструкции, определяющее которых является характеристизатором. Средствами характеристизации определяемого служат:

1. Имя существительное, если оно не определено (не имеет соответствия с реальной действительностью): *Je quittai la fenêtre et me dirigeai vers ma **table de bois*** (B. P.).

В приведенном примере определяющее существительное *bois*, лишенное артикля — актуализатора, не имеет соотношения с реальной действительностью, следовательно, не способно ограничить понятие в объеме, детерминировать. Передавая «качественную характеристику через отношение к субстанции, не представленной в ее реальном бытии» [4, с. 229], определяющее лишь модифицирует содержание определяемого *table*, уточняет его. Актуализатором же является посесивный детерминатив *ma*, который придает определенность конструкции.

Чаще всего существительные-характеристизаторы выступают с предлогами *de*, *à*, *en*, *sans* и др. Однако существительное без предлога в роли характеристизатора также довольно быстро распространяется в современном французском языке: *J'en déduisis que mes «**choses été**» se trouvaient dans la boîte «sports d'hiver»* (D. P.).

2. Имя прилагательное качественное, а также причастие: *Sa femme interrogea d'**une voix radoucie**: Il en reste beaucoup?* (A. M.).

3. Наречие, в основном качественное: ... *l'un et l'autre plongent avec un réalisme cruel dans les bas fonds de la vie familiale des gens bien...* (Т. Н.).

4. Инфинитив с предлогом: Elle y emporta un bagage d'une légèreté à fendre le coeur (C. K.).

5. Сочетание слов: Entre sa femme et ses enfants, couleur pain d'épice, Marcel Lobligeois avait conservé le teint pâle et la raison froide (T. H.).

6. Часть относительных придаточных*, которые, не ограничивая понятия определяемого antecedenta в объеме, видоизменяют его содержание, характеристику: Dans la cour que limitent le chateau décrépît et les deux chais bas, Elisabeth aperçut son beau-père assis... (M. F.). Moins d'une demi-heure après, ils étaient tous trois dans une yole qui les emportait vers l'île (B. P.).

Такие придаточные предложения не могут детерминировать, так как определяемое слово (antecedent) и без них полностью определено (la cour — ситуацией, контекстом), а если оно и не определено (une yole), то характеризующее придаточное не способно служить тем средством, которое может его определить.

Вторую группу исследуемых сочетаний представляют собой конструкции, в которых определяющее является детерминатором. Поскольку под детерминацией нами понимается «кваликативная» актуализация, то, следовательно, определяющим — детерминатором может быть только актуализатор. Являясь определенным или, по крайней мере, определимым, такой детерминатор ставит определяемое в какое-то отношение к тому, что его окружает, вносит о нем разного рода сведения, ситуативно его определяя. Иначе говоря, детерминатор ограничивает объем тех предметов, к которым он может быть применен, тем самым конкретизирует, индивидуализирует его.

В одних случаях детерминатор определяет понятие, ограничивая его в объеме путем оппозиции с референтом внешней действительности, заключенным в определяющем: Il avait négligé le couteau du couvert et il utilisait le sien, un gros couteau suisse (L. A.). В других — детерминация осуществляется путем локализации предмета в части действительного пространства или времени, т. е. соотношение с действительностью в них происходит не через предмет, а через отрезок времени или пространства: Je détestais cette compli-

* Обычно такие относительные придаточные в сфере сложного предложения выделяются как «экспликативные», «пояснительные», «неограничительные».

cité tendre: c'était ma faute, j'avais parlé de Goncha **la nuit précédente**, j'aurais dû me retenir (S. J.-P.).

Средствами детерминации в изучаемых сочетаниях являются:

Имя существительное:

а) предложное, употребляющееся в качестве именного дополнения (complément déterminatif du nom): J'ai écrit un jour que **la colère des imbéciles** remplirait le monde (B. G.). В выделенной конструкции оппозиция определяемого la colère с референтом внешней действительности les imbéciles конкретизирует, индивидуализирует определяемое, ограничивая его в объеме;

б) беспредложное типа l'église Notre-Dame. Не имея явно выраженного референта, оно может детерминировать только тогда, когда значением своим предполагает этот референт внешней действительности, в оппозиции с которым определяемое может стать индивидуализированным, ограниченным в объеме. Такое предположение референта возможно в сочетаниях, отношения между элементами которых по происхождению восходят к посессивности: Première décision du **gouvernement Messmer-Pompidou** (Т. Н.). Ср.: le gouvernement de Messmer-Pompidou.

Местоимение является аналогичным существительному по способности ограничивать определяемое понятие в объеме. Les deux hommes se regardèrent dans les yeux et chacun soutint **le regard de l'autre** (V. R.).

Инфинитив в тех случаях, когда он, подобно существительному, выполняет функцию дополнения к имени: **Le bonheur de vivre** chantait pour la première fois dans son cœur (V. R.). Ср.: le bonheur de la vie.

Имя прилагательное (относительное или местоименное): C'était là le premier effet de la terrible **éducation paternelle** (B. P.), где прилагательное paternelle подсказывает (предполагает) референт père. Ср.: l'éducation du père. Следует заметить, что для подобных конструкций важной оказывается роль контекста, который помогает выявить, идет ли речь о детерминации или характеристизации. Ср., например, употребление того же прилагательного в другом контексте: — Est — ce qu'on souffre ... longtemps? (Oh, quand? Mais non, — dit le Belge d'une **voix paternelle**, c'est vite fini (S. J.-P.). Речь в данном примере идет не о голосе отца, а об отеческом тоне бельгийца. Обозначая качество, которое приписывают суще-

ствительному *voix*, прилагательное характеризует его, не являясь детерминатором.

Наречие, а также сочетания слов локализирующего характера: *Va voir là — haut, dans la chambre de derrière*, dit Margret à Lapointe (S. G.). Je me retrouvai avec *le trouble de tout à l'heure*, avant d'entrer chez Marthe (R. R.). Обстоятельное наречие *derrière* и сочетание *tout à l'heure* детерминируют понятия *la chambre*, *le trouble*, локализуя их, соответственно, в пространстве и времени.

*Часть относительных придаточных предложений**, которые, определяя антецедент, суживают его понятие в объеме, отчего определяемое с придаточным предстанет более узким понятием по сравнению с тем же понятием без придаточного: *Grand connaisseur. Honoré examinait l'animal qui s'approchait...* (A. M.). Придаточное предложение *qui s'approchait* ограничивает понятие *l'animal* в объеме, в связи с чем последнее предстанет вполне конкретным, индивидуализированным.

Таким образом, исследуемые определительные конструкции французского языка по способу определения предстают, в самом общем виде, как конструкции с детерминацией или характеристикой. Однако такое деление охватывает далеко не весь материал, что и естественно, так как невозможно все конкретные языковые явления строго ограничить определенными рамками.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- B. P.— Benoit P. *L'île verte*. Paris, 1968.
C. K.— Colette. *Le Képi*. Paris, 1958.
D. P.— Daninos P. *Vacances à tout prix*. Paris, 1972.
A. M.— Aymé M. *La jument verte*. Paris, 1968.
T. H.— Troyat H. *Le carnet vert*. M., 1974.
M. F.— Mauriac F. *Destins*. Paris, 1968.
L. A.— Lanoux A. *Le commandant Watrin*. M., 1962.
S. J.-P.— Sartre J.-P. *Le mur*. Paris, 1969.
B. G.— Bernanos G. *Les enfants humiliés*. Paris, 1949.
V. R.— Vailland R. *Un jeune homme seul*. Paris, 1967.
S. G.— Simenon G. *Romans*. M., 1968.
R. R.— Radiguet R. *Le diable au corps*. Paris, 1968.

* Так называемые «детерминативные», или «ограничительные», относительные предложения.

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Рус. пер. М., 1965.
2. Yvon H. Sur l'emploi du mot indéfini.— In: Revue de Philologie française. Paris, 1901.
3. Glatigny M. Remarques sur la détermination et la caractérisation dans quelques textes littéraires.— «Le Français moderne», 1964, N 4; 1965, N 1.
4. Мухин А. М. Функциональный анализ синтаксических элементов. М.—Л., 1964.

Л. В. БРЫКОВА

К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЯХ ЭКСПРЕССИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Стилистическая окраска и стилистические функции языковых единиц рассматриваются последнее время применительно ко всем уровням языка. Значительные результаты в этом плане достигнуты лингвистами при изучении готовых единиц. Что же касается возможностей словообразовательных средств, то они изучены недостаточно. На взаимосвязь словообразования и стилистики указывается в статье В. Флейшера [1]. М. Д. Степанова определяет общие проблемы стилистического словообразования, а именно:

— особенности словообразовательных моделей в отдельных функциональных стилях;

— семантико-экспрессивную окраску моделей и их применение в речи;

— стилистико-коммуникативный эффект отдельных моделей [2]. Не случайно этой же проблеме посвящены отдельные главы, хотя и небольшие, в недавно изданных учебниках по стилистике немецкого языка [3].

Исследование указанной проблемы определяется требованиями изучения общей проблемы особенностей языковых средств в процессе коммуникации, так как «многие специфические особенности языка, как-то: наличие специфических дейктических и экспрессивных средств, средств локальной ориентации, различных средств связи между предложениями и т. д. можно объяснить только исходя из нужд общения» [4].

Поскольку почти все, что мы эмпирически знаем о язы-

ке, результат изучения его коммуникативной функции, то мы исходим в нашем исследовании из функционального изучения языка. Сначала мы знакомимся со словами в речи (контексте) и затем, абстрагируясь от контекста, даем ему характеристику в системе языка, так как образование новых слов в языке, как и его предложений, происходит сначала в речи.

Как известно, марксистское языкознание считает основным признаком языка его коммуникативную функцию*. Однако языковая коммуникация не ограничивается простой передачей информации; она включает в себя и задачу воздействия на читателя или слушателя, его сознание, чувство, волю [5]. Из коммуникативной функции языка вытекает функция экспрессивная, которая часто обозначается вторичной, избыточной или факультативной [6]. В других случаях коммуникативную функцию называют функцией языка, а функцию экспрессивную — функцией речи [7].

Если исходить из дихотомии в языке (язык как система обобщенных знаков и моделей их сочетаемости и речь как реальная форма существования языка, конкретная реализация этой системы), то можно прийти к выводу, что коммуникативная функция языка реализуется в коммуникативной деятельности, т. е. в письменной и устной речи. Значит, коммуникативная и экспрессивная функции являются диалектическим единством, и различать их следует только с целью теоретического исследования, так как содержанием сообщения с точки зрения коммуникативной функции языка является определенная информация. Содержанием того же сообщения с точки зрения экспрессивной функции является та же информация, но выражаемая эмоционально-экспрессивными языковыми единицами. Под экспрессивной функцией языка мы будем понимать способность языка выражать чувство или волю говорящего или пишущего и вызывать на них определенную реакцию, т. е. когда происходит экспрессивное воздействие через языковые средства.

Говоря об экспрессивной функции языка, мы непосредственно касаемся вопроса о сущности понятия «экспрессия». В. В. Виноградов указывает, что «история экспрессивных элементов языка, пути их возникновения в каждом отдельном языке еще мало исследованы» [8]. За последние годы в этой области достаточно много сделано. Понятие экспрессии было исследовано как в рамках общего языкознания, так и

* Вопрос о роли языка в процессе познания, т. е. его когнитивная функция в данной статье не затрагивается.

в рамках стилистики отдельных языков. И все же до сих пор идет речь о трудностях точного определения экспрессивности языковых средств [9]. По-прежнему существуют различные точки зрения на понятие экспрессии.

Не касаясь всей сущности экспрессии, мы будем исходить из теоретической посылки, что нейтральные слова в определенном контексте могут быть экспрессивными, и различать абсолютную экспрессию (когда слова как моменты общезыкового значения включают в себя экспрессию, т. е. экспрессия считается объективным эмоциональным содержанием, и в этом случае мы говорили о стилистических пометах в словарях — высокое, поэтическое, разговорное, вульгарное слово) и контекстуальную (которая является моментом, результатом употребления слова в речи).

В нашей работе мы отступаем от определения экспрессивности как явления, выражающегося только специфическими стилистическими приемами (метафорой, сравнениями, синтаксическими фигурами) или основывающегося только на эмоциональных моментах слов. Экспрессивность обозначает качества речи и текста, которые вызываются как эмоциональностью слова или выражения, так и различными отклонениями от лексических, синтаксических, морфологических или ситуативных норм употребления языка*.

Абсолютная экспрессия с помощью словообразования создается сознательно путем отклонения от нормы при образовании новых, оригинальных слов, индивидуальных инноваций [6, Шендельс, с. 169]. Словообразования такого рода могут иногда затормаживать на какой-то момент процесс мышления, но они понятны и в большинстве случаев мотивированы. Новообразования такого типа имеют характер необычного, и как раз в этом проявляется их стилистический эффект. Причиной возникновения таких слов являются расхождения между узусом и возможностями языковой системы. Узус ограничивает языковые возможности, последние нарушают эти ограничения [6, Шендельс, с. 160]. Но индивидуальные инновации подчинены определенным закономерностям языка и поэтому понятны читателю или слушателю.

Возможность создания экспрессии с помощью словообра-

* Нормой будет считаться: а) на лексическом уровне — основная лексема в синонимическом ряду; б) на синтаксическом уровне — основные правила образования прагматических моделей; в) на стилистическом уровне — применение языковых элементов соответственно функциональной дифференциации [9, с. 21].

зовательных элементов основывается на следующих моментах:

1. Наполнение обычных употребительных словообразовательных моделей неупотребительными лексическими единицами. По типу слов *handgreiflich*, *großbäuerlich* образованы слова *mundgreiflich*, *schnabelgreiflich*, *sattbäuerlich*.

2. Нарушение семантического согласования внутри одного слова между непосредственно составляющими (*goldgrauer Dunst*, *ährenwarme Körner*, *die geradwinklige Frieda* usw.).

В данной статье мы рассматриваем несколько приемов образования экспрессивных прилагательных по п. 1. Эти образования охватывают производные и сложные слова. Собранный практический материал показывает, что самой продуктивной моделью образования необычных экспрессивных производных прилагательных являются словообразования на *-ig* и партиципиальные формы с приставками *be-*, которые мы обозначаем как псевдопартиципы, так как они образованы в отклонение от правил непосредственно от существительных. Глагольной парадигмы с ними не существует.

Как указывает Бринкман [10], прилагательные на *-ig* образуются только от немецких слов. Анализ свидетельствует о том, что экспрессивные прилагательные образуются часто от иностранных слов (*clownig*, *vagabundig*, *damig*, *zigeunergig*). Подобные прилагательные включают в себя сравнения. Они выражают образ действия или характеризуют предметы и явления по их внешнему сходству с одушевленным предметом, обозначаемым существительным, от которого образовано прилагательное. Эти прилагательные появились в контексте вместо употребительных прилагательных на *-haft*, и тем самым наше внимание обращается на особенности данного лица или явления. Сравнение типа *wie eine Dame* не несет в себе такой выразительности, как новообразование *damig*. Прилагательные на *-haft* выступают чаще всего в функции определения или предикатива, прилагательные на *-ig* — как обстоятельства образа действия. Большую группу представляют прилагательные на *-ig*, образованные от вещественных, нарицательных или абстрактных существительных (*das geldige Gesindel*, *die kummerige Emma*, *sich omelettig fühlen*, *humorig sein*, *der rattige Keller*).

Следует заметить, что и здесь встречаются иностранные корни. Если прилагательные первой группы чаще выступают в функции обстоятельства образа действия, то прилагатель-

ные второй группы — в функции определения. Они выражают, как и первая группа, сравнения или состояние человека или предмета и являются синонимами к сложному прилагательному или словосочетанию (*geldhabend, kummervoll, humorvoll, voller Ratten*), которые не будут экспрессивными.

Особую группу прилагательных на *-ig* образуют производные от сложных существительных или от словосочетаний (*mondgesichtig, gelbgesicht, smaragdäugig*). Они относятся чаще всего к действующему лицу и служат его внешней характеристике, которая свойственна ему от природы. Одни из них содержат в себе сравнения, которые подчеркивают симпатию автора к данному лицу и тем самым вызывают ее у читателя или показывают отрицательное отношение автора к предмету речи; другие обозначают внутреннее состояние человека. Совершенно необычное действие оказывают девербативные прилагательные на *-ig* («...wie jeder muntere Bursche beweglich, zuspringig und frisch»). Прилагательное *zuspringig*, вероятно, образовано по аналогии с *abspenstig* и употреблено в значении *zuvorkommend*, только новообразование несет дополнительные коннотации: оно характеризует действующее лицо как слишком старательного человека.

Упомянутые выше псевдопартиципы, являясь инновациями, экспрессивны. Анализ словарей [11] и собранного материала показывает, что однажды образованный псевдопартицип дает в будущем соответственные переходные или возвратные глаголы (*bemützt — bemützen; beschuht — beschuhen; beweibt — sich beweiben*). Постепенно с увеличением частотности употребления псевдопартиципы теряют свою экспрессивность. Но эта модель продуктивна, и помимо выражения экспрессии она служит обогащению состава языка. Такие псевдопартиципы часто относятся к человеку или животному (*behütet, bedolcht, bepelzt, bekindert, bezopft, bekrallt, bebuckelt, bedaunt*) или реже к предметам (*berost, bealgt, beastet*). Среди псевдопартиципов есть производные от словосочетания. В таких случаях уже употребительный партицип вновь приобретает экспрессивность. Большинство псевдопартиципов характеризуют одежду человека (*blaubemützt, buntberockt, braungestiefelt*), при этом первая конституента всегда обозначает цвет. Во всех случаях можно предположить, что автор стремится к языковой сжатости, и тем самым достигается динамика выражения.

Наиболее распространенную группу сложных экспрессивных прилагательных образуют сравнительные прилагательные.

тельные. Анализ по непосредственно составляющим с применением методов трансформации дал нам 12 групп сравнительных экспрессивных прилагательных. Большинство из них имеют реальную базу сравнения, выраженную существительным. Выбор сравнения очень существен для экспрессивных прилагательных. Чем оригинальнее сравнение, тем экспрессивнее оно действует на читателя. Существительные, выбранные для сравнения, могут обозначать вещества (*mehlgrau*), предметы (*klarinetthart*, *birkenheiter*), явления природы (*nebelzart*), собственные имена (*evelyngrün*, *tizianblond*), части тела (*hasenpforenweich*), времена года (*maidumm*), абстрактные существительные (*angstblau*, *hoffnungsgrün*), болезни (*scharlachrot*).

Анализ сравнительных прилагательных в контексте дает возможность выделить 5 групп прилагательных по их функции. Большую подгруппу экспрессивных новообразований составляют прилагательные, обозначающие цвет. В контексте они приобретают различные функции. Большинство из них имеют дополнительные коннотативные значения. Они могут указывать на объем, форму и свойство предмета речи (*watteweißer Schaun*, *tellerweiße Kuchenuhr*, *pinselblonder Mann*); на окружающий мир действующего лица, его жизненные условия (*stubenblaßes Mädchen*, *bäckerbleiches*, *sackgraues Gesicht*). Иногда они связаны с воспоминаниями героя, его переживаниями (*evelyngrüner Mai*) или подчеркивают отношение автора к предмету речи (*parageiengrüner Schal*, *schweinblonde*, *tizianblonde Haare*).

Почти такую же по объему подгруппу образуют прилагательные, обозначающие размер и состояние и, как и первая подгруппа, содержащие дополнительные коннотативные элементы. Часто они характеризуют действующее лицо и несут отрицательный акцент (*habichtstarre Augen*, *klarinetthartes Lachen*, *lammduddumm*). Иногда кроме наглядной демонстрации состояния человека эти прилагательные указывают на причину состояния (*einspannertraurig*, *asbachblanke Augen*). Существительные, выбранные для сравнения, порой помогают определить или прямо указывают на время действия, тем самым освобождая автора от дальнейших описаний (*mondeinsamer Mensch*, *nachttote Straßen*, *sonntagsschön gekleidet*). Что касается грамматической функции сложных экспрессивных прилагательных, то они чаще выполняют функцию определения или обстоятельства.

Изложенный в статье материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Словообразование может служить стилистическим задачам текста.

2. Одним из методов создания словообразовательной экспрессии служит наполнение употребительных моделей неупотребительными лексическими единицами, а наиболее распространенными моделями, используемыми при этом методе, являются производные на -ig, псевдопартиципы с приставкой be- и сложные прилагательные, содержащие сравнения.

3. Анализ данных прилагательных в контексте позволяет определить их стилистические функции.

Экспрессивные прилагательные используются:

— как средство языковой экономии;

— как средство образности. Наряду с выполнением при этом и других функций, в них всегда есть суждение автора. Речь идет о симпатии действующему лицу, о сочувствии ему, о комическом или трагическом изображении, высмеивании, презрении к нему и т. д.;

— как средство характеристики отрицательных явлений, связанных с окружающим миром действующего лица;

— как поэтическое средство при описании природы.

Часто такие прилагательные несут дополнительные коннотативные значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fleischer W. Stilistische Aspekte der Wortbildung. Deutsch als Fremdsprache. H. 4, 1969.

2. Степанова М. Д. К вопросу о стилистических функциях словообразовательных моделей. Проблемы лингвистической стилистики. М., 1969.

3. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. М., 1975; Fleisch, Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1975.

4. Общее языкознание. Под ред. Б. А. Серебrenникова. М., 1970—1972, т. 1, с. 9.

5. Schmidt W. Deutsche Sprachkunde. Berlin, 1968, S. 22.

6. Ammer K. Einführung in die Sprachwissenschaft. Bd. 1, Halle/S., 1958, S. 5; Шендельс Е. О. Полуотмеченные структуры и их стилистическое значение.— В кн.: Вопросы лингвистической стилистики. М., 1969, с. 93; Мороховский А. Экспликация некоторых понятий стилистики.— Там же, с. 168.

7. Леонтьев А. А. Понятие «стиль речи» и «стиль языка».— Там же, с. 84.

8. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики.— ВЯ, 1955, № 1. с. 7.

9. Michel G. Zum Stilbegriff in der neueren Linguistik. Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule Dr. Theodor Neubauer. Erfurt/Mühlhausen. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe. 1970, H. 2, S. 18.

10. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1971, S. 116.

11. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Hrsg. von R. Klapenbach. Berlin, 1967; Das Große deutsch-russische Wörterbuch, Bd. 1—2, von Moskalskaja. M., 1969.

В. В. ГЛАДКИХ

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПОЗДНИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение словарного состава языка под разными углами зрения все больше привлекает внимание лингвистов, потому что оно «позволяет выявить сложные и многообразные связи, в которых находятся слова любого языка, составляя целостную, ему одному присущую лексико-семантическую систему» [1, с. 48].

Исследование особенностей функционирования поздних заимствований в современном английском языке является важной составной частью лингвистического описания лексической системы данного языка. Вместе с тем это изучение необходимо и для определения их роли и места в лексической системе современного английского языка. Одной из таких характеристик является словообразовательная активность рассматриваемых слов.

В данной статье делается попытка рассмотреть словообразовательную активность поздних заимствований в современном английском языке, а также влияние на нее следующих лингвистических факторов: фонетического строения исследуемых заимствований; морфемной структуры исследуемых слов; источника заимствования; принадлежности к определенной лексико-семантической группе; продолжительности существования исследуемых слов в языке.

Выбор поздних заимствований в качестве объекта исследования определяется неразработанностью вопроса функционирования данного слоя лексики в современном английском языке. Подобное исследование поможет выявить роль и ме-

сто различных слоев лексики в лексико-семантической системе языка.

Было исследовано 4311 страниц (42 пьесы 12 авторов) из произведений современной английской и американской драматургии. В результате сплошной выборки выявлено 129 лексических единиц, заимствованных современным английским языком в XVIII—XX вв. и использованных авторами проанализированных произведений.

Словообразовательная активность понимается нами как наличие того или иного числа производных слов у исследуемых поздних заимствований и рассматривается как один из важнейших аспектов функционирования лексических единиц в современном английском языке. Производные поздних заимствований взяты из словаря SOD [2], а также из словаря WNID [3], в котором, по всеобщему признанию, наиболее полно представлены словообразовательные возможности слов.

Исследование словообразовательной активности поздних заимствований начинается с определения отношений производности между однокорневыми словами. Критериями для установления наличия или отсутствия синхронных отношений производности служат принципы, сформулированные Г. Марчандом [4]:

1. Наличие структурного отношения между производной и производящей основами.

2. Наличие семантических отношений между производящей и производной основами.

3. Регулярная повторяемость структурных и семантических отношений между производной и производящей основами. При нарушении одного из этих критериев основа считается непроизводной.

Количественный анализ производных от поздних заимствований показал, что число слов, связанных отношениями синхронной производности с рассматриваемыми словами, колеблется от 0 до 4.

Приводимая ниже табл. 1 показывает количество заимствований с разным числом производных.

Таблица 1

Число производных	0	1	2	3	4	Всего
-------------------	---	---	---	---	---	-------

К-во слов в абсолютных числах	78	20	11	10	10	129
-------------------------------	----	----	----	----	----	-----

Как видно из таблицы, 78 из 129 слов, заимствованных современным английским языком в XVIII—XX вв. и используемых авторами исследуемых произведений, не имеют производных. Это такие существительные, как *andante*, *eclair*, *enfilade*; 20 слов имеют по одному производному: *ingenue* (*ingenuism*), *jungle* (*jungled*); 11 слов — по два производных: *chauvinism* (*chauvinist*, *chauvinistic*), *vaudeville* (*vaudevillian*, *vaudevillist*); 10 слов — по три производных: *dentist* (*dentistic*, *dentistical*, *dentistry*); *microbe* (*microbia*, *microbian*, *microbic*); 10 слов — по четыре производных: *amateur* (*amateurish*, *amateurishly*, *amateurism*, *amateurship*), *acrobat* (*acrobatic*, *acrobatically*, *acrobatics*, *acrobatism*).

Как показали результаты анализа, более половины исследуемых слов не имеют производных. Отсутствие последних рассматривается нами как своеобразная характеристика данных слов. Слова такого типа имеют отрицательную словообразовательную активность в отличие от слов с положительной словообразовательной активностью.

Проведенное исследование дает основание предположить, что различная активность слов, относящихся к различным слоям лексики и, следовательно, обладающих специфическими характеристиками, обусловлена рядом лингвистических и экстралингвистических факторов. В связи с этим представляет интерес рассмотрение факторов, определяющих разную степень активности слов.

При изучении словарного состава языка мы сталкиваемся с его этимологической неоднородностью. Активность слов с разной этимологической характеристикой может иметь общие или различные тенденции и закономерности, которые определяют особенности слов в системе языка.

В отдельных работах мы находим указание на то, что для разных лексико-семантических групп характерно преобладание того или иного структурного типа слов. Поэтому целесообразно рассмотреть, оказывает ли морфемное строение исследуемых слов сколько-нибудь определенное влияние на их словообразовательную активность и является ли принадлежность данных слов к определенной лексико-семантической группе фактором, обуславливающим их словообразовательную активность.

Исследуемые слова имеют разное фонетическое строение. Словообразовательная активность слов может оказаться небезразличной к фонетическому строению этих слов.

Слова любого языка различаются по времени возникно-

вения. В связи с этим напрашивается вопрос, влияет ли продолжительность существования поздних заимствований в современном английском языке на их словообразовательную активность. Рассматривая слоговое строение поздних заимствований, мы стремились прежде всего определить, в какой связи фонетическое строение слова находится с его словообразовательной структурой, т. е. имеет ли фонетическое строение слова какое-либо отношение к его словообразовательной активности. Результаты анализа слогового строения представлены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Слова разного слогового строения	К-во слов в абсолютных числах	Примеры
Односложные	7	waltz
Двухсложные	43	sadist
Трехсложные	51	debutant
Четырехсложные	24	entrepreneur
Пятисложные	4	solidarity

Как показывают данные этой таблицы, количество односложных и двухсложных слов меньше общего количества трехсложных и четырехсложных слов. Выявлены также и пятисложные слова.

Сравнивая слоговое строение и словообразовательную активность исследуемых слов, мы приходим к выводу, что, по-видимому, фонетическое строение слов безразлично к их словообразовательной активности. Двухсложные, трехсложные и четырехсложные слова, с тенденцией в сторону развития словообразовательной активности, распадаются на три почти равные группы: двухсложные слова с одним — тремя производными: sadist (sadistic), dentist (dentistic, dentistical, dentistry); трехсложные и четырехсложные слова, имеющие от одного до четырех производных: manicure (manicurist), terrorist (terroristic, terroristical), diphtheria (diphtherial, diphtherian, diphtheric), amateur (amateurish, amateurishly, amateurism, amateurship).

Анализ языкового материала на морфемном уровне служит определению влияния морфемной структуры исследуемых слов на их словообразовательную активность. Результаты анализа показывают, что из 129 поздних заимствований 60 являются корневыми, 62 — производными, 7 — сложными,

а корневые слова в основном не имеют производных: piano, menu, visa, polka. Производные и сложные слова имеют от одного до четырех производных: communiste (communistic), entrepreneur (entrepreneurial, entrepreneurially, entrepreneurship, entrepreneuse), chloroform (chloroformic, chloromormist, chloroformize, chloroformation), kindergarten (kindergartener, kindergartening).

Этимологический анализ поздних заимствований проводится с целью определения влияния на словообразовательную активность такого фактора, как источник заимствования. Результаты анализа представлены нами в табл. 3.

Таблица 3

Источник заимствования	Фр.	Лат.	Ит.	Нем.	Пр.	Итого
------------------------	-----	------	-----	------	-----	-------

Кол-во слов в абсолютных числах	71	18	15	12	13	129
------------------------------------	----	----	----	----	----	-----

Из таблицы видно, что наибольшее количество исследуемых слов заимствовано современным английским языком из французского языка. Это объясняется, на наш взгляд, следующими причинами: а) языковой культурой социальной среды, описываемой автором и находящей свое отражение в речи персонажей; б) исторически обусловленным увлечением определенных социальных слоев Англии и США культурой Франции; в) престижностью языка-источника.

Что же касается словообразовательной активности, то из всех исследуемых слов, проявивших положительную словообразовательную активность, 37 заимствованы из французского языка и только 14 — из других языков.

Определению возможности воздействия лексико-семантической характеристики изучаемых слов на их словообразовательную активность служит исследование семантической характеристики поздних заимствований.

В результате семантического анализа этих заимствований выделены следующие лексико-семантические группы: 1. Имена деятеля (лица). 2. Названия предметов одежды. 3. Названия продуктов питания. 4. Названия организаций, учреждений, строений. 5. Названия средств передвижения. 6. Названия общественных заведений. 7. Названия живых существ. 8. Названия растений. 9. Названия химических элементов. 10. Медицинские термины.

Семантический анализ поздних заимствований в разговорной речи показывает, что в них находят всестороннее отражение различные области науки, такие как химия, биология, зоология, медицина, техника. Значительное место занимает политическая терминология, но наибольшее количество поздних заимствований составляют названия предметов одежды, продуктов питания, учреждений, организаций, строений. В отдельную, довольно многочисленную группу выделяются имена деятеля (лица).

Степень словообразовательной активности поздних заимствований находится в определенной зависимости от их принадлежности к разным лексико-семантическим группам. Так, из 22 исследуемых слов со значением деятеля 6 имеют по четыре производных: *entrepreneur* (*entrepreneurial*, *entrepreneurially*, *entrepreneurship*, *entrepreneuse*), *amateur* (*amateurish*, *amateurishly*, *amateurism*, *amateurship*), *acrobat* (*acrobatic*, *acrobatically*, *acrobatics*, *acrobatism*) и др.; три — по три производных: *bolshevik* (*bolshevist*, *bolshevism*, *bolshevize*), *dentist* (*dentistic*, *dentistical*, *dentistry*), *egoist* (*egoistic*, *egoistical*, *egoistically*); одно слово имеет два производных: *terrorist* (*terroristic*, *terroristical*); 11 слов — по одному производному: *diplomat* (*diplomatist*), *ingenue* (*ingenueism*), *communist* (*communistic*) и др.

Характеристика исследуемых слов была бы неполной без учета «возраста», т. е. длительности существования данных слов в языке. Хронологические рамки в лексикографии в значительной мере условны. Появляясь в устной речи, слово может долгое время не использоваться в письменной речи или в тех текстах, выборка из которых послужила основой для словника [5, с. 15].

Однако в нашу задачу не входит самостоятельное определение даты заимствования слова в языке. В своем исследовании мы исходим из дат регистрации первого письменного употребления слова, зафиксированных словарем SOD. Само собой разумеется, что один подсчет распределения поздних заимствований по векам не характеризует явления словообразовательной активности в целом. Но хронологическая классификация может дать интересные сведения в отношении удельного веса определенных групп заимствований в различные периоды.

Представление о количественном соотношении различных групп поздних заимствований, появившихся в три последних века, дает нам табл. 4.

Век	XVIII	XIX	XX	Всего
К-во заимствований в абсолютных числах	60	57	12	129

Как видим, полученные цифровые данные о количестве поздних заимствований в XVIII и XIX вв. почти равны. Количество же слов, заимствованных в XX в., в пять раз меньше по сравнению с количеством поздних заимствований как в XVIII, так и в XIX вв. Это объясняется прежде всего тем, что XX в. еще не завершился и, кроме того, словари значительно отстают в регистрации новых слов.

Что же касается влияния фактора времени заимствования исследуемых слов на их словообразовательную активность, то результаты анализа показывают, что из 60 слов, заимствованных в XVIII в., 25 имеют положительную словообразовательную активность. Из 57 слов, заимствованных в XIX в., 22 характеризуются положительной словообразовательной активностью, а из 12 слов, заимствованных в XX в., четыре имеют производные. Среднее арифметическое, характеризующее положительную словообразовательную активность поздних заимствований в XVIII—XIX вв., равно 23. Меньше половины проанализированных слов имеют производные (51 из 129).

Анализ словообразовательной активности поздних заимствований позволяет установить, что лексика, заимствованная английским языком в XVIII—XIX вв. и используемая авторами произведений, послуживших основой данного исследования, имеет тенденцию в сторону развития положительной словообразовательной активности.

Таким образом, проведенный нами анализ дает возможность сделать следующие выводы:

1. Фонетическое строение поздних заимствований не оказывает воздействия на их словообразовательную активность.

2. Морфемное же строение этих заимствований оказывает некоторое влияние на их словообразовательную активность.

3. Этимологическая характеристика, лексико-семантическая принадлежность заимствованных слов и продолжитель-

ность их существования в языке являются факторами, воздействующими на их словообразовательную активность.

Проведенное исследование свидетельствует о наличии взаимосвязи рассмотренных характеристик с одним из важнейших аспектов функционирования лексических единиц — словообразовательной активностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский В. М. О синхронии и диахронии в языкознании. — ВЯ, 1953, № 5.
2. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford, 1966.
3. Webster's Third New International Dictionary of the English language. U. S. A., 1969.
4. Marchand G. The Categories and Types of Present Day English Word-Formation. Wiesbaden, 1960.
5. Гинзбург Р. С., Позднякова Н. Г. Словарь новых слов Барнхарта и некоторые наблюдения над пополнением словарного состава современного английского языка. — ИЯШ, 1975, № 3.

К. Г. ТИЩЕНКО

К ВОПРОСУ О «ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЯХ» ГЛАГОЛА SEIN В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Грамматисты, придерживающиеся традиционной классификации, делят все глаголы на полнозначные и неполнозначные. Так, Е. В. Гулыга и М. Д. Натанзон [1, с. 117—118] относят к полнозначным те глаголы, которые обозначают действие в широком смысле слова. В группу неполнозначных глаголов названные ученые включают вспомогательные глаголы времени, связочные и модальные глаголы (Hilfsverben der Zeit, kopulative Verben, Modalverben). Связочные глаголы sein, werden, bleiben, heißen, scheinen соединяют в предложении предикатив с подлежащим и образуют вместе с первым составное именное сказуемое.

Е. В. Гулыга и М. Д. Натанзон справедливо отмечают, что глагол-связка влияет на значение сказуемого, например: Er ist mein Freund. Er bleibt mein Freund. Er wird mein Freund. Логическим продолжением данного положения является следующее примечание тех же авторов: «Глаголы sein, haben и werden выступают в языке также полнозначны-

ми (разрядка наша.— К. Т.) глаголами. Например: Ich habe viel Bücher. Wir sind in einem hellen Auditorium. Was noch nicht ist, kann noch werden» [1, с. 118].

О. И. Москальская [2, с. 227—228] выделяет 4 группы глаголов, отличающиеся друг от друга характером лексического значения и грамматическим употреблением: самостоятельные глаголы (Hauptverben), вспомогательные глаголы (Hilfsverben), связочные глаголы (kopulative Verben), модальные глаголы (Modalverben). Большую часть составляют самостоятельные глаголы. Они имеют свое значение (выражают действие или состояние предмета или лица) и являются в предложении самостоятельными членами. В противоположность самостоятельным глаголам связочные глаголы sein, werden, scheinen, bleiben, heißen и др. функционируют как составная часть именного сказуемого. Интересно, что О. И. Москальская различает 2 глагола, 2 омонима: sein как самостоятельный глагол (иначе говоря, знаменательный, полнозначный) с лексическим значением бытия, существования и глагольную связку sein, которая, по ее мнению, совершенно отделилась от глагола sein, став служебным словом. Связочный глагол sein, полагает О. И. Москальская, служит, во-первых, для связи подлежащего и неглагольной части сказуемого и, во-вторых, для выражения обязательных категорий предложения, а именно, категорий времени и модальности [2, с. 385].

Е. И. Шендельс подразделяет все глаголы на полнозначные (Vollverben) и неполнозначные (Nichtvollverben). Глаголы sein, werden, heißen, bleiben и др. она относит к неполнозначным, но допускает, однако, возможность употребления глаголов sein и werden в качестве полнозначных [3, с. 95].

Такую возможность допускают также М. Г. Арсеньева и ее коллеги [4, с. 119—120], рассматривая все глаголы с семантической точки зрения как полнозначные, модальные, глаголы с ослабленным семантическим содержанием (Verben mit abgeschwächtem semantischem Inhalt) и вспомогательные. Глаголы sein, werden, bleiben, scheinen и др., названные глаголами с ослабленным семантическим содержанием, употребляются в предложении, по их мнению, в качестве связки. Однако между полнозначными и другими глаголами нельзя провести резкой границы. «Глаголы с ослабленным семантическим содержанием, а также глагол haben могут иногда выступать как полнозначные» [4, с. 120]. В подтверждение этого в «Грамматике немецкого языка» приводятся следующие

примеры: Ich will nichts, als sagen, was war und ist. (Th. Mann) [4, с. 120]. Verhindern kann man, was noch nicht ist. Krieg ist. (W. Bredel) [4, с. 246].

В книге «Kleine Grammatik der deutschen Sprache» В. Юнга мы видим две группы глаголов: полнозначные и вспомогательные (Voll- und Hilfsverben) [5, с. 186—188].

К вспомогательным глаголам В. Юнг относит и связку. Под связкой он понимает спрягаемую форму глаголов sein, werden, beleiben, heißen, scheinen и им подобных [5, с. 38—39]. Эти глаголы служат для того, чтобы «превратить другие части речи, особенно существительное и прилагательное, в предикатив с тем, чтобы они могли быть использованы в качестве сказуемого». Примеры: Hans ist tüchtig. Er wurde Student. Seine Frau heißt Gretel [5, с. 39]. Ich bin sein Freund. Die Tage werden länger. Wir sind drei [5, с. 187]. При этом В. Юнг замечает, что вспомогательные глаголы могут быть полнозначными: Sein Vater ist (=stammt) aus Dresden. Alles grünt und wird (=entwickelt sich) [5, с. 187]. Таким образом, уже в книге «Kleine Grammatik der deutschen Sprache» он считает возможным самостоятельное функционирование sein как полнозначного глагола. В своих последующих работах В. Юнг присоединяется полностью к новой точке зрения на глагол sein. Но об этом речь пойдет позже.

Традиционной семантической классификацией глаголов на полнозначные и неполнозначные объясняется и деление немецкого сказуемого на глагольное и именное. В состав сложного именного сказуемого входят, по теории Е. В. Гулыги, М. Д. Натанзон, В. Юнга и др., глагол-связка и именная часть, называемая по-разному: Prädikatsnomen или Prädikativ [1, с. 240, 4, с. 245], Prädikativum [5, с. 38] и т. п. Согласно традиционной точке зрения, связка в таком сказуемом является связующим элементом между подлежащим и предикативом, совпадает с подлежащим в лице и числе и выражает время, залог, модальность и наклонение.

Только связующую роль признают за глаголом sein Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева, так как, по их мнению, этот глагол почти полностью утратил свое лексическое значение «существования». Одновременно с этим они пишут: «Если sein в предложениях Jene Menschen sind nicht mehr (F. Schiller) или Er ist im Hause может пониматься как глагол, то в случаях Er ist klug и т. п. такое понимание исключено» [6, с. 249—250]. Итак, в первых двух предложениях, приведенных Л. Р. Зиндером и Т. В. Строевой, sein выступает как пол-

полнозначный глагол. В этих предложениях он является простым глагольным сказуемым.

Интересен взгляд В. Г. Адмони на сущность глагола *sein*. Традиционно В. Г. Адмони выделяет в немецком языке простое и составное сказуемое [7, с. 53—55]. Но от составного именного сказуемого, предикатив которого выражен существительным (*Wir sind Arbeiter. Ich bin Ihrer Meinung. Er wurde zum Lehrer*) или прилагательным (*Wir sind stark*), он отличает сказуемое, в котором глагол *sein* имеет ослабленное предметное значение и в некоторой степени синонимичен с глаголом *sich befinden*, например: *Er ist hier*. Без обстоятельства сказуемое с глаголом *sein* не является в таких предложениях полноценным, но это и не связка в чистом виде. Глагол *sein* в этом случае — часть сказуемого, которое В. Г. Адмони называет расширенным. Такое сказуемое стоит близко к составному именному сказуемому, но отличается от него характером глагола *sein*.

В. Г. Адмони считает также возможным совершенно самостоятельное употребление глагола *sein*. В этом случае он относится к глаголам существования, глаголам бытия и выступает в предложении в качестве полноценного глагольного сказуемого, например: *Die Welt ist* (в значении: Мир существует), «*Es war*» (Н. Sudermann — название романа), «... *das, was war, ist nicht mehr, und was ist, wird nicht mehr lange sein*» (E. Claudius) [7, с. 121].

Краткий обзор традиционной семантической классификации немецких глаголов показал, что один и тот же глагол *sein* характеризуется двояким образом. С одной стороны, его квалифицируют как связочный, т. е. чисто соединяющий элемент. С другой стороны, в том же самом глаголе видят полнозначный глагол. В современной зарубежной и советской грамматике это противоречие устранено: *sein* признается лексически полнозначным глаголом.

В грамматике немецкого языка «Дуден» уже нет копулятивных глаголов, а есть полнозначные, вспомогательные и модифицирующие (*Vollverben, Hilfsverben, modifizierende Verben*) [8, с. 83]. Глаголы *sein, werden, haben* названы здесь полнозначными, если они не служат образованию описательных форм, например: *Karl ist ein Künstler. Wilhelm ist gut. Es wird Licht. Ich habe ein Auto* в противоположность к случаям: *Ich habe geschlafen; Ich bin geflogen; Ich werde schlafen* [8, с. 83, 98].

В разделе «Дудена», посвященном предложению, П. Гре-

бе выделяет три типа основных форм немецких предложений. 1) предложения без дополнений (der ergänzungslose Satz), 2) предложения с одним дополнением (Sätze mit einer eingliedrigen Ergänzung) и 3) предложения с несколькими дополнениями (Sätze mit einer mehrgliedrigen Ergänzung). Среди предложений с одним дополнением на первом месте стоит Karl ist mein Freund [8, с. 437]. П. Греббе утверждает, что второй Nomen в этом предложении является самостоятельным членом, и называет его «уравнительным номинативом» (Gleichsetzungsnominativ) или особого рода обстоятельством (Artergänzung), если он выражен кратким прилагательным (Karl ist gut) [8, с. 446].

Х. Глинц, отказавшись от схоластического, по его словам, понятия «связка», называет глагол sein, как и другие глаголы, ведущим членом предложения (Leitglied), а его дополнение — предикативным номинативом (Prädikatsnominativ) [9, с. 85, 157]. В. Юнг, присоединившийся к новой точке зрения на связочные глаголы, пишет о так называемом предикативе: «Это необходимое дополнение к этим глаголам ... но оно имеет все же признаки самостоятельного члена предложения: его можно передвигать, он может стоять в начале предложения, он может выступать в качестве придаточного предложения: Er wird Arzt. Arzt wollte er werden. Er wird, was sein Vater war» [10, с. 40—41].

Такой взгляд мог появиться только после того, как получила свое развитие теория валентности, в первую очередь теория валентности глагола. Рассмотрим некоторые работы, посвященные этому вопросу на материале немецкого языка. Описание пойдет не в хронологическом, а в удобном для нас порядке.

Во «Введении в теорию валентности», помещенном в первой части «Словаря валентности и дистрибуции немецких глаголов» [11, с. 12 и сл.], Г. Хельбиг и В. Шенкель делают попытку определить истоки развития понятия «валентность». Сначала, по свидетельству Г. Хельбига и В. Шенкеля, Й. Хейзе и О. Бехагель разделили глаголы на абсолютные и относительные, из которых первые могут употребляться только с подлежащим без какого-либо другого дополнения, а вторые нуждаются по меньшей мере еще в одном таком дополнении. Затем К. Бюлер обнаружил у слов одного класса способность оставлять вокруг себя «открытыми», «пустыми» места (Leerstellen), которые заполняются словами другого класса. С появлением работ французского ученого Л. Теньера тер-

мин «валентность», по словам Г. Хельбига и В. Шенкеля, прочно вошел в лингвистику.

Если сравнить различные теории, то можно обнаружить расхождения как в терминологии, так и в толковании сущности понятия «валентность». Так, В. Г. Адмони в книге «Der deutsche Sprachbau» пользуется термином «сочетательная потенция» (Fügungspotenz), имея в виду «способность частей речи и форм слова вступать в сочетание с определенными другими частями речи и формами слова» [12, с. 195]. О. И. Москальская разделяет мнение ученых, которые понимают под валентностью (Valenz, Fügungspotenz, Wertigkeit) способность глагола определять число и вид слов, создающих необходимый минимум предложения [13, с. 75]. Она дает следующие пояснения. Предложения *Ich heiße, *Ich gebe без дополнений не правильны (или грамматически не отмечены). Глаголу heißen требуется кроме подлежащего еще один соучастник (Mitspieler) (как соучастник спектакля — Л. Теньер), например: Ich heiße Anna. Глагол geben требует кроме подлежащего еще два обязательных соучастника, например: Ich gebe es dir. О. И. Москальская считает, что глагол как «центр предложения» имеет двойную валентность: 1) так называемую левую валентность, которая проявляется в наличии или отсутствии подлежащего и в его характере, и 2) так называемую правую валентность. Справа глагол обнаруживает одно или несколько «пустых мест», которые должны быть заполнены объектом (объектами) или необходимым обстоятельством [13, с. 76]. М. Д. Степанова употребляет термин «валентность» в его широком значении, «... т. е. как сочетательную способность одноуровневых единиц языка ...» [14, с. 8].

И. Эрбен также считает, что от вида и валентности глагола, которую он сравнивает с валентностью атома, «в значительной степени зависит, какие и сколько дополнительных определителей занимают место, предшествующее глаголу или следующее за ним, и оформляют схему предложения» [15, с. 232]. Он различает в немецком языке 4 базисных модели с глаголом в качестве ядра. В первой модели глагол имеет только один дополнительный определитель (Ergänzungsbestimmung): Vater schläft. В основе второй модели лежат глаголы с двумя необходимыми дополнениями: 1) Großvater ist Katholik. Er ist katholisch. Fritz arbeitet gut. 2) Katzen fangen Mäuse. Fritz entrüstet sich. 3) Mitschüler helfen Fritz. 4) Fritz geht zum Arzt/liegt im Krankenhaus. Das Kind ruft

nach der Mutter. Третью схему предложений дают глаголы с тремя дополнительными определителями, два из которых находятся справа от глагола (im Nachfeld des Verbs): 1) Fritzchen nennt Anton Onkel. Er nennt ihn faul, sich fleißig. 2) Mutter lehrt Berta das Stricken. Passanten beschuldigen Fritz der Fahrlässigkeit. 3) Gastwirte geben Stammgästen Freibier. 4) Mädchen stellen Blumen auf den Tisch. 5) Freunde stehen Fritz zur Seite. Freunde verhelfen Fritz zu seiner Reise. Глагол четвертой модели имеет 4 дополнения, например: 1) Er schlendert ihm den Handschuh ins Gesicht. 2) Sie macht ihm sein Unrecht klar.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что Й. Эрбен признает глагол sein двухвалентным глаголом. Этот глагол мы видим в его второй базисной модели, которую создают глаголы с двумя необходимыми дополнительными определителями.

Выделению базисных синтаксических моделей немецкого предложения на основе валентности глаголов посвящены также работы В. Шенкеля. Он различает 7 таких моделей [16]. В его пятой модели среди двухвалентных глаголов назван и глагол sein: Er beachtet die Vorfahrt. Er vertraut dem Lehrer. Er gedenkt des Toten. Berlin ist die Hauptstadt der DDR. Berlin liegt an der Spree. Berlin ist groß.

Новейшие исследования валентности немецких глаголов провели Г. Хельбиг и В. Шенкель в ранее упомянутом нами «Словаре валентности и дистрибуции немецких глаголов». Под синтаксической валентностью эти ученые понимают «свойство глагола открывать вокруг себя определенные пустые места, которые могут быть заняты обязательными или факультативными соучастниками» [11, с. 49]. В роли таких синтаксически необходимых соучастников выступают различные морфологические типы.

Появление в лингвистике понятия «валентность» вызвало к жизни и новую классификацию глаголов — классификацию по валентности. Так, Г. Хельбиг и Й. Буша описывают в книге «Deutsche Grammatik» [17, с. 548—558] десять валентностных типов немецких глаголов. Они дают определение валентности, сходное с ее определением в «Словаре» В. Хельбига и Й. Буша, используя для обозначения соучастников термин «актант» (Aktant). Разница между обязательными и факультативными актантами объясняется следующим образом. Обязательные актанты, как правило, нельзя отбросить, в то время как факультативные актанты могут быть опущены в

определенных условиях контекста. Например: *Er legt das Buch auf den Tisch* (=обязательный актант), *Er steigt in die Straßenbahn* (=факультативный актант).

Г. Хельбиг и Й. Буша предлагают следующую классификацию немецких глаголов: 1) глаголы без актантов; 2) глаголы без обязательного, но с одним факультативным актантом; 3) глаголы с одним обязательным актантом; 4) глаголы с одним обязательным и одним факультативным актантом; 5) глаголы с одним обязательным и двумя факультативными актантами; 6) глаголы с одним обязательным и тремя факультативными актантами; 7) глаголы с двумя обязательными актантами; 8) глаголы с двумя обязательными и одним факультативным актантом; 9) глаголы с двумя обязательными и двумя факультативными актантами; 10) глаголы с тремя обязательными актантами.

Г. Хельбиг и Й. Буша относят *sein* к глаголам, которые требуют два обязательных актанта. В седьмой группе среди других примеров приведены и следующие: *Die Lehrerin ist krank. Ihn zu sehen ist wichtig. Daß er kommt, ist bekannt.*

Итак, в современных теориях предложения и классификация глаголов совершенно отсутствует группа связочных глаголов, и глагол *sein* характеризуется как исключительно полнозначный.

Мы присоединились к современной точке зрения на глагол *sein* и попытались выявить основные модели предложений с этим глаголом, так как он в «Словаре» Г. Хельбига и В. Шенкеля (1973 г.) не представлен. При анализе дополнителей — соучастников глагола *sein* мы следовали за авторами «Словаря валентности и дистрибуции немецких глаголов», которые описывают глаголы по трем ступеням. Вначале (I ступень) фиксируется лишь количество необходимых соучастников. Обязательный соучастник дается ими без скобок, а факультативный — в скобках. Здесь же указывается и общее число соучастников глагола, например: *danken*₁₊₂₋₃, т. е. у глагола *danken* один обязательный, два факультативных, а всего — три соучастника.

Первая ступень исследования Г. Хельбига и В. Шенкеля является, таким образом, определением структурного минимума предложения с соответствующим глаголом. Новейшие лингвистические данные (см. выше) свидетельствуют о том, что *sein* может быть одновалентным (*Ich denke, also, bin ich*) или двухвалентным, которому кроме подлежащего требуется еще один компонент, «... чтобы появилось грамматиче-

ски корректное предложение» [11, с. 12]. Следовательно, с точки зрения общего количества соучастников интересующий нас двухвалентный глагол *sein* может быть представлен так: *sein*₂.

На II ступени устанавливается, какие именно грамматические формы выступают в качестве соучастников глагола. Так, соучастниками *danken* могут быть: существительное в именительном падеже (Sn), существительное в дательном падеже (Sd), существительное с предлогом (pS) или придаточное предложение с *daß* (NSdaß): *danken* → Sn, (Sd), (pS), (NSdaß) [11, с. 93, 170].

В подавляющем большинстве проанализированных нами случаев левым соучастником глагола *sein* оказалось существительное в номинативе (Sn) или местоимение (Pron). В качестве второго соучастника справа от глагола нами обнаружены следующие формы: существительное в именительном падеже (Sn), существительное в родительном падеже (Sg), существительное с предлогом (pS), местоимение (Pron), прилагательное (Adj), числительное (Num), наречие (Adv), причастие I или II (Part. I/Part. II), инфинитив (Inf), придаточное предложение (NS).

Модели предложений с глаголом *sein* имеют следующий вид (мы расположили их в порядке убывания частотности; в скобках дано отношение данной модели предложения к общему числу проанализированных): 1) Sn/Pron+V+Adj (34%), 2) Sn₁/Pron+V+Sn₂ (25,5%), 3) Sn/Pron+V+pS (19,8%), 4) Sn/Pron+V+Part. I/Part. II (5%), 5) Sn/Pron₁+V+Pron₂ (4,9%), 6) Sn/Pron+V+Adv (4,7%), 7) Sn/Pron+V+NS (2,2%), 8) Sn/Pron+V+Num (2%), 9) Sn/Pron+V+Sg (1%), 10) Sn/Pron+V+Inf (0,9%).

На III ступени раскрывается семантика соучастников глагола, т. е. дается расшифровка того, что обозначает соучастник: одушевленное, абстрактное или иное понятие. Эту ступень исследования мы увязали с вопросом лексического наполнения типовых предложений как единиц обучения немецкому языку и посвятили этому вопросу отдельную статью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гулыга Е. В., Натанзон М. Д. Грамматика немецкого языка. М., 1957.
2. Москальская О. И. Грамматика немецкого языка. М., 1956.
3. Шендельс Е. И. Грамматика немецкого языка. М., 1954.
4. Arssenjew M. G. u. a. Grammatik der deutschen Sprache. М., 1962.

5. Jung W. Kleine Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1961.
6. Зиндер Л. Р., Строева М. Д. Современный немецкий язык. М., 1957.
7. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955.
8. Der Große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. L., 1962.
9. Glinz H. Der deutsche Satz. Düsseldorf, 1957.
10. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1967.
11. Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. 2., überarbeitete und erweiterte Auflage. Leipzig, 1973.
12. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. L., 1960.
13. Moskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. M., 1971.
14. Степанова М. Д. Теория валентности и валентностный анализ. М., 1973.
15. Erben J. Abriß der deutschen Grammatik. Berlin, 1966.
16. Schenkel W. Deutsche Satzmodelle für den Fremdsprachenunterricht.— In: Deutsch als Fremdsprache. Leipzig, 1969, N 1.
17. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Leipzig, 1972.

Н. М. МАЛКИНА

ОБ ОДНОЙ АКТИВНОЙ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ, СВОЙСТВЕННЫХ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В синтаксисе разговорной речи современного французского языка наблюдается интенсивная активизация структурной модели именного атрибутивного словосочетания, построенного по способу соположения компонентов. Ядро и адъюнкт данных сочетаний выражены именем существительным или именной группой, эквивалентной существительному. Представленная в символах классов слов, эта модель имеет структуру $N_1 + N_2$ *. Высокая продуктивность данной модели объясняется тем, что она отвечает живой тенденции современного французского синтаксиса к упрощению структуры словосочетаний, к «экономии», к устранению избыточных средств выражения.

Словосочетания $N_1 + N_2$ все шире используются в современном французском языке в качестве унифицированного

* Компонент N_2 может быть выражен сочетаниями NN, N et N, N prep. N, AN, NA.

способа выражения атрибутивных отношений. Они успешно конкурируют с определительными структурами типа $N+A$ и $N_1+prer.+N_2$.

Практически неограниченные возможности распространения модели N_1+N_2 как способа выражения отношения признака к его носителю являются следствием гибкости, рациональности ее структуры, а также ее необыкновенной семантической емкости. С помощью сочетаний N_1+N_2 выражаются тончайшие оттенки значения как качественно-оценочного, так и относительного признака. Причем значение признака может быть и самым общим, недифференцированным, как, например, в следующем образовании*: **cuisine presse — bouton** — qui est entièrement automatisée, où toutes les opérations sont commandées par des dispositifs automatiques.

Целый ряд советских и зарубежных исследователей синтаксиса современного французского языка (например, J. Marouzeau, M. Gaillot, R. Georgin, L. Guilbert, A. Lombard, Н. А. Шигаревская) отмечают, что модель словосочетаний N_1+N_2 зародилась в разговорной речи и к началу XX в. стала одной из основных структурных примет синтаксиса этого функционального стиля. Данная модель утвердилась в системе атрибутивных словосочетаний, свойственных разговорной речи, преимущественно как способ выражения следующих значений признака: цвета и его оттенков, материала, формы, назначения, оценочных значений и др. Особенно частотны в функции оценочных определений лексические единицы *choc, chic, canaille, nature, bon genre, farce, peuple* и др.

Утрачивая постепенно свою «функциональную обусловленность» [1, с. 14, 211], структуры N_1+N_2 проникают из разговорной речи в другие функциональные стили: в язык прессы, рекламы, официально-деловой стиль, в язык художественной литературы.

Прослеживая тенденцию к нейтрализации функциональной обусловленности сочетаний N_1+N_2 , мы ставили задачей выяснить отношение этой модели к литературной норме современного французского языка. Наблюдения, проведенные с этой целью, показали следующее: высокая частотность употребления словосочетаний N_1+N_2 в разговорной речи и других перечисленных выше функциональных стилях привела к тому, что в настоящее время, несмотря на свой отчетливо ощутимый неологический характер, модель N_1+N_2 фиксиру-

* Используются данные словаря: Gilbert P. Dictionnaire des mots nouveaux. Paris, 1971.

ется в системе языка на уровне литературной нормы. Об этом свидетельствуют данные, полученные нами в результате сплошного обследования словаря «Dictionnaire des mots nouveaux» (DMN). В этом словаре приводится целый ряд имен существительных и именных групп, эквивалентных существительному, которые регулярно выступают в роли структурных элементов атрибутивных конструкций N_1+N_2 .

Отсюда можно сделать вывод, что модель N_1+N_2 утверждается в системе словосочетаний современного французского языка как нормативное средство выражения атрибутивных отношений.

Структура значения лексических единиц, функционирующих в составе изучаемой модели в роли адъюнктов, претерпевает значительные изменения. Эти изменения проходят стадию контекстуально обусловленных вариантных переосмыслений и завершаются формированием нового значения. Для того чтобы установить, являются ли значения подчиненных компонентов сочетаний N_1+N_2 речевыми вариантами или единицами семантической системы современного французского языка, мы сопоставили данные двух словарей, изданных в 1971 г. — «Dictionnaire des mots nouveaux» и «Dictionnaire du français contemporain» (DFC) [2]. При анализе мы руководствовались следующим исходным положением: если значение какого-либо слова фиксируется обоими словарями — оно бесспорно нормативно; если же оно фигурирует лишь в словаре неологизмов, то его следует рассматривать как вариант, широко распространенный в устной нейтральной речи, немаркированный в своей ненормативности и уже находящийся на пути проникновения в литературную норму.

DMN включает 78 лексических единиц, которые, согласно словарной помете, выполняют функцию адъюнкта N_1+N_2 . Результаты сопоставительного анализа позволили подразделить эти 78 единиц на три группы:

1. Четырнадцать существительных фигурируют в обоих словарях с одинаковым значением. Таковы, например, *bidon*, *clé*, *éclair*, *fantôme* и др. В DFC интересующее нас значение сопровождается пометой *adjectivement*, что указывает на специфику условий его реализации и дает возможность рассматривать его как синтаксически обусловленное, нормативное значение, включенное в семантическую структуру соответствующих лексических единиц.

2. В данную группу объединяются девять единиц, чье синтаксически обусловленное значение, зафиксированное в

DMN, не упоминается как таковое в DFC, а фигурирует в смысловой структуре соответствующих слов в качестве прямого или производного значения. Например:

DMN	DFC
Bateau	banal, rebattu
	(der.) idée devenue banale à force d'être sans cesse exposée

3. Остальные пятьдесят пять единиц объединяются в особый разряд по следующему признаку: их синтаксически обусловленные значения, приводимые DMN, вообще не имеют коррелята в семантической структуре соответствующих слов в DFC. Например:

DMN	DFC
Dortoir	une banlieue — dortoir, un quartier — dortoir, etc designent les localites proches d'une ville importante, et dont la plupart des habitants, qui travaillent à la ville voisine... ne sont guère chez eux que pour y dormir
	Salle commune ou sont les lits, dans un internat, une commune, etc.

По поводу соотносённости с нормой значений лексических единиц, включённых в группы 2 и 3, следует отметить, что эти значения нельзя считать нормативными, поскольку они регистрируются только словарем неологизмов (DMN). Однако сам факт их включения в DMN говорит о том, что они находятся на пути проникновения в семантическую систему современного французского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шига́ревская Н. А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. Л., 1970.
2. Dubois J., Lagane R., Niobey G. e. a. Dictionnaire du français contemporain. Paris, 1971.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

(на материале испанского языка)

По единодушному признанию лингвистов, на современном этапе развития языкознания одной из центральных задач является изучение проблем, выдвигаемых семасиологией. Ю. Д. Апресян пишет: «Нынешняя эпоха развития лингвистики — это, бесспорно, эпоха семантики, центральное положение которой в кругу лингвистических дисциплин непосредственно вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определенной информации» [1, с. 3]. При переводе информации, закодированной средствами одного языка, в код другого языка при недостаточно четком понимании семантической структуры отдельных лексических единиц могут возникать существенные трудности, приводящие к ошибкам. Особую трудность представляет употребление глаголов соответственных (в двух разных языках) лексико-семантических групп, что выдвигает неотложную задачу изучения особенностей их семантической структуры.

Дело в том, что согласно принципу органического единства языка и мышления мысленное отражение действительности и сообщение о ней осуществляется средствами языкового обозначения. Но разным языковым системам присущи различные способы лексического и грамматического выражения понятий и их соотношений. По образному выражению Л. О. Резникова, «различные языки представляют собой как бы разные «сети», с помощью которых «улавливается» (познается) одна и та же действительность. При наложении этих «сетей» друг на друга выясняются различия «узоров», образуемых их нитями» [2, с. 27].

Иными словами, реальная действительность, отражаясь с помощью языковых средств, воплощается в знаке и выступает в качестве его значения. Проводя исследование семантических особенностей глаголов одной лексико-семантической группы, мы изучаем не саму реальную действительность, а действительность, отраженную и преломленную в языковом значении. Языковое же значение, включаясь в систему конкретного языка, имеет в каждом конкретном случае свою особую структуру и функционирует особым образом. Именно

поэтому объяснение различий между двумя глаголами одной лексико-семантической группы с помощью эквивалентов родного языка приводит к их неверному употреблению.

Так, испанские глаголы *oír* и *escuchar*, относящиеся к лексико-семантической группе глаголов восприятия, часто вводятся как соответствующие русским глаголам *слышать* и *слушать*. Отталкиваясь от вышеприведенных положений, мы можем сказать, что такое объяснение является слишком упрощенным и неточным, ибо логико-предметное содержание соответствующих микросистем русского и испанского языков *oír* — слышать, *escuchar* — слушать не совпадает полностью.

В чем же состоит особенность лексико-семантической структуры глаголов *oír* и *escuchar*? Попытаемся определить те внутренние неоднородные смысловые элементы, которые входят в структуру каждого глагола, фиксируя особенности отражения реальной действительности и выявляя его место и роль в лексико-семантической группе глаголов восприятия и в лексической системе испанского языка в целом [3].

Глаголы *oír* и *escuchar* являются стержневыми словами, доминантами в лексико-семантической группе глаголов слухового восприятия. Анализируя их смысловую структуру, мы будем исходить из трех основных контекстологических характеристик: грамматическая сочетаемость глагола, лексическая сочетаемость, синтаксическая функция глагола [4].

В этом анализе нас интересует не только и не столько то общее, что объединяет оба глагола, сколько специфика, различительные моменты в упомянутых трех характеристиках, ибо они являются отражением специфичности тех семантических признаков, которые входят в структуру лексических значений глаголов. Изучение грамматической характеристики слов, входящих в указательный минимум контекста [5] данных глаголов, показало, что *oír* и *escuchar* свойственно грамматическое значение переходности. Но если глагол *escuchar* обязательно предполагает употребление прямого дополнения (без прямого дополнения он теряет смысл), то *oír* может употребляться и без прямого дополнения.

В примере — *Casi no oye, pero yo le entendí que quería verte* (L. Alzaro) — глагол *oír* передает способность человека к слуховому восприятию и для реализации своего значения не нуждается в прямом дополнении. Процесс слухового восприятия, который передает *oír*, здесь как бы субстантивируется, и глагол начинает выражать не столько процесс, сколько определенные свойства, качества. Характерно, что именно

oír дает субстантивное образование: Parecía no haber oído o en todo caso estar oyendo con el oído de esa otra persona imposible, áspera (L. Alzaro).

По-разному влияет на семантику глагола имперфект: глаголу *escuchar* он придает значение длительности, а глаголу *oír* — значение повторяемости. Приведем примеры.

Desnoyers escuchaba con asombro a su primo (B. Ibáñez). В данном предложении *escuchaba* передает непрерывный процесс, который еще не завершился.

Repetía con orgullo a Desnoyers todos los progresos que realizaba en la escuela... Julio la oía con asombro (B. Ibáñez). В этом примере *oía* обозначает законченный процесс слухового восприятия, который повторился несколько раз, что наглядно подтверждается и самим контекстом (*repetía* — повторял).

Мы затрагивали, таким образом, уже вопрос лексической сочетаемости*. В качестве прямого дополнения при обоих глаголах могут употребляться одни и те же имена существительные (или заменяющие их местоимения), как одушевленные, так и неодушевленные. Прямое дополнение при глаголах *oír* и *escuchar* обозначает источник звука. Отсюда мы можем сделать вывод, что характер источника звука не влияет на употребление глагола. Оба глагола могут иметь при себе обстоятельственные характеристики. Эти характеристики чаще всего указывают на эмоционально-психологическое состояние субъекта: *con asombro*, *con interés*, *atentamente* и т. п. Например: *Los dos amigos escucharon con asombro la descripción del futuro que ofrecía al mundo la superioridad germana* (B. Ibáñez). *Bazuca se había echado y le oía atentamente* (L. Alzaro).

Итак, эмоционально-психологическое состояние субъекта также не связывается с выбором глагола. Характерной особенностью *oír* является его способность сочетаться с обстоятельством, дающим количественную характеристику действию. Дать такую характеристику можно только результативному процессу. Приведем примеры: *Había oído muchas veces a su patrón estas palabras* (B. Ibáñez). *Doña Luisa recordaba al muerto. Lo había visto en aquella iglesia muchas veces oyendo su misa devotamente...* (B. Ibáñez). *Y al volver a oírlo a mi Joaquín esas palabras por segunda vez...* (M. Unamuno). В последнем предложении количественная характе-

* Под лексической сочетаемостью мы понимаем те связи, которые существуют между значением определяемого слова и значением слов, входящих в контекст.

ристика дается дважды: с помощью конструкции *volver a* и с помощью обстоятельства *por segunda vez*. Глагол *escuchar* с подобными обстоятельствами не употребляется.

Рассмотрим еще один пример характерной лексической сочетаемости глагола *oir*: *No le llamé indio; pero Julio oyó interiormente la palabra lo mismo que si el alemán la hubiese proferido* (B. Ibáñez). В данном предложении *oyó interiormente* означает «услышать внутри», т. е. услышать невысказанное слово, скорее почувствовать, чем услышать. По своей семантике *oir* сближается здесь со значением глагола *sentir* (чувствовать). Некоторые авторы иногда употребляют *sentir* в значении *oir*, чтобы избежать повтора: *Agustín, esta tarde, cuando sentí ruido en la calle, cuando creí oír de nuevo los golpes en la puerta...* (P. Galdós).

Таким образом, границы смыслового варьирования у глагола *oir* несколько шире, чем у глагола *escuchar*.

И, наконец, третий момент — специфика синтаксической функции анализируемых глаголов. Оба глагола могут образовывать инфинитивные конструкции *al oír*, *al escuchar*. Однако действие, выраженное глаголами слухового восприятия, в этих конструкциях по-разному будет соотноситься с действием, выраженным сказуемым данного предложения. Например: *La buena señora se escandalizaba al escuchar la explosión de sus salvajes deseos siempre que hacía memoria del emperador* (B. Ibáñez). *La pobre humanidad, loca de miedo, huía en todas direcciones al escuchar el galope de la peste, la guerra, el hambre y la muerte.*

В этих примерах действие, выраженное конструкцией *al escuchar*, происходит одновременно с действием, обозначенным сказуемым предложения. Форма конструкции, для которой свойственно выражать законченность действия, не противоречит вышесказанному. Она лишь определенным образом ограничивает протекание процесса во временном пространстве, но не указывает на достижение результата.

Проанализируем примеры с глаголом *oir*: *El invitado me confesó que al oír la respuesta del contrabandista había recibido la impresión de que aquella señora estaba muerta* (M. D. Benavides). *Julio había adivinado algo de esto al oír repetidas veces la palabra Franzosen* (B. Ibáñez).

В приведенных предложениях действия, выраженные конструкцией *al oír*, совершаются раньше, чем действие, обозначенное сказуемым (*había recibido, había adivinado*). Здесь конструкцию *al oír* можно было бы заменить конструкцией

después de oír. Al oír выражает законченный процесс, достигший своего результата.

Подведем итоги сказанному выше. Глаголы слухового восприятия oír и escuchar имеют одно и то же понятийное ядро, отражающее один и тот же участок реальной действительности, а именно: процесс раздражения слуховых нервных окончаний посредством звуковых волн, исходящих от источника звука. Но характер протекания действия выражается глаголами по-разному. Escuchar обозначает действие, не направленное на предел, на достижение результата, и не может быть сконцентрировано в неделимой целостности. Перфективная форма времени, в которой может стоять глагол, показывает окончание процесса, но не достижение какого-то результата. Например: Julio apenas escuchó a la madre (B. Ibáñez). Звуковые волны могут еще поступать от источника звука (здесь madre — мать), но сам процесс прерван, так как по каким-то причинам они не достигают нервных окончаний.

Глагол oír показывает процесс в его результате, т. е. является по способу действия, выраженного его семантикой, результативным глаголом, поэтому процесс отражен сконцентрированно, сомкнуто в неделимой целостности.

Противопоставление глаголов по характеру протекания действия особенно хорошо видно из следующего примера: ...escuché la conversación, pero sólo alcancé a oír una especie de grito ahogado, de sofoco, de temblor en la voz de Frida (E. Díaz Llanillo). Глагол escuchar обозначает здесь сам процесс, процесс определенной длительности, ограниченный во времени перфективной формой глагола, но процесс не результативный. Результативность же глагола oír подчеркивается семантикой глагола alcanzar (достигать). Сочетание alcanzar с глаголом escuchar невозможно, ибо эти глаголы несоотносительны по способу протекания выражаемого ими действия.

Глаголы oír и escuchar являются синонимами [6, с. 185, 36]. В контекстах, где способ действия, выраженный семантической структурой глагола, не закрепляется лексическими и грамматическими средствами выражения аспектuality*, глаголы способны взаимозамещаться. Например: Por la

* «Аспектuality — это категория, содержанием которой является характер протекания действия, а выражением — морфологические, словообразовательные и лексические средства при участии некоторых синтаксических элементов предложения» (Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967, с. 50).

escalera escuché detrás de mí el taconeo de los pies de Frida (E. Díaz Llanillo). В данном предложении глагол *escuchar* может быть заменен глаголом *oír*.

В нивелированных контекстах один глагол может чередоваться с другим в целях избежания повтора, т. е. в целях совершенствования стиля изложения. Например: *Al principio oí un leve murmullo que identifiqué con la voz de Frida y la de un desconocido luego escuché los pasos en la sala, lentos y pesados* (E. Díaz Llanillo). Или другой пример: *Se oían los gritos en el pasillo y la vecina del cuarto de enfrente se asomaba para saludar a su hija... Se escuchaban en la escalera los gritos de los niños y los regaños de su hija para que tuvieran cuidado de bajar* (Antón Arrufat).

Исчезают семантические особенности, связанные со способом протекания действия, характерным для каждого из глаголов, и в форме повелительного наклонения с оттенком побудительности. *¡Oye, pero qué fenómeno!* (Jorge Guerra). *Pero, escuche: exigiré que le examine un alienista, ya que usted se empeña en demostrarme que lo necesita* (Ambrosio Fornet).

Таким образом, идентификаторы лексико-семантической группы глаголов восприятия русского и испанского языков глаголы *слышать—слушать* и *oír—escuchar* не являются лексическими эквивалентами и не могут взаимно объяснять свое значение, ибо значение может рассматриваться как отображение лишь с той стороны и в той мере, в какой оно фиксировано в слове. Один и тот же участок реальной действительности (раздражение слуховых нервных окончаний с помощью звуковых волн) преломляется через понятие в языковом значении глагольных пар *слышать—слушать*, *oír—escuchar* под разным углом зрения. Если в русском языке оба глагола являются неопредельными глаголами, не стремящимися к достижению результата, и основным «водоразделом» их лексико-семантических вариантов служит целенаправленность (*слушать*) или нецеленаправленность, произвольность (*слышать*) процесса*, то в испанском языке именно различие в способе выражаемого семантической структурой глаголов действия определяет специфику их функционирования в речи.

* Подробное рассмотрение семантической структуры русских глаголов *слышать—слушать* не входит в задачу данной статьи, хотя вывод, который мы делаем, опирается на определенную исследовательскую работу по изучению семантической структуры этих глаголов.

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
2. Резников Л. О. Проблема значения слова в свете ленинской теории отражения. — «Вопросы философии», 1969, № 11.
3. Гак В. Г. Системность в лексике и типологии лексических значений слов. — «Актуальные проблемы лексикологии. Тез. докл. III лингвистической конференции 3—5 мая 1971 г.». Новосибирск, 1971.
4. Амосова Н. А. Слово и контекст. — «Учен. зап. Ленингр. ун-та», 1958, № 243. Сер. филол. наук, вып. 2; Уфимцева А. А. К вопросу о лексико-семантической системе языка. — ВЯ, 1962, № 4.
5. Методические указания и материалы к спецсеминару «Системные отношения в лексике». Донецк, 1968.
6. Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования. М., 1963; Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. М., 1962.

В. И. ЯЦКИНА

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ТЕОРИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Особенности полевого подхода к языковым явлениям, достоинства и недостатки такого подхода в отношении исследования языкового материала неоднократно обсуждались на страницах советской и зарубежной печати и продолжают до сих пор привлекать пристальное внимание лингвистов.

С момента своего возникновения, которое, как известно, связывается с именами Г. Ипсена, Й. Трира, В. Порцига, Л. Вайсгерберга, К. Ройнинга, Р. Мейера и др., и по настоящее время, когда имеются уже многочисленные опыты описания семантической системы различных языков на основе принципов поля, общая теория семантического поля непрерывно совершенствуется и уточняется.

Несмотря на различия общих концепций отдельных авторов на существенные особенности, касающиеся методологических принципов построения и описания семантических полей, все трактовки семантического поля имеют нечто общее, что позволяет объединить и классифицировать различные подходы, стимулирует стремление создать общую теорию семантического поля и поля вообще [1, с. 7—9]. Каковы же эти общие черты?

Прежде всего, любая теория поля предполагает в качестве исходного момента признание положения о семанти-

ческой системе языка как структурном образовании, элементами которого являются различного рода группы — поля. Далее, говоря о семантическом поле, мы обычно подразумеваем семантическую общность, т. е. некоторое инвариантное значение конституирующих его языковых единиц. Здесь, в зависимости от того, шло ли построение поля от языковых единиц через их семантическое значение к системе таких значений, а от них к семантической структуре языка, или же исходными были логические, абстрактные, понятийные категории, которые имеют (или не имеют) соответствия в языке, существует два основных подхода: лингвистический (или языковой) и нелингвистический (логический) [2].

К нелингвистическому подходу, наряду с полями типа И. Трира, можно отнести и так называемые номинативные (или денотативные), по терминологии Н. М. Мининой [3], поля; различного рода тематические и терминологические группировки, а также способы описания совокупностей языковых единиц, где не делается попыток анализа их внутренних связей и отношений [2, с. 89].

При лингвистическом же подходе семантические поля — это «совокупности слов, находящихся в свободных связях по линии их лексического значения в тот или иной исторический период времени» [2, с. 90]. Общность семантических значений (сем, семантических множителей) объединяет слова в лексико-семантические группы, построенные по принципам поля, лежит в основе полевых структур слов-синонимов, антонимов, совокупностей связанных друг с другом значений полисемантического слова (семантем). Лингвистическими являются полевые структуры словообразовательных парадигм П. Гиро и М. Д. Степановой. Части речи и их грамматические категории могут быть представлены либо как классы словоформ — специфические для каждой части речи грамматические поля (В. Г. Адмони), либо как грамматико-лексические поля (Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс), либо как объединенные инвариантным грамматическим значением понятийные, или, по терминологии А. В. Бондарко — функционально-семантические поля. Наряду с вышеперечисленными парадигматическими полями лингвистическим подходом характеризуются и так называемые синтагматические (В. Порциг, Г. Мюллер), реляционные (А. П. Комаров) поля, группирующие лексику по ее валентным и дистрибутивным свойствам, а также комплексные поля, включающие как пара-

дигматические, так и синтаксические характеристики лексических единиц [4].

Из всех этих различных трактовок семантических полей особый интерес, как нам кажется, представляют поля, в которых семантическая общность, наряду с учетом функциональной стороны языковых единиц, позволяет объединить в рамках одного поля элементы, принадлежащие различным уровням языка. Этот так называемый межуровневый подход продиктован, по мнению Е. В. Гулыги и Е. И. Шендельс, непреклонностью вывода о том, что при изучении грамматики оказывается практически невозможным замкнуться в кругу грамматических форм, изолируясь от их употребления в естественной речи, где грамматические формы взаимодействуют друг с другом и с окружающей и наполняющей их лексикой [5, с. 5]. Такой подход, как отмечает А. В. Бондарко, создает дополнительные возможности для анализа взаимоотношений систем грамматических форм с окружающей их лексикограмматической средой, расширяя круг причинно-следственных зависимостей, которые могут быть выявлены при исследовании грамматического строя языка [6, с. 27]. Более того, утверждает автор, именно возможность такого подхода и является главным достоинством теории поля, а четкое и строгое различение языковых уровней в конечном счете необходимо для того, чтобы показать их взаимодействие [7, с. 33].

Межуровневый подход в построении полей характеризуется рядом особенностей, из которых представляются наиболее важными вопросы трактовки понятийной категории и семантической функции, т. е. вопросы, касающиеся основных, исходных моментов теоретического обоснования принципов построения подобного рода полей. Наиболее полно и основательно разработанной в этом отношении является теория функционально-семантических категорий А. В. Бондарко.

В своей интерпретации понятийной категории А. В. Бондарко исходит из учения И. И. Мещанинова, сущность которого состоит в следующем:

— все в языке имеет свою значимую сторону: слова, сочетания слов, законченное высказывание и даже оформление каждого отдельного слова [8, с. 5];

— везде в пределах языкового материала ставится вопрос об имеющемся понятии и том или ином его выражении в языке [8, с. 14];

— понятия, выражаемые в языке, всегда остаются в пределах языкового материала, поэтому не выступают из об-

щего числа языковых категорий, но в то же время, выражая в языке нормы действующего сознания, они отражают общие категории мышления в его реальном выявлении, в данном случае — в языке [8, с. 14—15].

Таким понятиям, образующим в языке определенную систему, И. И. Мещанинов присваивает название понятийных категорий, каждой из которых, в свою очередь, соответствует определенная система средств выражения.

Главное в данной трактовке понятийных категорий, отмечает А. В. Бондарко, — их языковой характер. Но поскольку сам термин «понятийная категория», указывая лишь на сферу мышления, не отражает ее языковой функции, наиболее целесообразным признается термин «функционально-семантическая категория», основным критерием выделения которой становится общность семантической функции взаимодействующих элементов разных уровней, наличие известного семантического инварианта в дифференциальных семантических признаках этих элементов [9, с. 18]. Языковые семантические функции, составляющие план содержания полей, не тождественны понятийным категориям. В них, по мнению автора, понятийные категории получают свое материальное воплощение, свое конкретное языковое выражение, свое объективное существование. В процессе анализа мы получаем понятийные категории эвристическим путем, но они существуют онтологически, т. е. присутствуют в языковом содержании конкретных языковых средств.

Таким образом, между понятийной категорией и языковой семантической функцией существует связь производности: в пучках языковых семантических функций, представляющих собой развернутую систему языковых средств, принадлежащих различным уровням языка, и находят свою реализацию понятийные категории.

Модальность, темпоральность, аспектуальность и т. д. — это категории понятийные. Их конкретное языковое воплощение — в формах наклонений и времен, в различного рода синтаксических структурах и лексических средствах, в контекстуальной и структурной обусловленности. Среди различных средств выражения модальности во французском языке Ф. Брюно называет, например, интонацию, глагольные временные формы, модальные слова и вводные модальные предложения, порядок слов и, наконец, наклонение — основное, хотя, как видим, не единственное и не всегда главное сред-

ство, характеризующее тот или иной оттенок модальности [10, с. 514].

Если, к примеру, попытаться представить себе систему средств выражения оптативности в современном французском языке, то здесь, при первом же подходе к языковому материалу, в центр структуры поля напрашивается лексико-семантическая группа глаголов желания, хотя в выражении данной понятийной категории участвуют и формы наклонений (сослагательного, повелительного, изъявительного), и временные формы (будущее время), и многочисленные другие средства языка.

Взаимодействие элементов (морфологических, синтаксических, лексических) образует функционально-семантическое поле, где в основе группировки элементов лежит так называемый принцип поля, т. е. «такое построение, при котором соответствующее явление парадигматического строя ... обладает центром (сердцевиной) и периферией. Центр образуется при этом оптимальной концентрацией всех совмещающихся в данной единице признаков. Периферия состоит из большего или меньшего числа образований разной емкости ... с некомплектным числом этих признаков» [11, с. 49]. Подобная структура построения семантического поля является еще одной общей чертой, присутствующей в любой концепции поля.

Таким образом, мы рассмотрели лишь некоторые общие черты, характеризующие различные трактовки семантических полей в языке, лишь некоторые особенности межкуровневого подхода в их построении, но, как представляется, это вопросы, имеющие немаловажное значение в плане выработки единой стройной и последовательной теории, которая позволила бы с наибольшей адекватностью описать семантическую структуру любого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.
2. Долгих Н. Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семиологии. — «Филологические науки», 1973, № 1.
3. Миллина Н. М. Пособие по лексике немецкого языка. Семантические поля в практике языка. М., 1973.
4. Васильев Л. М. Теория семантических полей. — ВЯ, 1971, № 5.
5. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
6. Бондарко А. В. К теории поля в грамматике — залог и залоговость. — ВЯ, 1972, № 3.

7. Бондарко А. В. О взаимодействии языковых уровней в рамках функционально-семантической категории.— «Уровни языка и их взаимодействие. Тез. науч. конф.», М., 1967.

8. Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке.— «Труды военного института иностр. языков», 1945, № 1.

9. Бондарко А. В. К проблематике функционально-семантических категорий.— ВЯ, 1967, № 2.

10. Brunot F. La pensée et la langue. Paris, 1922.

11. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.—Л., 1964.

А. Ф. ВЫСТАВКИНА

ПРИМЫКАЮЩИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ С ПРЕДЛОГОМ VON В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время в языкознании утвердился взгляд на словосочетание как на элементарную синтаксическую структуру, которая включает в себе семантику отношений минимум двух сигнификатов, выраженных в соответствующих словесных формах.

Семантика синтаксических структур «наслаивается» на лексические и морфологические значения форм, закономерно сочетающихся в синтаксических структурах... может обладать сложной структурой. Здесь возможно и наличие существенных противоречий, доходящих до омонимии и порой ведущих даже к выделению особых типов внутри формально единых структур» [1, с. 5].

Последнее стало возможным в связи с различением поверхностных и глубинных синтаксических структур: поверхностная структура понимается как система формальных связей между лексическими компонентами, а глубинная структура — это система отношений между референтами лексических компонентов [1, с. 11].

Так, например, термин «определение» дает лишь поверхностную характеристику соответствующему члену предложения и под ним могут подразумеваться самые различные синтаксические и семантические отношения [2].

Известно, что семантика синтаксических структур обычно организована по принципу грамматического поля, т. е. обладает известным ядром, к которому принадлежат реализации данной структуры, выявляющие характерную для нее семантику, т. е. ее обобщенное грамматическое значение в

полной мере и без каких-нибудь отклонений, и периферией, к которой принадлежат реализации данной структуры, в той или иной мере отклоняющиеся от семантики обобщенного значения данной синтаксической структуры и иногда приближающиеся по своей семантике к обобщенному грамматическому значению других синтаксических структур [1, с. 5].

Среди предложных субстантивных словосочетаний наиболее распространены конструкции с предлогом *von* — они составляют почти 20%, тогда как такие распространенные конкуренты, как сочетания с предлогами *in*, *mit* и *für* — лишь 17%. На долю остальных предлогов в составе субстантивных групп приходится от 11 до 5% (с предлогами *um*, *an*, *zu*) и до сотых процента (с предлогами *bis*, *neben*, *wegen* и др.).

При внешнем однообразии структурной модели «существительное + *von* + существительное» она включает в себя очень различные структурно-семантические типы, называемые нами структурно-семантическими моделями. При безграничном количестве словосочетаний, которые могут быть построены в современном немецком языке с предлогом *von*, можно говорить о вполне ограниченном и сравнительно небольшом количестве структурно-семантических моделей, по которым строятся все эти словосочетания. И если сами словосочетания с предлогом — достояние текстов, т. е. речи, то структурно-семантические модели, по которым они строятся, — составная часть языка как системы знаков.

Задачей нашего исследования и является выявление конечного числа глубинных структурно-семантических моделей для построения субстантивных словосочетаний с предлогом *von*. В качестве релевантных признаков таких моделей рассматриваются следующие: 1) степень связанности стержневого существительного и зависимого предложного компонента; 2) содержание синтаксической связи между компонентами.

По степени связанности компонентов в этой работе различаются три вида моделей: с именным примыканием, со слабым управлением и с сильным управлением.

Для именного примыкания характерно, что семантика ядра никак не обуславливает значение и форму зависимой предложной конструкции, для которой безразлично, будет ли значение ядра абсолютным (*das Gehirn im Kopf*; *ein Umschlag von der billigsten Sorte*) или относительно (*der Gedanke im Kopf*; *die Beschlüsse von Potsdam*). Смысл второго (зависимого) компонента остается одним и тем же, ибо зависит лишь от факторов, заключенных в нем самом: от

значения предлога в сочетании со следующим за ним существительным. Примыкающим предложно-падежным группам свойственны в основном различные обстоятельственные значения. Они характерны для так называемых неграмматических (или конкретных) падежей, учение о которых для индоевропейских языков разработано Ф. Ф. Фортунатовым и Е. Куриловичем. Е. Курилович [4] называл их «подгруппой наречий», поэтому и описывать их логично, группируя по присущим им наречным (обстоятельственным) значениям.

Отсюда следует вывод: анализ словосочетаний с именным примыканием, т. е. определения содержания грамматических отношений между ядром и зависимой группой, нужно проводить не по стержневому слову, а только по зависимому компоненту, а именно: исходя из определенного предлога во взаимодействии с семантическим разрядом, к которому принадлежит зависимое существительное. В рамках атрибутивности, присущей всему структурному типу «существительное+предлог+существительное», таким путем могут быть выявлены наряду с собственно-атрибутивными различные добавочные обстоятельственные отношения: локальности, темпоральности, образа и вида и т. д.

В данной статье исследуются (с целью выявления и описания) только те структурно-семантические модели, у которых компоненты связаны по способу именного примыкания. В целом было собрано и проанализировано около 3 тысяч словосочетаний с предлогом *von*, из которых одна треть и составляет сочетания с примыкающей группой «*von*+существительное». Словосочетания получены методом сплошной выборки из текстов разных функциональных стилей современного немецкого языка: из художественной литературы, из научно-технических и общественно-политических текстов общим объемом свыше 50 источников — около 12 млн. печатных знаков.

Выявление структурно-семантических моделей проводилось методом анализа лексико-семантических классов, к которым относятся компоненты словосочетаний, а также с учетом системности-несистемности семантических связей между компонентами, как различает это Н. Ю. Шведова [3].

* Термин заимствован у Н. Ю. Шведовой, но в несколько более узком понимании, т. е. без включения сюда сочетаний, в которых второй компонент состоит в системной связи с первым, например: *das Abtreten von der Bühne, der Vorbeiflug der Station an der Erde*. (такие сочетания построены, на наш взгляд, по способу «слабого управления») [3].

Среди примыкающих предложных групп с *von* удалось установить 4 вида, различающихся по содержанию синтаксической связи: 1) обстоятельственные отношения места; 2) обстоятельственные отношения времени; 3) собственно-атрибутивные отношения; 4) обстоятельственные отношения причины.

1. Для словосочетаний с обстоятельными определениями места можно выделить несколько разновидностей, определяемых лексико-семантическим классом второго существительного.

1.1. Это могут быть слова, указывающие на географическое положение или уточняющие положение одного предмета относительно другого. Здесь выступают в качестве зависимых существительных имена собственные — географические наименования: города, страны и т. п. Например, наименование городов: *die Brücke von Budapest; die Verfassung von Weimar; die Sensation von Paris; das Unglück von Lissabon; die Beschlüsse von Potsdam; Urteil von Nürnberg; der Flugplatz von Woronesh*; или наименование стран: *die Bevölkerung von Vietnam; die Regierung von Kongo; das Meer von Brasilien; die adeligen Herren von Schweden; die Karte von Deutschland; die Dialekte von Aljaska; große Stücke von Rußland*.

По этой же модели создаются и сочетания, в которых человеческие имена собственные определяются по происхождению из какой-либо местности. Эта модель специализировалась на образовании дворянских немецких фамилий, например: *der Rittmeister von Kleefeld; Baron von Guttenberg; der Graf von Waldstein; Baron von Wedelstedt; Konrad von Urach; Walter von der Vogelweide; Siegfried von Epstein; Margarete von Trenk*.

1.2. Другая разновидность этой же модели определяет стержневое слово тоже по месту, но в предложной группе — не географические названия, а обозначения учреждений, организаций и т. п. Например: *Soldaten von der Militärpolizei; drei Professoren vom Gymnasium; die Arbeiter von der Spinnerei; die Leute von der Partei; die Hilfeschwester vom Roten Kreuz; der Mann vom Museum*.

2.1. Иную модель представляют сочетания, в которых предложная группа определяет стержневое слово по времени. Зависимое слово обозначает определенный момент времени: *часть дня, день, месяц, год*, например: *die Revolution von 1918; die Mode vom Vorjahr; sechs Anrufe vom Sonntag; die Freude vom vergangenen Sommer; Szene vom Weihnacht-*

sabend; der Stand vom 31. Juli. Специализирована эта модель для обозначения документов, принятых или изданных в определенное время. Например: der Ministerratsbeschluß vom 31. Juni; das Programm der KPD vom 11. Juni 1945; Erlaß vom 5. Oktober 1939; die Verordnung des Ministerrates vom 12. Mai 1966; Freundschaftsvertrag zwischen der UdSSR und der DDR vom Juni 1964.

2.2. Разновидностью данной модели служат сочетания, в которых ядро определяется существительным-наименованием отрезка времени. Оно (существительное) чаще всего имеет форму множественного числа. Например: die Bewährungszeit von 3 Jahren; ein Urlaub von 8 Tagen; eine Gefängnisstrafe von 9 Monaten; ein Flug von 8 Stunden und 37 Minuten. Эта модель специализируется для обозначения человека и его возраста, например: ein Junge von 15 Jahren; eine Frau von 25 Jahren; ein kleiner Herr von etwa 60 Jahren.

3.1. Третья модель содержит собственно-атрибутивные отношения-определения качества ядра. В качестве второго компонента выступают существительные-наименования типа, сорта, формы и т. п., например: alle Raumschiffe vom Typ «Wostok»; Besonderheiten von Form; ein Umschlag von der billigsten Sorte.

3.2. Разновидностью этой модели можно считать соединения слов, в которых второй компонент дает различные количественные характеристики ядру, например: eine Stadt von 10000 Einwohnern; ein Hut von mäßigem Umfang; Messer von verschiedener Größe.

3.3. Для данной разновидности характерно значение принадлежности. Существительные предложной группы называют лицо, которому принадлежит то, что названо стержневым существительным, например: der Ring von Mutter; der Lattenzaun von Ramsch; die Puppen von Kindern; die neuen Reitstiefel von Habicht; die Zigaretten von Kufalt; ein Schlips von Autop. Разновидностью этой же модели можно считать соединения слов, где называются части тела, например: die Augen von Menschen; die Gesichter von Frauen; die runden Arme von Schwester; die Hand von Frau Brotig; das Herzchen von der Marie.

3.4. В этой разновидности модели между ядром и предложной группой имеют место отношения родства или дружбы. В качестве зависимого здесь выступают существительные-наименования лиц, например: der Vater von Paul; ein guter Freund von Sepp; die Kinder von Frau; die Bekannten von

Rita; der Schwager von Paul; der Bruder von Frau; ein Schußkamerad von Manfred.

Специализировалась эта модель для выражения отношения авторства, например: ein Vers von Max Zimmering; eine Oper von Richard Wagner; die Referate von Dimitroff; Novellen von Storm; Musik von Sergei Prokofjew; die Werke von Böll; das Trauerspiel von J. W. von Goethe.

3.5. В этой разновидности ядро получает качественную характеристику, выраженную именем вещественным с предлогом, например: dicke Platten von Eis; ein Himmel von blauer Seide; eine Insel von Wärme und Heiterkeit; eine Wolke von Bierdunst; ein Griff von Elfenbein; Spindel von Gold.

3.6. В качестве ядра данной разновидности этой модели выступает существительное — носитель признака, который называется предложной группой. В ее составе — абстрактные существительные, например: ein Barrett von derselben Farbe; die Bemerkungen von wilder Ironie; die Fragen von beiderseitigem Interesse; zahlreiche Arbeiten von wissenschaftlichem Wert; ein Mensch von Bildung und Geschmack; die Dame von mangelnder Entschlußkraft; eine Idee von einiger Tragweite.

4.1. В данной модели предложная группа выступает в роли причины того состояния, которое обозначено ядром сочетания. В составе предложной группы функционируют имена действия, например: die Schwellungen von Wanzenbissen; die Kopfschmerzen vom Ziemerhieb.

4.2. В качестве причины в составе предложной группы выступают и существительные конкретно-предметной семантики, что придает всей предложной группе оттенок источника, происхождения, например: das Gelb vom Nikotin; die Rauchgase von Kohlenfeuerstätten; der Stromwärmeverlust von der Wicklungstemperatur.

4.3. Появляясь в составе предложной группы со значением причины, абстрактные существительные сообщают другой разновидности этой модели оттенок обстоятельства образа действия, как, например: keine Könige von Gottes Gnaden; der Arbeiter von Natur; Österreicher von Geburt.

Подводя итоги анализу примыкающих предложных групп с предлогом von, можно утверждать следующее. Самой употребительной из 13 моделей явилась модель 1.1., в которой предложная группа определяет стержневое слово по местонахождению (die Brücke von Paris) — количество словосочетаний этой модели составило более половины всех случаев

(52,9% — т. е. 1497 случаев). Достаточно действенны и еще 3 модели: 3.3.— отношение принадлежности (*der Ring von Mutter*) — (130 случаев — 13,8%); 1.2.— характеристика по месту работы или другой деятельности (*die Arbeiter von der Spinnerei*) — (116 случаев — 12,3%); 3.4.— отношение родства или дружбы (*der Schwager von Paul; ein guter Freund von Sepp*) — (111 случаев — 11,8%). Модель 3.2. мало употребительна, она представлена в нашем материале всего несколькими случаями. Словосочетания, построенные по моделям с именным примыканием, уступают по количеству моделям с сильным управлением: из 33 моделей сочетаний с предлогом *von* 15 моделей (45,5%) содержат сильное управление (1739 случаев), 13 моделей (39,3%) — именное примыкание (939 случаев) и лишь 5 моделей (15,2%) — слабое управление (155 случаев).

Проведенный анализ позволяет увидеть, что в современном немецком языке преобладают структурно-семантические модели сочетаний с предлогом *von*, построенные по способу сильного управления. Это подтверждает известный тезис о том, что предлог *von* в современном употреблении чаще всего выступает как чисто грамматическое средство для обозначения не столько определенного вида связей, что обычно для предлогов, сколько самого факта связи между словами. Можно также сделать вывод и прикладного методического значения: при обучении немецкому языку необходимо учитывать наличие в системе языка объективно существующего, вполне обозримого количества структурно-семантических моделей, по которым строятся бесчисленные словосочетания с различными предлогами и без них.

Приходится, однако, констатировать, что даже самые обстоятельные словари не охватывают всего набора моделей, по которым строятся в речи словосочетания. Так что задача выявления и описания всех действующих в языке структурно-семантических моделей свободных словосочетаний все еще ждет своего решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы синтаксической семантики. (Материалы научной конференции). М., 1976; Адмони В. Г. Синтаксическая семантика — это семантика синтаксических структур. — Там же; Бархударов Л. С. Глубинная структура предложения в семантическом аспекте. — Там же.

2. Хельбиг Г. Некоторые проблемы лексикологии и словообразования в плане преподавания иностранных языков.— In: Linguistische Arbeitsberichte. Mitteilungsblatt der Sektion theoretische und angewandte Sprachwissenschaft der Karl Marx Universität. Leipzig, 1972.

3. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М., 1966.

4. Курилович Е. Проблема классификации падежей.— В кн.: Очерки по лингвистике. М., 1962.

А. И. ИОХВИДОВА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРТИТИВНОГО АРТИКЛЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В употреблении партитивного артикля наблюдаются определенные особенности. В первую очередь можно отметить, что этот артикль встречается в тексте сравнительно редко (в отличие от определенного и неопределенного). Так, например, в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» на 400 с лишним страницах партитивный артикль встречается лишь в 152 случаях. В то же время неопределенный артикль (в единственном числе) употребляется в среднем в 25 раз чаще, чем партитивный, а определенный — приблизительно в 62 раза.

Кроме того, примеры, взятые из художественных произведений, научной литературы, газет и журналов, показывают, что партитивный артикль не только встречается в текстах намного реже, но и функционирует в предложении не так свободно, как определенный и неопределенный артикли.

Что подразумевается под недостаточной свободой функционирования? С одной стороны, конструкция «партитивный артикль+существительное» выполняет в предложении самые разнообразные функции. Она может выступать в роли:

подлежащего: ...**Du carburant** est injecté dans le flux d'air qui aboutit aux buses avant (S. p.); Dans l'air chaud, à grosses gouttes, se diluait **du bronze**. (B. H.);

атрибута: Et, je le répète, c'est **de la** *besogne* convenable (Z. E.);

прямого дополнения: Au — dessus des crêpes, vous ajoutez **du fromage râpé** (M., 1974);

косвенного дополнения: — Cette neige, vous allez rire de moi, ça me fait penser à **de l'hermine!** (P. M.);

дополнения безличного глагола: Ce jour-là il y a beaucoup de monde mais le magasin est si grand qu'il y a **de la place** pour tous (M., 1975);

обстоятельства:

а) места:

Elles (les toiles) étaient à fond jaune comme si on les eût trempées en **de la crème dorée...** (G. M. N.).

б) сравнения:

D'autres brillants, tremblant sur des épingles d'or, scintillaient comme **de l'eau** dans la garniture embaumée du corsage. (G. M. O.).

в) образа действия:

Il est assis sur une pierre **avec de l'eau** jusqu'au menton (G. M. M.-O.);

агентивного дополнения: Ses premières cargaisons seront constituées **par du crude** (B. n);

несогласованного определения: ...boire un verre d'eau... **avec de la cassonade...** (E. G.).

Таков перечень (вероятно, неполный) тех функций, которые может выполнять существительное с партитивным артиклем в предложении. На первый взгляд они весьма многообразны: существительное с артиклем встречается в предложении практически в любой позиции. Однако если провести количественный анализ партитива при различных членах предложения, то мы увидим, что не все эти позиции равноценны. Например, в упомянутом романе М. Пруста из 152 конструкций с партитивом 103 — прямые дополнения, 20 — атрибуты, 18 — дополнения безличного глагола, 1 — косвенное дополнение, остальные 20 выступают в роли различных обстоятельственных дополнений. Если обратиться к другим текстам, то можно заметить, что и там партитив будет преобладать как прямое дополнение; несколько реже он встречается как атрибут и как дополнение безличного глагола, еще реже — в различных предложных конструкциях и, наконец, совсем редко — как определение и подлежащее.

В чем же причина столь неравномерного распределения партитива в предложении? Одной из основных причин является, по-видимому, само происхождение партитивного артикля. Партитив происходит от косвенного падежа (гени-

ва), который по традиции закрепляется за второстепенными членами предложения. Поэтому он первоначально был просто несовместим с функцией подлежащего. Возможность такой совместимости появилась лишь в процессе модификации роли партитивного артикля.

Тот факт, что партитивный артикль происходит от слияния предлога с определенным артиклем, обуславливает и сравнительно редкое употребление его в предложных конструкциях. Естественно предположить, что партитивный артикль в процессе своего становления поначалу более легко входил в те модели, в которых сильнее всего проявлялась его природа именно как «частичного» артикля, имеющего в своем составе предлог *de*. И только по мере того, как развивались его новые функции (сперва варианта неопределенного артикля для несчитаемых существительных в категории неопределенности [1], а затем и грамматического показателя категории несчитаемости [2, 3]), партитивный артикль стал использоваться в предложных конструкциях и, наконец, при подлежащем. Естественно, что модели, в которых больше проявляется первоначальное значение артикля, количественно преобладают в языке.

Но не только происхождением партитивного артикля можно объяснить постоянную повторяемость его в определенных контекстах, его тяготение к устойчивым моделям. Как мы уже говорили, подавляющее большинство партитивных артиклей встречается при прямом дополнении. При более внимательном анализе можно, однако, заметить, что и в рамках этой конструкции артикль распределяется неодинаково в зависимости от глагола.

Мы намеренно не рассматриваем сейчас, какие классы существительных (или субстантивированных частей речи) входят в эти модели, а именно, являются ли эти существительные считаемыми, несчитаемыми, конкретными или абстрактными, именами нарицательными или собственными. Детальному анализу этих классов имен в связи с проблемой артикля посвящена обширная литература [1, 4, 5, 6]. Нам же хотелось бы подробнее остановиться на том окружении, в котором находится любое существительное с партитивным артиклем. Для этого мы проанализировали книги, приблизительно одинаковые по объему (около 400 страниц): «Мадам Бовари» Г. Флобера, «В поисках утраченного времени» М. Пруста, а также четыре романа Ф. Мориака. Выбор произведений мотивирован, с одной стороны, тем, что творче-

ство данных писателей относится к разным эпохам и стиль каждого из них весьма индивидуален. В то же время язык каждого из трех авторов может считаться классическим, а сюжет охватывает разнообразные сферы жизни. Произведения содержат образцы повествования, монологической, не собственно прямой и диалогической речи и т. п., т. е. разнообразны по своей структуре.

У Флобера при прямом дополнении и дополнении безличного глагола с партитивным артиклем употреблено 39 глаголов, у Пруста — 35, у Мориака — 39. Из них 22 глагола совпадают у всех трех писателей: avoir, présenter, offrir, (se) donner, (re) prendre, (r') apporter, (re) trouver, chercher, boire, manger, verser, demander, fabriquer, produire, (se) faire, apercevoir, (y) mettre, épargner, inspirer, essayer, entendre, (y) attacher, contenir, éprouver du qch.

Как видно из примеров, все три автора используют в данном случае сходный набор глаголов. Среди глаголов, обладающих во всех произведениях, следует отметить глагол avoir в личной и безличной конструкциях (31 у Флобера, 35 у Пруста, 30 у Мориака) и faire (соответственно 10, 14 и 13). Довольно часто (от 2 до 8 раз) встречаются глаголы prendre, donner, trouver, chercher, apporter, manger, boire du qch. Можно с уверенностью сказать, что и в других текстах мы встретим примерно то же соотношение глаголов, предваряющих существительное с партитивом. Здесь вновь уместно будет вспомнить, что именно с такими глаголами, как prendre, donner, manger и т. п., партитив выступает первоначально как собственно «частичный» артикль, здесь его исконная сфера применения.

Вернемся теперь к глаголам avoir, faire и к безличным конструкциям. Как мы уже видели, партитивный артикль наиболее прочно «прижился» именно в этих конструкциях. Здесь, как нам кажется, нужно рассмотреть специфику глаголов avoir, faire, tomber, arriver и т. п. В данном случае представляется существенным то, что они легко образуют безличные конструкции. А эти, в свою очередь, легко «притягивают» к себе партитив. Это явление свойственно не только французскому языку. В статье Н. Д. Арутюновой «Референция имени и структура предложения» [7, с. 30] мы находим указания на такое же явление в русском языке. Показав, как родительный падеж, оторвавшись от показателя количества, становится партитивом (В комнате было много народа.— Народа в комнате было много.— Народа было мно-

го.), автор отмечает, что подобные структуры характерны для северорусских говоров: Всяких вещей висит. Ездил тут всякого народу. Попадает белых грибов.

Партитив сочетается с неопределенно-личной формой глагола и вытесняется с позиций подлежащего. Однако, как указывает Н. Д. Арутюнова, литературный русский язык тяготеет к унификации структуры предложения по принципу двухсоставного, с подлежащим и сказуемым, что наряду с другими причинами помешало образованию партитива по типу французского (но без артикля) [7, с. 30]. Может быть, именно в таких безличных оборотах партитивный артикль и приобрел свойство выражать неопределенную несчитаемую множественность, а не просто «частичность».

Наиболее универсальными (а поэтому и наименее определенными) являются модели с *avoir* и *faire*. В силу универсальности личных и безличных оборотов с *avoir* и *faire* + партитив, а также их большой продуктивности в них включается широкий круг существительных; в то же время существует много глаголов, которые можно подставить в данную модель вместо *avoir* и *faire*. Таким образом, сфера использования партитивного артикля все более расширяется.

Как мы уже говорили, весьма распространена также конструкция *c'est du...* с партитивом в качестве атрибута. Она во многом близка к *il y a du...*. В последней модели *avoir* почти полностью теряет значение посессивности, а *être* в *c'est du...* сближается с безличным глаголом. Но с проникновением партитива в эту модель функции его еще более изменяются. Здесь он практически теряет значение частичности и значение неопределенного количества, так как имя с партитивным артиклем выполняет в этом случае атрибутивную функцию и указывает на совокупность некоторых признаков, характеризующих первый член предикации. Акцент переносится с количественной характеристики предмета на качественную. Ср.: *Boire du café* и *C'est bien du café décaféiné*?

При таком употреблении партитивный артикль синонимичен неопределенному, так как указывает на принадлежность предмета к какому-то классу сходных предметов, либо на оттенок, разновидность какого-то качества, явления. В конструкциях же с предлогами, таких как: *écrire sur du sable, comme des fleurs dans du lait, avec des chiffres sur du papier*, партитивный артикль эквивалентен скорее определенному. Ср.: *Je n'admets pas qu'il m'accuse d'écrire sciemment*

sur du sable lorsque je veux bien croire qu'il rime **sur le bronze** (Z. E.). При этом еще больше нивелируется способность партитивного артикля выражать количественные оттенки значений существительных.

В незначительной степени передается количественный оттенок и тогда, когда партитив встречается при подлежащем:

Le long des bâtiments s'étendait un large fumier; de la buée s'en élevait, et, parmi les poules et les dindons, picoraient dessus cinq ou six paons, luxe des basses — cours cauchoises (G. F.).

De l'eau sale coulait en s'éparpillant sur l'herbe... (G. F.).

De la grosse quincaillerie s'étalait par terre... (G. F.).

Наличие партитива в этих примерах можно выявить, преобразовав предложения следующим образом: Il y coulait de l'eau sale...; Il s'en élevait de la buée...; Il s'y étalait de la grosse quincaillerie... или же, в более общей форме: Il y avait de la buée, de l'eau sale, de la grosse quincaillerie.

Иначе говоря, мы получаем ту экзистенциальную (по терминологии Н. Д. Арутюновой) структуру, для которой характерен партитив. Но в данных примерах он остается на позиции подлежащего, хотя это и типично для французского языка. Можно предположить, что партитивный артикль употребляется при подлежащем в основном в таких предложениях, которые можно преобразовать в безличные так, как это показано выше. Вынесение партитива в начало фразы на позицию подлежащего создает определенный стилистический эффект, придает фразе особый замедленный ритм. Для разговорной речи такие конструкции вряд ли характерны.

Из всего сказанного выше можно сделать следующие выводы:

1. Партитивный артикль используется во французском языке весьма экономно, в отличие от определенного и неопределенного артиклей. Кроме того, партитив встречается лишь в ограниченном наборе контекстов. Контексты эти отличаются довольно большой устойчивостью, что сближает их с фразеологическими сочетаниями. В этом также проявляется специфика партитивного артикля. Выбор контекстов регулируется двояко. С одной стороны, важно, с каким именно существительным сочетается партитивный артикль. Как убедительно показано Дамуретом и Пишоном [5, с. 341], любое существительное французского языка может быть представлено с помощью партитива как «массовидное» множество, не подлежащее счету. Однако, с другой стороны, несмотря на

такую возможность, партитивный артикль преобладает все-таки в сочетании с несчитаемыми существительными.

2. Употребление партитивного артикля не только регулируется сочетаемостью с различными лексико-грамматическими разрядами существительных, но зависит и от ряда факторов. Помимо формальных причин такими факторами являются те модели, в которых существительное с партитивом встречается в предложении. Мы попытались доказать, что употребление существительного с партитивным артиклем зависит и от его синтаксической функции, и от логико-синтаксического типа предложения, и от семантики глаголов, а также дать свою интерпретацию характера этой зависимости. Нами не был специально рассмотрен характер распределения партитивного артикля между различными лексико-грамматическими разрядами существительных в рамках именно тех синтаксических моделей, о которых шла речь. Однако, на наш взгляд, существует определенная связь между этими факторами. Так, например, нам не удалось обнаружить ни одного считаемого существительного с партитивным артиклем в позиции подлежащего. И наоборот, в тех моделях, где партитив характерен, в его роли может оказаться существительное любого разряда. Анализ этого явления может объяснить еще некоторые закономерности употребления и функций партитивного артикля во французском языке.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- S. p.—«Science progrès», 1963, N 3341.
B. H.—Bazin H. Chapeau bas. M., 1970.
Z. E.—Zola E. Le roman expérimental. Paris, 1971.
M. 1974 — Mozaïka, 1974, N 2.
P. M.—Prust M. A la recherche du temps perdu. Du côté de chez Swann. M., 1970.
M. 1975 — Mosaïka, 1975, N 4.
G. M. N.—G. de Maupassant. Notre coeur. M., 1975.
G. M. O.—G. de Maupassant. Ouvrage sité.
G. M. M.-O.—G. de Maupassant. Mont-Oriol. M., 1971.
B. n.—Brèves nouvelles de France. 1974, N 1271.
F. G.—Flaubert G. Madame Bovary. M., 1974.

ЛИТЕРАТУРА

1. Guillaume G. Problème de l'article et sa solution dans la langue française. Paris, 1919.
2. Щетинкин В. Е. Структура категории числа во французском языке.—«Науч. докл. высшей школы. Филологические науки». 1972, № 5.

3. Илья Л. И. Семантика числа существительного во французском языке.— ИЯШ, 1948, № 6.

4. Илья Л. И. Артикль во французском языке. М., 1956.

5. Damourette J. et Pichon E. Des mots à la pensée, t. 1. 1911—1927.

6. Sten H. Le nombre grammatical.— «Travaux du cercle linguistique de Copenhague», 1949, IV.

7. Арутюнова Н. Д. Референция имени и структура предложения.— ВЯ, 1976, № 2.

Л. В. ИЛЬЕС

ХАРАКТЕРИЗАЦИЯ И СТЕПЕНЬ СМЫСЛОВОГО ЕДИНСТВА ЭЛЕМЕНТОВ ИМЕННОЙ КОНСТРУКЦИИ

Характеризация в рамках именного сочетания предполагает целый ряд морфологических вариантов и выражается различными грамматическими формами — от обычного прилагательного или транспонированного существительного или инфинитива до сложных структур предложного определения (ср. в конструкциях: *une machine à laver* — *стиральная машина*, *une maison blanche* — *белый дом*, *une réclame monstre* — *чудовищная реклама*, *ce samedi d'inquiète journée d'orage* — *в эту беспокойную грозовую субботу*).

Интерес представляют в этом случае некоторые лексико-семантические процессы, затрагивающие один вид глубинной связи элементов характеризованного понятия, а именно, степень единства смыслового содержания, передаваемого этими конструкциями. Иными словами, анализируя такую простейшую категорию, как характеризация, мы должны выделить структуры, выражающие различную степень сохранения смыслового содержания отдельными элементами именной группы, а следовательно, разную степень смыслового единства всего характеризованного понятия.

Для этого служат понятия дискретности и монолитности. Под дискретностью мы понимаем самостоятельность элементов, входящих в именную конструкцию, под монолитностью — большее или меньшее единство смыслового содержания именного сочетания в целом. Дискретность и монолитность представляют, таким образом, два полюса, с противоположных сторон характеризующие отношение определяемого и определяющего именной конструкции.

Простейшим случаем дискретности могут служить обычные сочетания существительного с прилагательным в постпозиции; *le visage rouge* — *красное лицо*, *la barbe grise* — *серая борода*, *la route poussiéreuse* — *пыльная дорога* и т. п. Нетрудно увидеть, что любое прилагательное из приведенных здесь конструкций оказывается в какой-то мере внешним элементом, дискретным по отношению к определяемому им существительному. Ср. аналогичные сочетания «существительное+существительное»: *une réclame monstre* — *чудовищная реклама*, *une robe feu* — *платье огненного цвета*, *les goûts peuple* — *народные вкусы* и т. п.

Напротив, препозитивное прилагательное менее свободно в формальном отношении и обнаруживает черты более тесной смысловой спаянности с определяемым, отчего вся группа «прилагательное+существительное» приобретает более связанный характер, крайним выражением которого являются слитные комплексы типа *aubérine*, *bonhomme*. Единство может касаться, однако, слияния чисто «вещественного» значения прилагательного и существительного, не затрагивая форму самих слов, — случаи дистаксии (ср. с препозитивным или постпозитивным прилагательным: *un petit verre* — *рюмка*, *un faux bourdon* — *трутень*, *le haut chapeau* — *цилиндр*, *le château fort* — *замок*, *la bête noire* — *пугало*, *une balance romaine* — *безмен* и т. п.). Впрочем, как справедливо отмечают исследователи, такую формальную самостоятельность последних сочетаний следует считать в какой-то мере относительной, имея в виду, что фонетически они составляют одну ритмическую группу, хотя, с другой стороны, в подобного рода конструкциях манифестация различных морфологических категорий препятствует рассматривать их в качестве единого слова (ср. флексию множественного числа, равно добавляемую к обоим компонентам сочетания — *des petits verres* — *рюмки*).

Понятие «исполнительность» выражает, таким образом, единство смыслового содержания элементов, образующих конструкцию, в различной стадии его проявления (ср. *une jolie fille* — *красивая девушка*, *une jeune fille* — *девушка*). Это предварительное наблюдение приводит нас к выяснению различной степени спаянности элементов предложной конструкции, также типичной в рамках характеристики. В этом случае выделяются три ряда структур с последовательно возрастающей степенью смыслового единства — монолитности

конструкции в целом (ср. соответственно конструкции *une journée d'octobre* — *октябрьский день*, *un chien de garde* — *сторожевая собака*, *un mot d'ordre* — *лозунг*). Первая из них обнаруживает наименьшую смысловую зависимость своих компонентов (определяющего с определяемым) из-за их свободной заместимости в контексте. Ср.: *une journée d'octobre, d'orage, d'hiver, de triomphe, de sept heures* — *октябрьский, грозовой, зимний, семичасовой рабочий день, день триумфа* и т. п. Очевидно, такая окказиональная характеристика дискретна, как дискретны, например, сочетания существительного с прилагательным: *un visage rouge, simple, honnête, noble* — *красное, простое, честное, благородное лицо* и т. п.

Вторая структура — конструкция *chien de garde* — представляет собою единое смысловое целое, предполагающее уже неизменный (в этом случае) состав семантических элементов, обозначающих в своей совокупности понятие «сторожевая собака» в отличие от близких по ряду понятий, таких как *un chien d'appartement* — *комнатная* или *un chien d'attache* — *цепная собака*. В этом «готовом» виде сочетание закрепилось как некоторая неразложимая единица общего плана (зафиксированная в словарях), способная удерживаться в памяти, противопоставляясь при этом конкретному соединению окказионально-контекстуального характера типа *un chien noir* — *черная собака* или *le chien de mon ami* — *собака моего друга*.

Однако и эта конструкция обнаруживает своего рода парадигматическую дискретность, если она рассматривается в парадигматическом ряду определяющих к существительному:

<i>un chien courant</i>	гончая
<i>un chien d'attache</i>	цепная собака
<i>un chien berger</i>	овчарка
<i>un chien d'estafette</i>	посыльная собака
<i>un chien d'appartement</i>	комнатная собака
<i>un chien de mer</i>	акула
<i>un chien de garde</i>	сторожевая собака [1, с. 96].

Уже простое сопоставление этих сочетаний, каждое из которых может быть определено как монолитное, наглядно показывает известную семантическую самостоятельность и

специфичность каждого из определяющих элементов, обнаруживающих эту парадигматическую дискретность*.

Тем не менее, как бы ни отличались обе структуры *journée d'octobre / chien de garde* по степени семантической спаянности своих элементов, они в конечном счете — продолжение одного специфического состояния определяющего. Отсутствие внутреннего члена влияет прежде всего на качество предлога, заметно абстрагируя его семантическую сущность, «деформируя степень его реальности» [2, с. 121]. Тем самым предлог *de*, например, превращается в символ определительных отношений именных элементов в самом абстрактном его значении. Ср.: *les papillons de nuit* — *ночные бабочки*, *une faute de langage* — *языковая ошибка*, *un port de guerre* — *военный порт*. При этом некоторая отвлеченность значения наблюдается и у предлогов с «конкретной» семантикой, например *pour*, *sans* или *sur* (ср.: *des confections pour dames* — *готовое женское платье*, *une douleur sans mesure* — *безграничное горе*, *une heure sans gloire* — *бесславный час* и т. д.).

С другой стороны, существительное без члена теряет свою родовую принадлежность и, сливаясь с предлогом, абстрагируется в определяющее именной конструкции в его характеризованной форме (транспозиция — Ш. Балли, трансляция — Л. Теньер). Такое определяющее, утратившее способность обозначать конкретное, значительно расширило вместе с тем возможность обозначения качества — от самой банальной формы, равной в какой-то мере обычному прилагательному (*de génie* — *génial* — *гениальный*), до самых сложных степеней его, возникающих на уровне различных речевых фигур. Понятно также, что на этой «общей» стадии определяющее обнаруживает тенденцию к полному смысловому слиянию со своим определяемым.

Перед нами, таким образом, структура третьего рода — любопытный случай проявления монолитности в ее крайнем выражении, именуемом дистаксией и практически означающем утрату смысла отдельными словами, их переосмысление и упрощение и превращение в «аналитическое слово» [3, с. 130]. Нетрудно увидеть, например, что в сочетании *habît poir* представлены разнородные, т. е. дискретные по

* Ср.: «Понятия дискретности — недискретности не абсолютны, а относительны, они мыслимы только парой и только при сравнении отрезков речевой цепи» (Степанов Ю. С. *Французская стилистика*. М., 1965, с. 55).

своей природе понятия *платье, черное*. Однако в живом языке эта разнородность отступает на задний план, поскольку отдельные слова утратили свой смысл и функционируют в своей нерасчленимой монолитности (ср.: *son habit noir* — *его фрак*, *un coup de feu* — *выстрел*, *un nid à rats* — *лачуга*, *un sucre d'orge* — *леденец*, *une boucle d'oreille* — *серьга*, *un chien de mer* — *акула* и т. п.). Иными словами, такая конструкция дискретна в своей застывшей монолитной целостности.

Проведенное исследование позволяет установить основные типы характеризованного понятия, включающего различные морфологические формы именного сочетания во французском языке. В зависимости от степени смыслового единства элементов, составляющих именную конструкцию, различаем: дискретную характеризацию (тип *route blanche, journée d'octobre*), монолитную (тип *chien de garde*) и дистактную характеризацию (тип *mot d'ordre*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганшина К. А. Французско-русский словарь. М., 1946.
2. Guillaume G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. Paris, 1919.
3. Левит З. Н. К проблеме аналитического слова в современном французском языке. Минск, 1968.

С. И. ЗВЯГИНА

РОЛЬ ПРЕДЛОГОВ В КОНСТРУКЦИЯХ С ФАКТИТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

(на материале испанского языка)

Предметом данной статьи является исследование роли предлогов, соединяющих фактивтивные глаголы с объектным инфинитивом.

Для наиболее полного представления характеристики фактивтивных глаголов и значений, которые ими выражаются, воспользуемся дистрибутивным анализом, посредством которого можно описать «совокупность окружений, в которых данная единица встречается в речи, или совокупность совместных встречаемостей» [1, с. 203].

Фактивтивные глаголы — это глаголы, выражающие идею непосредственного побуждения [2, с. 491]. «Мы поместим

s'inquiéter — беспокоиться, tressaillir — вздрагивать и им подобные в разряд обычных глаголов, а faire peur — пугать, intimider — смущать, éprouvaner — ужасать, terrifier — устрашать, повергать в ужас — в разряд каузативных» (в нашем исследовании фактитивных) [3, с. 159].

Fra una fuerza ciega que lo impulsaba a obrar así y contra la que no intentaba ninguna resistencia (I. M. P., 132). La rabia le hacía pedalear más de prisa, escupir sobre el polvo de la carretera, agarrar con fuerza los puños del manillar (I. M. P., 63).

В приведенных примерах значение непосредственного побуждения передают конструкции una fuerza lo impulsaba a obrar, la rabia le hacía pedalear.

Если мы с помощью символов обозначим элементы, достаточные для выражения данного значения фактитивности, то получим формулы

$$N_1N_2V_1V_2 \quad N_1N_2V_1 + \text{prep} + V_2,$$

где N_1 — субъект фактитивного глагола; N_2 — объект, испытывающий воздействие; V_1 — фактитивный глагол; V_2 — глагол, выражающий действие, к которому побуждается объект. В роли V_2 выступает объективный инфинитив, который присоединяется к фактитивному глаголу путем предложного и беспредложного управления.

Наиболее обычным средством выражения фактитивности в современном испанском языке является конструкция *hacer + infinitivo*, в которой глагол *hacer* всегда управляет беспредложным инфинитивом: * Todos estos verbos 3 (dejar, pedir, hacer y otros) en castellano moderno rijan el infinitivo sin preposición [4, s. 332].

Ряд глаголов ЛСГ фактитивности** допускают только предложное управление, например, такие, как *obligar*, *inducir*, *incitar*, *impulsar*, *invitar*, *mover*, *impeler* и др. Глаголы *exigir*, *aconsejar*, *pedir*, *ordenar* управляют беспредложным инфинитивом. Глагол *mandar* употребляется как в предложной, так и в беспредложной конструкции. Например:

... la piedra no suena sino cuando la impelen a rodar;
el agua murmura sólo corriendo y existiendo (M. L.,

* Кроме выражения *hacer de rogar* — «заставлять себя просить», являющегося фразеологическим сочетанием.

** К ЛСГ фактитивности (лексико-семантическая группа) мы относим глаголы типа *obligar*, *compeler*, *infundir*, *estimular*, *instigar*, *mover*, *incitar* и др., выражающие значение фактитивности всей семантической структурой.

158). Trece números y diez meses va a hacer que, acosados del enemigo malo que nos inducía a hablar, dimos principio a nuestras habladurías (M. L., 74). La señora Marquesa ha ordenado que sin otro más la llevéis a sepultar en Solana (V. I. R., 145). El mismo Cupido con repentina gravedad, le aconsejaba salir al encuentro de aquellas baras. (I. V. B., 111). Y quién os manda tenerlos; de cualquier clase que sean (A. F. N., 64). No fuera nada que nos hubiera mandado a desocupar la casa, sino que esta mañana llegó allá Mellquidas con la orden de que desbaratáramos esta noche y la volvieramos a poner en junto con los postes del lindero, en donde estaban enantes (G. R., 87).

В первых двух примерах глаголы *impeler*, *inducir* управляют инфинитивами *rodar*, *hablar* при помощи предлога *a*; в третьем и четвертом примерах глаголы *ordenar*, *aconsejar* присоединяют объектные инфинитивы *sepultar*, *salir* без предлога, а в пятом и шестом глагол *mandar* управляет объектными инфинитивами *tener* без предлога, а *desocupar* — с предлогом *a*.

Постараемся выяснить роль предлогов, «вклинивающих» между фактитивными глаголами и объектным инфинитивом. Согласно испанским лингвистам, предлог служит для определения связи между словами: *sirve para denotar la relación entre dos palabras* [4, с. 1148]. Одним из предлогов, наиболее часто «вклинивающих» между объектным инфинитивом и фактитивным глаголом, является предлог *a*. С ним могут употребляться следующие глаголы: *convidar*, *invitar*, *mover*, *acostumbrar*, *impulsar* *infundir*, *inclinarse*, *obligar*, *mandar* и др.

Для того чтобы выяснить роль предлогов в фактитивной конструкции, необходимо принять во внимание все элементы данного сочетания: «Природа внутренних отношений предложных сочетаний, очевидно, должна выясняться при учете всех элементов словосочетания: начального, конечного и самого предлога» [5, с. 83].

М. Н. Деев в специальном исследовании, посвященном предлогам современного испанского языка, дает следующую классификацию значений предлога *a*, употребляющегося в конструкции, где в качестве начального и конечного элемента выступают глаголы:

а) Предлог *a* передает общую идею движения. Подобную же мысль высказывает и Мартинес Амадор: *Pide el infi-*

nivo la preposición *a* cuando se une con verbos de movimiento..., también la toma con algunos verbos que denotan tendencia o impulso, como impulsar, excitar y otros [4, c. 758].

б) Предлог *a* выражает понятие цели и косвенной границы, вытекающее из общей идеи движения и направления, например: *Te convido a comer* [6, c. 61].

Придерживаясь рассуждений Мартинеса Амадора и М. Н. Деева, глаголы ЛСГ фактитивности с предлогом *a* несут в себе идею динамичности, импульса (так как само понятие воздействия, побуждения предполагает ее), без которой не может быть совершено действие, вызванное фактитивным глаголом. Например: *Cada cuerpo esta en continuo movimiento para obedecer a la ley que le obliga a buscar el puesto variable que corresponde al grado de intensidad que adquiere o que pierde* (М. Л., 156).

«Каждое тело находится в постоянном движении, подчиняясь закону, который побуждает его искать различные положения, соответствующие степени интенсивности, которую оно приобретает или теряет». То есть *la ley le obliga a buscar* — закон заставляет искать или находиться в состоянии поиска, иначе действие, к которому побуждает *la ley* (закон), не совершится.

в) Предлог *a* сообщает фактитивной конструкции значение целенаправленности, т. е. субъект побуждает объект совершить действие, руководствуясь определенной целью. Например: *Esta noche, como casi todos estaban invitados a tomar café en casa de médico, pero Arsenio se había excusado*. (I. М. Р., 77); *El solo intento de hacerla cumplir me obligaría a dejar la Cartera* (V. I. R., 77).

Из содержания первого и второго примеров ясно видна побудительная целенаправленность глаголов *invitar*, *obligar*, благодаря употреблению предлога *a*.

Проанализируем глагол *mandar*. Данный глагол в конструкции *mandar+infinitivo* имеет значение «приказывать кому-то сделать что-либо». В конструкции *mandar+A+infinitivo* глагол *mandar* имеет значение «посылать»: *Entonces es sinónimo del verbo enviar, sinonimia que tienen también en otros casos: «Mandó a buscar los papeles»* [4, c. 759]. Как утверждает Испанская Академия, *mandar* с предлогом *a* не является глаголом воли [7, c. 406].

Tólete, el bisoñé me lo cambias y ese lo mandas a peinar (V. I. R.).

В данном примере в конструкции *lo mandas a peinar*

ясно видна побудительная направленность глагола *mandar* в значении «посылать», так как тот, кто посылает, не сам совершает действие, вызывает его, т. е. налицо фактитивное значение.

Г. А. Золотова, опираясь на рассуждения Ш. Балли о разграничении обычных и каузативных глаголов, также считает глагол «посылать» каузативным или побудительным: «Сравните, например: пойти и послать (каузировать кого-то пойти); видеть и показывать (каузировать кого-то видеть)» [8, с. 223].

Таким образом, глагол *mandar*, управляющий как предложным, так и беспредложным инфинитивом, является фактитивным глаголом, имеющим два разных значения: велеть и посылать. Данные значения отличаются друг от друга тем, что *mandar* в значении «велеть» выражает воздействие в общей форме, а в значении «посылать» образует конструкцию, в которой происходит уточнение объективных отношений (в данном случае предлог *a* играет роль этого уточнителя, добавляя к фактическому значению глагола *mandar* идею динамичности, импульса и целенаправленности).

Другим испанским предлогом, употребляющимся после фактитивных глаголов перед объектным инфинитивом, является предлог *de*. *Fra casi toda la historia de su vida, confesada en desorden, como impulsada por el ansia de descargar en alguien los secretos, con lagunes y saltos que Rafael rellenaba haciendo esfuerzos de imaginación* (F. N., 143). Предлог *de* в испанском языке относится к предлогам, передающим причинные отношения [6, с. 18].

В предложении *Te invito para discutir un problema* [6, с. 18] в качестве уточнителя объектных отношений выступает предлог *para*, основным значением которого является «указание на цель, назначение» [6, с. 104]. В данном случае предлог *para*, так же как и предлог *a*, служит для передачи значения цели, но употребляется тогда, когда нужно явно выразить значение цели, а не просто показать, что действие затрагивает объект [6, с. 66].

Исходя из вышеизложенного, отметим, что конструкции типа *hacer+infinitivo*, т. е. управляющие беспредложным инфинитивом, передают идею фактитивности в самом общем виде. В них важно то, что субъект является инициатором действия, которое он вызывает, побуждая к его выполнению объект. Поэтому в конструкции *hacer+infinitivo* и ей подоб-

ных основную грамматическую нагрузку несет глагол *hacer*, показатель того, что конструкция является фактивной.

В свою очередь глаголы ЛСГ фактивности, присоединяя объект путем предложного управления, образуют конструкции, в которых уточняются объектные отношения. «Предлог *a* всегда был уточнителем отношений, выражающих направленность к объекту действия» [9, с. 77].

Предлоги *a*, *de*, *para*, с помощью которых фактивные глаголы испанского языка присоединяют объектный инфинитив, характеризуют ЛСГ фактивности с предложным управлением, поскольку в них кроме общего значения воздействия, свойственного конструкциям с беспредложным управлением, заложена идея динамичности, цели и причины действия.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- I. M. P.— Ildefonso M. Pueblonuevo. Madrid, 1960.
L. M.— Larra M. Ensayos satíricos. M., 1967.
V.-I. R.— Valle-Inclán R. La corte de los milagros. 1967.
I. V. B.— Ibañes Vicente, Blasco. Entre naranjas. Habana, 1972.
A. F. N.— Alarcón. Final de Norma. Sevilla, 1878.
G. R.— Gallegos R. Doña Bárbara. Habana.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
3. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
4. Martínez A. Diccionario gramatical. Barcelona, 1966.
5. Деев М. Н. Некоторые вопросы теории исп. предлога.— В кн.: Иностранные языки. Вып. 4. М., 1968.
6. Деев М. Н. Предлоги современного испанского языка. М., 1973.
7. Real Academia Española. Gramática de la lengua cast. Madrid, 1960.
8. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1974.
9. Каджулите С. И. Глагольные словосочетания с объектным инфинитивом во французском языке.— «Учен. зап. Ленингр. ун-та», 1958, № 262. Сер. филол. наук, вып. 50.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ — «Порог варьирования» СЕМАНТИКИ ФРАНЦУЗСКИХ МНОГОЗНАЧНЫХ ГЛАГОЛОВ

Известно, что семантика различных частей речи взаимодействует с их лексической и синтаксической сочетаемостью. Изучению этого взаимодействия на материале разных языков уделяется в настоящее время большое внимание. Глагол представляет в этом смысле особый интерес. Во-первых, потому, что по сравнению с другими частями речи он обладает более разнообразными сочетательными способностями и, во-вторых, являясь структурным центром предложения, финитный глагол своими сочетательными потенциями предопределяет возможные модели построения предложения.

Изучение синтаксической сочетаемости в связи с разграничением лексико-семантических вариантов (ЛСВ) [см. 1, с. 42] глагола имеет не только теоретическое, но и практическое значение: указания в словарях на синтаксическую сочетаемость могут быть основой, а не только дополнительным средством (как это было до недавнего времени) разграничения смысловых различий глаголов [см. 2, с. 5].

Задача нашего исследования — выявление и изучение общих закономерностей взаимодействия семантики и синтаксиса французского глагола.

В качестве исходного материала взяты многозначные глаголы современного французского языка, список которых составлен по словарю Ж. Гугнэма [3].

Прежде чем приступить к анализу конкретного материала, следует сделать несколько замечаний, разъясняющих нашу позицию по некоторым общетеоретическим вопросам. В статье используются понятия валентности и сочетаемости (в лингвистической литературе нет единого твердого мнения по вопросу об определении понятий «валентность» и «сочетаемость»).

Валентностью называется «свойство слова, его способность вступать в комбинации с другими словами [4]. Сочетаемость — это реализация и конкретизация этой способности.

Синтаксическую сочетаемость следует отличать от лексической. Если при анализе лексической сочетаемости при-

нимаются во внимание собственно-лексические значения слов, с которыми может сочетаться данный глагол, то при изучении синтаксической сочетаемости выявляются все те синтаксические конструкции, которые данный глагол образует в речи. Иными словами, лексическая сочетаемость — это реализация семантической валентности, а синтаксическая сочетаемость — реализация синтаксической валентности глагола.

В статье используются также понятия сильных, т. е. обязательных, дополнения (прямого и косвенного), обстоятельства [5, с. 133] и определения, употребление которых необходимо для реализации ЛСВ глагола, а отсутствие либо ведет к реализации иного ЛСВ, либо создает неотмеченность фразы. Ср.: *Michel va à l'école — Michel va bien — *Michel va; Je vous suis — Je suis le texte — *Je suis; A quoi sert cet objet? — *Cet objet sert; Ce journal paraît tous les jours — Jean paraît tranquille — *Il paraît.*

При анализе синтаксической сочетаемости французских глаголов внимание исследователя уделяется, главным образом, замещению правой позиции при глаголе¹, ибо замещение левой обязательно для французского глагола² и однотипно как по характеру синтаксической связи элемента (однородные подлежащие представляют собой один элемент структуры) левой позиции с глаголом (контактное соположение³), так и по характеру самого элемента (имя существительное, его заместитель — местоимение, инфинитив или любое субстантивированное слово [6]).

Перейдем к описанию синтаксических факторов, которые оказываются смыслоразличительными в случае, если имеет место взаимодействие семантики и синтаксической сочетаемости глагола⁴.

¹ Понятия «левая» и «правая» позиции соответствуют положению зависимых от глагола слов в нейтральном повествовательном предложении типа: *Eve donne une pomme à Adam. Michel écoute la radio tous les soirs.* Естественно, что в речи при употреблении слов-заместителей, при сегментации, а также в вопросительном и эмотивном предложениях порядок слов может меняться.

² Незамещенность левой позиции является одной из синтаксических характеристик побудительного предложения.

³ Следует заметить, что связи подлежащего и сказуемого обычно способствуют также их согласование в числе и лице на морфологическом уровне.

⁴ В данной статье мы ограничиваемся описанием только двух из четырех выявленных нами видов взаимодействия семантики и синтаксиса французского глагола.

1. К числу таких факторов, по нашим наблюдениям, относится, прежде всего, изменение количественной валентности глагола. Термин «количественная валентность» обозначает способность глагола сочетаться с определенным числом зависимых полнозначных слов. Предлоги (служебные слова) при этом не учитываются, но в отличие от Л. Теньера нами принимаются во внимание не только актанты, но и сирконстанты, а также сильные определения¹.

Изменение количественной валентности очень многих французских полисемичных глаголов является условием реализации их различных значений. Это значит, что один и тот же глагол, употребляемый в разновалентных структурах, реализует в каждой из них разные ЛСВ.

а) Указанное взаимодействие семантики и синтаксиса обнаруживается в первую очередь у так называемых симметричных глаголов, способных употребляться как одно- и двухвалентные, например: *changer, chasser, descendre, monter, pousser, sortir, etc.* [7].

Одно- и двухвалентные глаголы этой группы могут иметь общее инвариантное значение, а их ЛСВ реализуются при замещенности или незамещенности их правой позиции. Например, инвариантное значение глагола *changer* — действие изменения — конкретизируется в одновалентной структуре как «изменение самого субъекта», а в двухвалентной — как «воздействие на объект с целью его изменения или замены». Ср.: *Le temps a changé — Marie a changé — Marie a changé de coiffure — Marie a changé les meubles dans son appartement.*

При одно- и двухвалентном употреблении глаголов *crever, descendre, entrer, glisser, monter, rentrer, retourner, rougir, tourner* наблюдается такое же, как и у глагола *changer*, изменение семантики, взаимодействующей с изменением количественной валентности глагола. Значение некоторых других глаголов этой группы настолько различно при их одно- и двухвалентном употреблении, что лексикографы склонны считать их омонимами, например, *pousser* — расти и *pousser, qn, qch* — толкать.

Класс симметричных глаголов является открытым: его пополнению благоприятствует способность французского глагола к параллельному (переходному и непереходному) упо-

¹ В этой связи считаем необходимым привести следующее определение: «Le mot «complément» désigne en général tout mot joint à un autre pour en compléter le sens et qui en dépend sans s'accorder avec lui». (Grammaire Larousse du XX siècle, 15-e tirage. Paris, 1936, p. 64).

треблению в речи. Так, например, в словаре DFC зафиксировано новое употребление глагола *débuter* как переходного: *Débuter la séance par un discours* [8, с. 338]. В последнее время в разговорной речи все чаще употребляется двухвалентный глагол *tomber qn, qch*: *tomber un adversaire, tomber sa veste*.

Взаимодействие семантики и количественной валентности глаголов данной группы не всегда является самостоятельным и изолированным от других языковых факторов — оно часто осложняется лексической сочетаемостью глагола. Так, одновалентный глагол *baisser* употребляется преимущественно с именем существительным неодушевленным в левой позиции — *qch baisse*, а двухвалентный — с одушевленным — *qn baisse qch*. То же наблюдение относится и к глаголам *bouillir, chauffer, continuer, pendre, rouler, sentir*.

Взаимодействие семантики глагола и его количественной валентности может быть осложнено также и характером лексико-морфологической сочетаемости глагола. Например, левую позицию при одновалентном употреблении глагола *correspondre* обычно занимает имя существительное во множественном числе (или эквивалентные ему несколько однородных членов): *Toutes les pièces de cet appartement correspondent; La cuisine et la salle à manger correspondent; Ces deux trains correspondent*.

Среди глаголов группы *a* особое место занимают такие, как *passer, paraître, tomber*, способные сочетаться с прилагательным в функции субъектного предикатива: *passer inaperçu, paraître fatigué, tomber amoureux*. При этом двухвалентная структура с прилагательным, в которой реализуется один из ЛСВ многозначного глагола, находится в оппозиции не только к одновалентной структуре с незамещенной правой позицией, но и к двухвалентной структуре, в которой правая позиция замещается именем существительным: *Michel tombe — Michel tombe son adversaire — Michel tombe malade*. Функционально такие глаголы выполняют роль связочных при субъектном предикативе и являются эквивалентными глаголу-связке *être* [9].

б) С реализацией иного ЛСВ глагола может быть также связано нарастание валентности у двухвалентных глаголов, т. е. переход их в разряд трехвалентных. В качестве третьей валентности таких глаголов обычно выступает детерминирующее (сильное) косвенное дополнение, выраженное име-

нем существительным и вводимое предлогами *à* и *de*¹: *épargner qch — épargner qch à qn, payer qch — payer qch à qn, vouloir qch — vouloir qch de qn*. Позиция третьей валентности может также замещаться предложным или беспредложным инфинитивом: *obliger qn — obliger qn à+inf; laisser qn, qch — laisser qn, qch+inf; prier qn — prier qn de+inf*.

Целый ряд глаголов группы *б* способны, подобно отдельным глаголам группы *а*, сочетаться с прилагательным. Это глаголы *estimer, juger, laisser, rendre, trouver*. В отличие от глаголов типа *paraître* прилагательное при трехвалентных глаголах характеризует не субъект, а объект действия (состояния).

В другой подгруппе глаголов роль объектного предикатива выполняет имя существительное, вводимое без предлога. Сюда можно отнести глаголы названия *appeler* и *nommer*, которые реализуют разные ЛСВ в двух- и трехвалентной структурах. Ср.: *La mère appelle son fils — La mère appelle son fils «mon chat»*.

Объектный предикатив, выраженный именем существительным или прилагательным, может оформляться также и наречием *comme*, например при трехвалентном употреблении глаголов *considérer* и *regarder*: *considérer qn, qch — considérer qn, qch comme..., regarder qn, qch — regarder qn, qch comme...*

Двух- и трехвалентные глаголы, образующие семантические варианты, отличаются от одно- и двухвалентных меньшей семантической близостью: расширение полисемии глаголов группы *б* чаще завершается ее разрывом и образованием омонимичных пар типа: *défendre qch — défendre qch à qn*. Отдельные трехвалентные глаголы приобретают сему «каузация действия», например: *apprendre qch — apprendre qch à qn*.

Для ряда глаголов этой группы изменение количественной валентности является не только способом дифференциации их ЛСВ, но и средством выявления их переносного употребления (ср.: *fermer la bouche — fermer la bouche à qn, fermer les yeux — fermer les yeux sur qch, pousser qn — pousser qn à faire qch*).

¹ Из остальных предлогов в конструкциях данного типа в нашей выборке встретился только предлог *en* при глаголе *tourner*: *tourner qn, qch en qch*, в данной модели он чередуется с предлогом *à* (Micro Robert. Dictionnaire du français primordial. Paris, 1973, t. 2, p. 1080).

в) Изменение количественной валентности глагола, взаимодействующее с его семантикой, может осуществляться не только как ее нарастание, увеличение, но и как сокращение, уменьшение. Так, например, в своем основном значении глагол *aboutir* функционирует как двухвалентный: *aboutir à qch*, *aboutir à un lieu*. Но этот глагол может употребляться и в одновалентной структуре с незамещенной правой позицией: *Les recherches, l'enquête ont abouti (Micro Robert)*; *Après un long travail fastidieux, j'ai enfin abouti (DFC)*. Незамещенность правой позиции при глаголе *aboutir*, т. е. сокращение его количественной валентности, способствует реализации иного ЛСВ глагола.

Подобно *aboutir*, по данным нашей выборки, ведут себя глаголы *arruyer*, *arrêter*, *commander*, *tourner*.

Надо сказать, что мысль о сокращении количественной валентности глагола возникает только при учете понятий основного и производных значений. Отвлекаясь от этих понятий, можно говорить применительно к указанной группе глаголов об одном лишь нарастании количественной валентности глагола.

II. Другим параметром, по которому осуществляется взаимодействие синтаксической сочетаемости французского многозначного глагола и его семантики, является способ связи глагола со словами, замещающими правую позицию при нсм. Присоединение элементов правой позиции к глаголу без предлога и с помощью предлога при реализации разных ЛСВ, использование одним и тем же глаголом различных предлогов — все это может служить единственным сигналом к дифференциации разных ЛСВ данного глагола. Глаголы, для семантики которых релевантным оказывается этот фактор, классифицируются нами по типу оппозиций моделей синтаксической сочетаемости, в которых реализуются различные ЛСВ глаголов¹.

Изученный материал позволяет выявить следующие оппозиции (их четыре): а) NVN — NVpN, б) NVN — NVp'N — NVp''N..., в) NVp'N — NVp''N — NVp'''N..., г) NVNp'N — NVNp''N.

а) В бинарной оппозиции структур «беспредложная/предложная» реализуют свои ЛСВ многие двухвалентные глаголы, например: *regarder qch* — *regarder à qch*, *dépendre qch* —

¹ В данном случае для краткости и большей наглядности мы прибегаем к записи моделей синтаксической сочетаемости в виде формул. Принятые символы: N — имя существительное, V — глагол, P — предлог.

dépendre de qch, changer qch — changer de qch, disposer qch — disposer de qch. Появление предлога при этих глаголах сигнализирует о реализации нового значения, которое почти у всех них (кроме *changer*) является переносным. В беспредложной структуре перечисленные глаголы называют физическое действие, совершаемое обычно одушевленным субъектом, а в предложной они описывают отношение субъекта к объекту.

Реализация разных ЛСВ связана в этом случае также с характером имени существительного в правой позиции, иначе говоря, взаимодействие семантики названных глаголов и их синтаксической сочетаемости осложняется их лексической сочетаемостью. Так, например, глагол *pencher*, реализуя свое основное значение в беспредложной конструкции, присоединяет к себе имена существительные неодушевленные, конкретные, называющие предметы или части тела, а при реализации переносного значения имя существительное в правой позиции, присоединяемое к глаголу с помощью предлога *pour*, называет обычно абстрактные понятия. (Ср.: *Il penchait le nez vers le sol...*; *Ton état d'âme est — il l'indifférence, la sensualité ou l'amour? Je penche plutôt pour le troisième état, qui t'est plus nature que les autres* (Martin du Gard).

При реализации разных ЛСВ глагола *user* имеет место также бинарная оппозиция беспредложной и предложной моделей его синтаксической сочетаемости: *user qch — user de qch*. Но при этом релевантно также и собственно-лексическое значение имени существительного в правой позиции, а именно: с помощью предлога *de* к глаголу *user* присоединяются обычно имена существительные, называющие абстрактные понятия (*user d'un droit, user d'un privilège*), без предлога — имена существительные конкретные, называющие одежду или обувь (*user ses vêtements, user ses chaussures*), иногда — явления, связанные с характеристикой физического состояния человека (*user sa santé*).

б) Некоторые двухвалентные глаголы, имеющие больший набор ЛСВ, используют для реализации своих значений и оттенков значений помимо беспредложного управления не один, а несколько различных предлогов [10], составляя тем самым чаще всего тройную оппозицию моделей синтаксической сочетаемости, например: *goûter qch — goûter à qch — goûter de qch, tenir qn, qch — tenir à qn, à qch — tenir de qn, de qch, toucher qch — toucher à qch, toucher de qch; servir qch — servir à qch — servir de qch*.

Одним из наиболее богатых и вариативных по образуемым моделям, опирающимся на смысловозначительные предлоги, является глагол *compter*: *compter qn, qch* (=en calculer le nombre ou la quantité) — *compter sur qn, qch* (=lui faire confiance) — *compter avec qn, qch* (=en tenir compte) — *compter sans qn, qch* (=en négliger l'importance, l'influence) — *compter parmi qn, qch* (=figurer au nombre de) — *compter pour qch* (=avoir la valeur de) [11, с. 271].

Семантика большинства глаголов группы б взаимодействует со способом синтаксической связи элементов структуры не изолированно от других условий их контекстного окружения: это взаимодействие часто осложнено лексической сочетаемостью глагола. Так, например, глагол *tâter* присоединяет к себе имя существительное в правой позиции либо без предлога, либо с помощью предлогов *à* и *de*: *tâter qch* — *tâter à qch* — *tâter de qch*. При этом без предлога к глаголу *tâter* обычно присоединяются имена существительные неодушевленные, называющие предметы, с помощью предлога *à* — существительные, называющие пищу или жидкость, с помощью предлога *de* — существительные, называющие какое-либо дело, занятие, ремесло и т. п. (Ср.: *Les aveugles tâtent les objets pour les reconnaître* — *Il a tâté au vin, à un mets* — *Il a tâté de tous les métiers*).

в) Целый ряд глаголов не имеют беспредложного управления: их ЛСВ реализуются в двухвалентных структурах, образованных каждая с помощью различных предлогов, например: *correspondre à qn* — *correspondre avec qn*, *insister sur qch* — *insister pour qch*, *profiter de qch* — *profiter en qch*. По данным нашей выборки, при реализации ЛСВ глаголов этой группы чаще имеет место бинарная оппозиция моделей их синтаксической сочетаемости.

г) Для некоторых трехвалентных глаголов предлоги могут также оказаться тем фактором, который способствует дифференциации ЛСВ глагола, например: *vouloir qch à qn* — *vouloir qch de qn*, *changer qch contre (pour) qch* — *changer qch en qch*.

Следует отметить, что круг релевантных предлогов довольно ограничен. Используются, главным образом, наиболее абстрактные предлоги, в которых лексическое и грамматическое значение совмещено. Именно они становятся строевыми элементами моделей. Роль конкретных предлогов при этом незначительна: проанализированный нами материал по-

казывает, что их употребление в описанных выше моделях составляет исключение.

Таким образом, во взаимодействии семантики и синтаксиса современного французского глагола выявляются определенные закономерности. Изменение семантики многозначного глагола может быть связано с изменением количественной валентности глагола, а также с изменением способа синтаксической связи глагола со словами, замещающими правую позицию структуры. Вместе с тем целый ряд приведенных выше примеров свидетельствует о том, что взаимодействие семантики и синтаксической сочетаемости глагола часто осложняется собственно-лексическими факторами и что рассмотренные два типа взаимодействия не всегда являются единственно релевантными, изолированными от других языковых условий окружения.

В заключение следует сказать, что результаты данного исследования подтверждают еще раз мысль о многозначности синтаксических средств языка [12], которые не только служат оформлению синтаксических отношений между словами, т. е. являются сугубо структурным орудием подчинения друг другу слов в речевой цепи, но могут быть и орудием смысло-различения, дифференциации ЛСВ этих слов, что мы и попытались показать на примере многозначных глаголов современного французского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.
2. Котелова Н. З. Характеристика синтаксических связей слов в толковом словаре. Автореф. канд. дис. Л., 1954.
3. Gougenheim G. Dictionnaire fondamental de la langue française. Paris, 1958.
4. Юрченко Г. Е. Управление, валентность и дистрибуция глагола в синтаксисе.—В кн.: Вопросы английской филологии. Вып. 51. Горький, 1972.
5. Кацнельсон С. Д. О грамматической категории. Вестник ЛГУ, 1948, № 2.
6. Джанелидзе О. Ш. Типы глагольного управления в современном французском языке. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1972.
7. Lagane R. La classe des verbes symétriques.—«Le Français Moderne», 1968, № 2; Уринов А. Группа симметричных глаголов (к проблеме инвариантности глаголов в современном французском языке). Канд. дис. М., 1971; Богодухов И. А. Соотношение категории транзитивности и модальности в глаголах в современном французском языке (на материале симметричных глаголов). Канд. дис. М., 1975.
8. Dubois J. Dictionnaire du français contemporain. Paris, 1971.
9. Улановский М. И. Связочное употребление глаголов во фран-

цузском языке. Автореф. канд. дис. М., 1971; Юматова И. Н. Глагольно-именная конструкция с прилагательным во французском языке. Автореф. канд. дис. Л., 1963.

10. Репина Т. А. Роль предлогов в прагматической системе французского языка (предлоги *à* и *de* при дополнении к глаголу). Канд. дис. Л., 1954; Яскунайте Р. В. Особенности употребления предложного инфинитива в некоторых глагольно-инфинитивных конструкциях современного французского языка. Канд. дис. М., 1972.

11. Dubois J. Dictionnaire du français contemporain. Paris, 1971.

12. Будагов Р. А. К теории синтаксических отношений.— ВЯ, 1973, № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Мальковский Г. Е. Вариантность слова в плане выражения и контекст	3
Рылов Ю. А. Частицы и контекст	10
Стернин И. А. Системное значение как обобщение контекстуального употребления слова	16
Шарова Н. А. К вопросу о контекстуальной экспрессивности узуально нейтральных лексических единиц в художественном тексте	20
Ляндю Р. Л. Об одном из способов фразеобразования в современном французском языке	24
Кашкина В. К. О соотношении суперфразеологического и сегментного уровней сверхфразовых единств микродиалога	31
Стернина М. А. Эпидигматические отношения в семантической структуре многозначного слова	38
Миронова А. С. Сущность и функции метафоры	41
Кочетова Т. Н. Роль контекста при определении компонентных фразеологических антонимов	47
Быкова О. И. К вопросу о функциональном аспекте изменений в семантической структуре многозначного слова	51
Васильченко А. П. О детерминации и характеристике в определительных конструкциях современного французского языка	58
Брыкова Л. В. К вопросу о стилистических функциях экспрессивного словообразования	64
Гладких В. В. К вопросу о функционировании поздних заимствований в современном английском языке	71
Тищенко К. Г. К вопросу о «дополнительных определителях» глагола sein в современном немецком языке	78
Малкина Н. М. Об одной активной тенденции развития системы словосочетаний, свойственных разговорной речи современного французского языка	87
Крымова И. В. К вопросу о семантической эквивалентности лексических единиц	91
Яцкина В. И. О некоторых подходах к теории семантического поля	97
Вывавкина А. Ф. Примыкающие определения с предлогом von в современном немецком языке	102
Иохвидова А. И. Некоторые аспекты функционирования партитивного артикля во французском языке	109
Ильвес Л. В. Характеризация и степень смыслового единства элементов именной конструкции	116
Звягина С. И. Роль предлогов в конструкциях с фактивными глаголами	120
Гаврилова Л. И. Синтаксическая сочетаемость — «порог варьирования» семантики французских многозначных глаголов	126